ИКОННИКОВ

ВРЕМЯ
ЕКАТЕРИНЫ II-й

В. 3

Д 95/160

243
3
72

Д 35/160

243-3-72

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

136-3-115

143/1883

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

составленный по лекціямъ

профессора

В. С. Иконникова,

читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ III.

КІЕВЪ.
Въ университетской литографіи (І. І. Завадскаго).
1882.

2007041467

1.
243-3-72
143/123
Ф 35/160
Библиотека имени В. И. Ленина
Публ. библ. имени В. И. Ленина С.С.С.Р
Ф 23984-36

Лекція 24

Послѣдствія избранія Станислава Понятовскаго для Россіи. Мы оставили польскій вопросъ въ тотъ моментъ, когда обнаружились первыя недовольствія между новымъ королемъ и поляками. Съ этого момента намъ предстоитъ теперь начать очеркъ политическихъ отношеній Россіи во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ, которыя привели къ первой турецкой войнѣ и первому раздѣлу Польши. Польскій вопросъ составлялъ центральный пунктъ тогдашнихъ отношеній Россіи къ сосѣднимъ державамъ. Какъ извѣстно также какую роль принялъ на себя въ дѣлѣ Польши новый союзникъ Екатерины — король прусскій. Впослѣдствіи онъ признавался такъ: „неутомимо договариваясь и интригуя, я успѣлъ вознаградить нашу монархію за прошлые убытки, воплотивъ польскую Пруссію въ мои старыя области". Но Фридрихъ опасался, чтобы открыто не сдѣлать перваго шага противъ поляковъ. Онъ негодовалъ, что Бенуа позволилъ себѣ слишкомъ забѣгать впередъ въ пользу русскихъ требованій. Но когда былъ заключенъ договоръ съ Россіей, Финкенштейнъ первый объявилъ иностраннымъ посланникамъ въ Берлинѣ о договорѣ и о существующей тайной статьѣ относительно Польши. Въ Петербургѣ не нравилась эта откровенность, а потому когда донесъ объ этомъ кн. В. В. Долгоруковъ, прибавивъ, что и онъ позволилъ себѣ сообщить о томъ иностраннымъ посланникамъ, то получилъ отъ Фридриха „сильный репримандъ". Когда австрійскій посланникъ (Rie)

настаивалъ у Фридриха, чтобы прусскія войска не вступали въ Польшу прежде вступленія войскъ другихъ державъ, то онъ съ негодованіемъ отвергъ это требованіе, ссылаясь на договоръ съ Россіей, союзъ съ которой есть „натуральный" по отношенію къ сосѣдней Польшѣ: „мы должны соединиться и хранить за одно вольность и фундаментальные законы Польши". Король желалъ, чтобы этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ немедленно Екатеринѣ II, причемъ указывалъ, что главный заводчикъ смуты въ Польшѣ именно <u>вѣнскій дворъ</u>: такъ гр. Мерси самъ ѣздилъ къ Браницкому, когда онъ вышелъ изъ Варшавы и убѣждалъ его твердо держаться до конца. Не еще большее безпокойство овладѣло Фридрихомъ, когда Сольмсъ сообщилъ ему, что въ Петербургѣ готовы исполнить желаніе преобразованій въ Польшѣ, мемуаръ о которыхъ былъ представленъ Панину <u>Ржевусскимъ</u>. Панинъ указывалъ даже, что Польша, оправившись отъ сеймоваго безпорядья, можетъ привести въ порядокъ свою юстицію и финансы и сдѣлаться полезнымъ союзникомъ для Пруссіи и Россіи противъ турокъ, запрянивъ собою Австрію. Но Сольмсъ немедленно получилъ предупрежденіе изъ Берлина ни за что не соглашаться на предложеніе Ржевусскаго. Въ томъ же смыслѣ шли сообщенія изъ Варшавы. Бенуа обвинялъ Репнина въ легкомысліи относительно требованій поляковъ и сообщалъ о негодованіи Станислава Понятовскаго на противодѣйствіе его планамъ со стороны мнимыхъ союзниковъ. Онъ прекрасно понималъ, что это противодѣйствіе равняется предварительному приговору надъ Польшею и близкому ея распаденію.

<u>Политика Фридриха II</u>. Но для Фридриха такъ были важны эти пункты, что онъ самъ написалъ Екатеринѣ слѣдующее (30 октября): „Многіе изъ польскихъ вель-

можетъ желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ голосовъ, это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши. Согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ; но послѣ него? Если Ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей, тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будетъ средство производить перемѣны, когда вы найдете это нужнымъ. Чтобы воспрепятствовать полякамъ предаваться ихъ первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма". Панинъ оставался при своемъ, но Екатерина отказала полякамъ въ преобразованіяхъ. „Панинъ нахмурился, сообщаетъ по этому поводу Сольмсъ, но скрылъ свою досаду; ему хотѣлось пріобрѣсть славу возстановителя Польши". (Письма Фридриха въ госуд. Арх. Солов. XXVI, 81; Сборн. т. XX; 18 вѣкъ I, 208-219; донесенія Сольмса, Сборн. т. XXII).

Отношенія Австріи и Франціи. Понятно, что при такомъ согласіи между Россіей и Пруссіей, всѣ протесты австрійскаго правительства (князь Лобковичъ въ Петербургѣ, Кауницъ - Голицыну въ Вѣнѣ) относительно введенія русскихъ войскъ въ Польшу и въ пользу свободнаго избранія короля (въ пользу Ксаверія саксонскаго) оставались безуспѣшными (Солов. 81-84)[1]. Марія Терезія дрожала при мысли о возможности войны изъ-за Польши и категорически заявляла, что она не можетъ дать ничего, кромѣ 100,000

---

1) Русскимъ министромъ при саксонскомъ курфирстѣ въ это время состоялъ князь Андр. Мих. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій. См. о немъ Сборн. рус. ист. общ. т. X и XIII (по указателю).

гульд. въ пользу своего кандидата - „плохая помощь" выразилась она. На всѣ заявленія о переходѣ русскаго войска на польскую территорію, русское правительство оправдывалось тѣмъ, что тамъ находятся войска, охраняющія магазины.

Слабость дѣйствительныхъ аргументовъ со стороны Австріи (т.е. невозможность помощи) признавала и Франція, представители которой (герцогъ Прадянъ[1] кн. Д. А. Голицыну въ Парижѣ, Бераже въ Петербургѣ) также настаивали на уничтоженіи русскихъ магазиновъ въ польскихъ владѣніяхъ и заявляли, что введеніе русскихъ войскъ въ Польшу равняется нарушенію польскихъ правъ при свободномъ избраніи короля, между тѣмъ какъ дѣйствія гр. Браницкаго и Радзивила не на столько опасны, чтобы пользоваться ими для введенія войскъ. Франція болѣе всего опасалась вмѣшательства въ дѣла Польши, за которое собственно стоялъ молодой дворъ (дофинъ и дофина). Когда состоялось избраніе Понятовскаго, то королева (жена Людовика XV) толковала съ своимъ отцемъ Станиславомъ Лещинскимъ, чтобы Понятовскій сталъ называться по крайней мѣрѣ Станиславомъ II или Станиславомъ Августомъ (Раумеръ, III, 331, 352; Соловьевъ, XXII, 84-87).

Отношенія къ Турціи. Не надѣясь на прямой успѣхъ, французскій и австрійскій дворы старались при помощи польскаго резидента (Станкевича), возбудить противъ Россіи Порту. Но ихъ дѣйствія встрѣтили здѣсь противодѣйствіе со стороны русскаго (Обрѣскова) и прусскаго (Рексинъ) представителей. Порта настаивала сначала на исключеніи изъ числа кандидатовъ именно Стани-

---

1) Ошибка въ Сборн. рус. ист. общ. X, 476. Ср. Шлоссеръ, Ист. XVIII ст. III, 153.

слава Понятовскаго. Но когда это не удалось, существеннымъ вопросомъ для нея сдѣлалось условіе, чтобы Ст. Понятовскій не вступалъ въ бракъ съ Екатериной II и это условіе было принято въ Польшѣ. Мало того, Обрѣзкову удалось втолковать турецкимъ министрамъ, что дѣйствія Франціи и Австріи противъ Россіи вызваны тѣмъ, что Россія не закончила съ послѣдней союза, непріятнаго, конечно, для Порты - и рейсъ-эфенди (министръ иностран. дѣлъ въ Турціи) согласился съ этимъ мнѣніемъ. Екатерина по этому поводу написала на донесеніи: „Рейсъ-эфенди мужикъ преумный, надобно стараться его къ намъ приласкать". Но ласкать приходилось не одного рейсъ-эфенди. Лучшимъ благопріятелемъ Россіи оказался переводчикъ Порты - Григорій Гика. Онъ присовѣтовалъ по избраніи Понятовскаго, чтобы послѣдній немедленно сообщилъ объ этомъ Портѣ и заискалъ у нея благоволеніе: это пощекочетъ ея честолюбіе и удержитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. За этотъ совѣтъ Гика получилъ соболій мѣхъ въ 1,000 р. Впрочемъ уже теперь обнаружилось, что однимъ изъ возбудителей неудовольствія противъ Россіи въ Константинополѣ по польскимъ дѣламъ былъ Крымскій ханъ, наговорами котораго были такъ недовольны, что не захотѣли подарить ему даже просимаго имъ крепа. Турція согласилась съ желаніемъ Пруссіи, а потомъ и Россіи о сохраненіи звания дно въ Польшѣ: и для нея слабость Польши представлялась существеннымъ вопросомъ (Солов., XXVI, 89-97).

Положеніе Швеціи. Вліяніе Франціи въ Польшѣ видимо пало. Маркизъ Де-Пони (французскій посолъ) въ это время писалъ изъ Варшавы: „Всѣ поляки говорятъ прекрасно, но немногіе осмѣливаются что нибудь дѣлать и что дѣлаютъ - выходитъ дурно. Теперь поддерживать свободу Поль-

ции значитъ защищать открытое мѣсто безъ гарнизона, безъ офицеровъ, безъ военныхъ запасовъ, безъ укрѣпленій". Это обстоятельство заставило французское правительство измѣнить политику относительно другой сѣверной державы — Швеціи. „Франція, сообщалъ Шуазель французскому посланнику Бретейлю, была введена въ заблужденіе обстоятельствами, слишкомъ благопріятствовала ослабленію королевской власти въ Швеціи, изъ чего возникло метафизическое, невозможное правленіе. Растрачивали деньги на слабыя партіи, а Швеція становилась все слабѣе и незначительнѣе. Поэтому надобно доставить королю болѣе власти."

Бретейль сблизился съ гр. Ферзеномъ для того, чтобы установить въ Швеціи самодержавный образъ правленія, съ тѣмъ самымъ Ферзеномъ, который считался виновникомъ потери головы Брагге за стремленіе къ той же цѣли. Въ виду сейма начались новые подкупы партій со стороны русскаго и французскаго правительствъ. Русскому представителю въ Стокгольмѣ, гр. И. А. Остерману, предписывалось стараться удержать колпаковъ (благонамѣренныхъ) въ согласіи съ придворною партіей, а также, чтобы учрежденія шведскаго правленія остались неизмѣнными[1]. Другими словами: самодержавная императрица стремилась и въ Польшѣ, и въ Швеціи къ поддержанію противоположнаго принципа (98-109). Совершенный порядокъ въ Польшѣ, какъ выражался датскій король бар. Корфу, можетъ быть дѣйствительно опаснымъ для сосѣдей, вотъ главный исходный пунктъ всѣхъ стремленій послѣднихъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тотъ же Корфъ внушилъ Панину и мысль

1.) На расходы Остерману было прислано 50,000 р., а сторонники придворной партіи требовали, чтобы онъ держалъ еще въ запасѣ 200,000 р.

объ образованіи „сѣвернаго союза, сѣвернаго концерта или аккорта", изъ державъ сѣверной Европы, для противодѣйствія союзу австробурбонскому (донесенія Сольмса и записки по этому вопросу въ Сборн. XX, 277-282; 439-446). Но на первыхъ же порахъ эти попытки не могли осуществиться, такъ какъ Фридрихъ слишкомъ эгоистично держался Россіи и не желалъ себя связывать другими обязательствами, а въ особенности о включеніи въ этотъ союзъ ненавистной ему Саксоніи.

Отношенія къ Англіи. Дѣйствія Россіи и Англіи въ Швеціи. Англія готова была идти съ Россіей заодно въ Стокгольмѣ противъ Франціи, но не имѣла ничего общаго въ отношеніи къ Польшѣ. Отъ субсидіи для Россіи на польское дѣло въ 500,000 р., которой добивался въ Лондонѣ гр. А. Р. Воронцовъ, гр. Букингамъ (посолъ въ Петербургѣ) совершенно отказался. Воронцовъ полагалъ, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ болѣе получить отъ партіи оппозиціи — и отсюда тотъ разладъ его съ англійскимъ министерствомъ, который побуждалъ послѣднее хлопотать объ его отозваніи (см. объ этомъ Сборн. XX, 367). Вскорѣ (въ февралѣ 1765 г.) онъ дѣйствительно былъ замѣненъ Гроссомъ[1]. Англія добивалась выгоднаго торговаго союза съ Россіей, но эти хлопоты разбивались объ настояніе Россіи на полномъ союзѣ въ отношеніи

---

1) Генрихъ Гроссъ родился въ Штутгардтѣ въ 1713 г., учился въ Тюбингенѣ и Парижѣ, гдѣ познакомился съ русскимъ посланникомъ кн. А. Кантемиромъ, служилъ при немъ въ Лондонѣ и Парижѣ, выучился русскому языку, а послѣ его смерти занялъ его мѣсто во Франціи. Затѣмъ онъ былъ русск. посланникомъ въ Берлинѣ (1749), Варшавѣ (1752), Гагѣ (1762) и Лондонѣ (1765), гдѣ скончался въ томъ же 1765 г. Онъ отличался красивою наружностію и умомъ. Братъ его лишилъ себя жизни въ

Польши и Турціи. Англія готова была дѣйствовать только въ Швеціи деньгами, принимая на себя половину субсидій. Но все это ни къ чему рѣшительному не привело и Букингамъ также былъ замѣненъ въ Петербургѣ Макартнеемъ.

Король прусскій не хотѣлъ включать въ сѣверный союзъ другія державы, которыя бы связали его новыми обязательствами[1]. Но когда Гроссъ велъ разговоръ о томъ же союзѣ въ Лондонѣ, то Сандвичъ, завѣдывавшій въ англійскомъ министерствѣ сѣверными дѣлами, сказалъ: „Въ новой системѣ упоминается ли король прусскій, потому что мы боимся обширныхъ замысловъ этого государя." Особенно же Англія опасалась втянуть въ договоръ о Турціи, сославшись постоянно на свои торговые интересы, за что Панинъ не щадилъ ее въ своихъ замѣчаніяхъ на донесенія Гросса. За уклоненіе онъ называлъ „купеческими отговорками", ея увертки — „лавочною торговлею", ея политику — „торгашескою" (Соловьев. 111–123)[2]. Дого-

---

1742, будучи подвергнутъ допросамъ въ Тайной канцеляріи по дѣлу гр. А. И. Остермана, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ воспитателя его дѣтей.

1.) Для переговоровъ съ нимъ о союзѣ и польскихъ дѣлахъ былъ нарочно отправленъ бар. Сальдернъ, близкій человѣкъ Петру III (переговоры объ этомъ въ прусскихъ дѣлахъ 1766 года. См. Соловьев. XXVII, 198–207. Дипломатич. бесѣда Сальдерна съ Фридрихомъ II). Послѣ этого Фридрихъ возненавидѣлъ Сальдерна. См. о немъ у Шлоссера, Ист. XVIII ст., т. III, 79–83, 145.

2.) Проектъ договора въ Сборн. XII, 118–124. Ср. 17–19, 76, 102, 140, 141, 156–157, 58–60 (о титулѣ). По указанію гр. Букингама въ 1763 г. англ. купцы изъ Петербурга вывезли товаровъ на 3,465,000 р. (съ таможенн. пошлиной и друг. расходами); цѣнность товаровъ, доставл. въ Россію — 9,100,000 р., балансъ въ пользу Россіи 2,555,000 р. Общій же ввозъ составлялъ 8,162,235 р., вывозъ 12,762,492 р., балансъ — 4,600,256 р. (безъ контрабанды). Шагин, V,

воръ между Англіей и Россіей (на 20 лѣтъ) состоялся только въ половинѣ 1766 г., притомъ съ существенными ограниченіями для англійской торговли и въ интересахъ морскаго дѣла Россіи, которыми нарушался такъ называемый актъ мореплаванія (британскій уставъ), направленный противъ участія иностранцевъ въ англійской торговлѣ (переговоры о мореплав. и морскомъ дѣлѣ см. Сборн. XII, 240-92 и др. Договоръ въ П.С.З. Ср. Сборн. XX, 422-38).

Но если переговоры не ладились съ Англіею относительно Польши и Турціи, то въ Швеціи Россія сорила деньгами вмѣстѣ съ англичанами. Остерманъ доносилъ, что онъ издерсалъ на свои интриги 802,326 талеровъ мѣдною монетою (т.е. 30,000 р.); но въ его распоряженіи оставалось еще 665,358 тал. и послано было вновь 70,000 р. и 100,000 р. Англійскій министръ Гудрикъ издерсалъ 360,000 тал. Прусскій министръ денегъ не тратилъ, а только поддерживалъ Остермана. Для противодѣйствія имъ сорилъ и французскій посолъ; но французское вліяніе находило себѣ поддержку въ королѣ и особенно въ королевѣ, которая употребляла всѣ усилія, чтобы провести въ сеймѣ, сена-

---

401-405, Suppl. I. Интересны замѣч. о торговлѣ англичанъ въ Турціи, Голов. 202. Торговый договоръ вызвалъ весьма рѣзкія замѣчанія Макарцея о русск. политикѣ и ея руководителяхъ - Сборн. XII.

Вопросъ о торговлѣ съ Россіею имѣлъ для Англіи весьма важное значеніе, такъ какъ еще въ началѣ 60-хъ г. изъ 385 кораблей, приходившихъ въ Петербургъ, 157 было англійскихъ (остальные распредѣлялись такъ: сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ 87, голландскихъ 58, датскихъ 33, шведскихъ 30, русскихъ 12, испанскихъ 3). Storch, Gemälde des russisch. Reichs am Ende des XVIII Jahrhund. т. V, 441. Вывозная торговля вся въ рукахъ англичанъ, замѣчаетъ Ж-Кабръ. Налагая высокія пошлины на французскія вина, допускали ввозъ англійскаго пива на 300,000 р. въ годъ.

тѣ и коммиссіяхъ сторонниковъ французской партіи. Въ этихъ преніяхъ прошелъ 1765 и 1766 г.г. Снова понадобились субсидіи и отъ Россіи и отъ Англіи. „Благонаміѣреннымъ" удалось, при содѣйствіи представителя Россіи, провести новую конституцію, строго опредѣлявшую границы между тремя властями; но король, поддерживаемый французскою партіею, во главѣ которой стояли Ферсенъ и Синклеръ, отказался подписать ее, ссылаясь на ограниченіе своей власти (Солов. XXVII, 211-17).

Данія, съ которой Россія вступила въ союзъ по дѣламъ шведскимъ, въ тоже время заискивала и во французской партіи, которой и была обязана брачнымъ союзомъ наслѣднаго шведскаго принца Густава съ датской принцессой. (Солов. XXV, 189-202; XXVII, 212). Чтобы парализовать это вліяніе и увлечь Данію въ сѣверный союзъ, Панинъ предлагалъ даже отдать Даніи Голштинію безъ всякаго обмѣна (на Ольденбургъ и Дельменгорстъ), что и было поручено тому же Сальдерну; но перемѣна, происшедшая на престолѣ (по смерти Фридриха V вступилъ Христіанъ VII!), не ручалась за успѣхъ этого дѣла. По смерти русскаго посланника Корфа, въ Копенгагенъ былъ отправленъ генералъ-маіоръ М. М. Философовъ (Солов. XXVII, 220-21).

Сѣверный союзъ. Просъ умеръ въ Лондонѣ въ 1765 г. Мѣсто его занялъ гр. Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ (Солов. XXVII, 221, Сп. о немъ Сборн. т. XII, 499, указатель), который пробылъ въ этомъ званіи до конца 1769 г. (св. 484-85). Не смотря на постоянныя уклоненія Англіи отъ сѣвернаго союза, Россія не переставала хлопотать по крайней мѣрѣ о постоянномъ союзѣ съ Англіею относительно Швеціи и даже исключала изъ своихъ переговоровъ вопросъ о Турціи. Этотъ союзъ съ Англіей былъ тѣмъ болѣе важенъ для нея, что приближавшійся разрывъ съ Турціей дѣйствительно состоялся въ 1768 г.; а между тѣмъ французское вліяніе брало верхъ въ Швеціи. Только съ Даніей и Пруссіей сѣверный союзъ былъ за-

ключенъ. (Сборн. XII, 380–84, 412–25, 433–41, 442–64, 469, 485).[1] Однако Фридрихъ II чрезвычайно тяготился вліяніемъ на дѣла русской политики. „Мнѣ страшно начинаетъ наскучать иго, которое хотятъ на меня наложить, писалъ онъ Сольмсу; я съ удовольствіемъ буду въ союзѣ съ русскими, но пока глаза мои не закроются я не буду ихъ рабомъ. Я остаюсь того мнѣнія, что русскій союзъ пригоднѣе всякаго другаго. На этомъ основаніи я простеръ свою податливость къ проектамъ императрицы такъ далеко, какъ не одинъ союзникъ этого не дѣлаетъ. Но теперь я перемѣнюсь или сдержусь вслѣдствіе наглости, съ какою эти господа хотятъ мнѣ предписывать законы... Вы видите, какъ они трактуютъ Швецію и Польшу, а я, прирожденный самодержецъ и, будучи такимъ до сихъ поръ, склоняюсь подъ иго государства, съ которымъ я въ союзѣ, но которому я не подчиненъ. Нѣтъ, никогда этого не будетъ!.... Но Фридриха утѣшали на счетъ Австріи. Сольмсъ передалъ ему слова Панина: „если Австрія захочетъ воевать, то императрица вовсе этого не боится... Если Австрія вмѣшается въ польскія дѣла, подъ предлогомъ защиты католицизма, то Россія подниметъ въ Венгріи и друг. областяхъ австрійскихъ всѣхъ некатоликовъ". (Солов. XXIII, 208–209).

Политическія интриги. Интересно, какъ понимали иностранные дипломаты укрѣпившуюся наконецъ связь между Россіей и Пруссіей. Герцогъ Пралонъ (иноск. мнѣ), въ отвѣтъ на сообщеніе французскаго посла въ Петербургѣ Бераноне, писалъ ему: „Неудивительно, что отъ времени до времени проходятъ облака между королемъ прусскимъ и русскою императрицею: оба они крайне честолюбивы, оба имѣютъ политическіе виды и

1) Датскимъ посломъ въ Петербургѣ до 1765 г. былъ баронъ Д'Остенъ, а въ это время онъ замѣненъ Ассебургомъ, бывшимъ одновременно съ Панинымъ посломъ въ Стокгольмѣ, рус. Стар. 1877, т. XIX, 168.

интересы, часто сталкивающіеся; иск сотоъ несостоятелъ самъ по себѣ; онъ произошелъ вельдствіи случайныхъ обстоятельствъ, а не вельдствіе хорошо обдуманной съ той и другой стороны системы. Можетъ быть случиться, что польскія дѣла заставятъ насъ поссориться". (Солов. XXVI, 118). Но тотъ же Беранже сообщалъ Пралону и французскому послу въ Швеціи Бретейлю, уже заявившему себя въ Россіи подобными замыслами о непрочности на престолѣ Екатерины II, о недовольствіи, существующемъ противъ нея, о лицахъ, готовыхъ лишить ее престола, причемъ оба посланника совѣтовали поддерживать этихъ людей деньгами и покровительствомъ, чтобы „низвергнуть Екатерину со всѣми взгроможденными ею планами". Донесенія эти были добыты англійскимъ правительствомъ и переданы тогда-же Гроссу. Понятно, что Екатерина должна была возмутиться поступками и вскорѣ добилась отозванія Беранже, мѣсто котораго занялъ маркизъ Госсе (Солов. XXVII, 122).

Наставленія кн. Репнину. Между тѣмъ въ Турціи продолжались возбужденія противъ Россіи со стороны Австріи и Франціи, которыя поддерживались поляками. Порта грозила уже сверженіемъ молдавскаго господаря, подозрѣвая его подкупленнымъ Россіей (Гика былъ сдѣланъ молдавскимъ княземъ, но въ тоже время за щедрые дары обѣщалъ служить Россіи). Репнинъ подозрѣвалъ въ происках въ Константинополѣ коронного гетмана, краковскаго епископа и кіевскаго воеводу, а резидентъ Станкевичъ былъ именно креатурою коронного гетмана. Между тѣмъ въ февралѣ 1765 г. Репнинъ получилъ уже наставленія, въ которыхъ указывалось на диссидентскій вопросъ, безъ разрѣшенія котораго Россія не можетъ примириться съ польскою политикою; на то, что въ этомъ вопросѣ противъ Россіи дѣйствовали тѣ же Чарторійскіе; на разладъ между королемъ и послѣдними, вельдствіе честолюбивыхъ замысловъ

этой фамиліи. Съ другой стороны поручалось утвердить короля въ необходимой дружбѣ, которая укрѣпитъ его на престолѣ; не подавать поводовъ враждѣ противъ Пруссіи и не давать себя ввести въ обманъ Австріею. Репнину наказывалось въ самыхъ интимныхъ выраженіяхъ имѣть возможно чаще бесѣды съ королемъ и людьми, склонными къ нему и описывать все съ необходимыми подробностями, а не такъ какъ Кейзерлингъ, описывавшій „одни феты и происшествія"... „Мнѣ надобно прежде всего, говорилось въ письмѣ, знать людей, которые теперь заправляютъ дѣлами, ихъ характеры, степень ихъ вліянія на короля и кредита у націи". (Солов. XXVI, 164–66).

Польша и Пруссія. Поступки Фридриха II.

Начались и другія неудовольствія. Понятовскому хотѣлось, чтобы Россія сблизилась по отношенію къ Польшѣ съ болѣе благогріятствовавшимъ ей дворомъ венскимъ, а не прусскимъ; въ Петербургѣ были недовольны, что король не наградилъ трехъ русскихъ генераловъ, бывшихъ съ своими войсками въ Польшѣ. Король былъ недоволенъ введеніемъ таможеннаго сбора на прусской границѣ въ отмѣстку за сборъ пошлины съ лошадей, купленныхъ для Пруссіи, а Панинъ считалъ нужнымъ предостерегать, что виды короля прусскаго могутъ идти и далѣе этого. Онъ указывалъ на печальную вражду Чарторыйскихъ къ королю, на ежемѣсячное большое обольщеніе принципомъ „большинства", на интриги сераля и противныхъ намъ союзниковъ. Онъ внушалъ королю покорность обстоятельствамъ и благоразуміе. Чарторыйскіе боялись проводить вопросъ о диссидентахъ, чтобы не потерять значенія въ странѣ, а между тѣмъ въ Петербургѣ смотрѣли на нихъ, какъ на вождей русской партіи въ Польшѣ. Неудовольствіе усили-

лось повѣшеніемъ дѣлъ въ Курляндіи. Симолинъ сообщалъ Рейнину, что Биронъ возбудилъ противъ себя общее негодованіе, что онъ не съумѣлъ поддержать расположеніе въ дворянствѣ, а Биронъ жаловался королю на Симолина, обвиняя во всемъ его. И король просилъ объ отозваніи Симолина изъ Митавы. Вдругъ король узнаетъ о постройкѣ прусскимъ королемъ укрѣпленій по Вислѣ, объ устройствѣ Маріенвердской таможни, которой подчинены были даже суда проходившія по Вислѣ... Онъ ставитъ на одну доску свой престолъ и существованіе этой таможни. По разсчету судовъ, приходившихъ въ Данцигъ, оказалось, что эта таможня должна была приносить прусской казнѣ 200,000 р. въ годъ, равный доходамъ со всей Бранденбургской Пруссіи. И даже Рейнинъ, донося о просьбѣ короля, заявлялъ, что эти поступки короля прусскаго „жестоки и оскорбительны до невозможности". Начались переговоры польскаго министерства съ прусскимъ о таможенныхъ дѣлахъ. Поляки оправдывали свои пошлины финансовыми нуждами страны и возстановленіемъ прежнихъ порядковъ, а не учрежденіемъ новыхъ. Оставалось единственное посредство русской императрицы, которую польскій король считалъ болѣе могущественною въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ прусскаго короля. Въ февралѣ 1765 г. Рейнинъ писалъ объ окончательномъ охлажденіи фамиліи Чарторыйскихъ и о разладѣ ихъ съ семействомъ Понятовскаго, такъ что на случай выбора коронного гетмана, онъ уже ставилъ вопросъ брата короля или русскаго воеводу Чарторыйскаго и Екатерина предпочла перваго. Между тѣмъ не смотря на существовавшую подозрительность между Понятовскимъ и прусскимъ правительствомъ, Станиславъ Понятовскій написалъ весьма рѣзкое письмо къ Фридриху по поводу все

той же таможни, такъ что Екатерина отозвалась о необходимости сдержать „живость и остроумiе" польскаго короля. (О таможенъ письмо Екатерины II. Сборн. XVIII, 215-18, 232; XX, 372-80, 384). Тѣмъ не менѣе, по настоянiю Екатерины II, дѣйствiя таможни были прекращены (въ полов. 1765 г.) до предстоявшаго сейма. Но при этомъ вскрылись весьма непривлекательныя дѣйствiя самого Фридриха II.

Присланный по дѣлу о таможенѣ въ Варшаву, бар. Гольцъ, признавался Реннину, что въ требованiяхъ поляковъ заключается и интересъ прусскихъ купцовъ, о которомъ онъ заявилъ бы, если бы онъ былъ ихъ агентомъ, а не представителемъ прусскаго короля; почему онъ долженъ предпочитать его личные интересы. Прочтя донесенiя объ этомъ Реннина, Екатерина написала на немъ: „стало быть для прусскаго короля есть другая слава, кромѣ блага его подданныхъ: это такiя странности, которыя не вмѣщаются въ моей головѣ". Кромѣ того, императрица узнала, что Бенуа долженъ былъ предложить польскому королю 150,000 тал. за содѣйствiе въ дѣлѣ о таможнѣ; а въ Петербургѣ Фридрихъ уполномочилъ раздать по этому дѣлу 50-60,000 руб. Макартней говоритъ, что это дѣло значительно подорвало расположенiе къ прусскому королю въ Петербургѣ. Мало этого. Въ то время какъ Екатеринѣ приходилось улаживать таможенное дѣло Фридриха, въ Константинополѣ была открыта интрига его посла Рекснна, добивавшагося союза Пруссiи съ Портою, отъ котораго впрочемъ торжественно отрекся Фридрихъ, выданный русскими и англiйскими донесенiями изъ Константинополя.

<u>Диссиденческiй вопросъ.</u> Вообще дѣйствiями Реннина императрица была довольна, о чемъ не разъ сообщалъ ему Панинъ.[1]

---

1) Реннинъ для успѣха дѣла прибѣгалъ и къ ухаживанiю за влiятель-

Таможенное дѣло должно было рѣшиться на сеймѣ вмѣстѣ съ диссидентскимъ.[1] Между тѣмъ 15 іюня пріѣхалъ въ Варшаву епископъ Георгій Конисскій, который предъявилъ свои жалобы королю. Король обѣщалъ удовлетвореніе, но когда пріѣхалъ вице-канцлеръ литовскій Пржездецкій, то онъ опуталъ все это дѣло такими судебными формальностями, что Конисскій и не радъ былъ, что началъ его. Вмѣсто удовлетворенія нуждъ на будущее время, начался искъ противъ виновныхъ, причемъ многіе оказались уже умершими, а другіе не могли явиться на судъ по недостатку средствъ.

Король обѣщалъ во что бы то ни стало проводить диссидентское дѣло, даже если бы пришлось проводить его въ сенатѣ посредствомъ оружія; но не рѣшался за исходъ, а потому просилъ прислать денегъ и войска. Кромѣ того Панинъ указывалъ на необходимость удовлетворить требованія и другихъ протестанскихъ державъ, которыя, если не всѣ содѣйствовали, то непротиводѣйствовали избранію его. А между тѣмъ король во всемъ полагался на союзъ съ Франціей, которая никогда не забудетъ случая съ Сп. Лещинскимъ и вмѣстѣ съ Австріею будетъ стараться подрывать интересы саксонскаго дома. Король поспѣшилъ раскаяться передъ Репнинымъ въ посылкѣ министра во Францію и сваливалъ всю вину на своего брата австрійскаго генерала. Но мы знаемъ желаніе короля относительно Франціи въ письмахъ къ Жоффренъ. Теперь онъ желалъ даже перемѣстить къ своему двору французскаго

ными женщинами. Сольмсъ Фридриху II, Сборн. XXII, 702. Ср. Ст. Понятовскій и кн. Репнинъ съ портретами Уманца, въ Ст. и Нов. Вс. 1875 г.

1) Права диссидентовъ были утверждены королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Генрихомъ Валуа. Петровъ, Исторія турецкой войны, I, 5-6; просьбы противъ диссидентовъ и церковныхъ братствъ, гл. 13.

посла въ Стокгольмѣ Бретейля, не нравившагося Екатеринѣ II.

Положеніе Станислава Понятовскаго. Дѣйствія кн. Ѳ. В. Репнина. При всемъ томъ Ст. Понятовскій видимо склонялся въ эту сторону, потому что тамъ лежали религіозныя и политическія симпатіи его страны. Въ сущности же король находился между двухъ огней. Жоффренъ онъ писалъ: „Вы играете въ мячъ съ Австріею. Она говоритъ, что препятствуете ей признать меня королемъ, а вы говорите, что препятствія этому родились въ Вѣнѣ и вмѣстѣ путаете головы этимъ бѣднымъ туркамъ, которымъ внушаютъ паническій страхъ передъ какимъ-то бѣдствіемъ, долженствующимъ постигнуть ихъ изъ Польши. Не прогнѣвайтесь: ваша политика бредитъ, а моя вознегодуетъ (мартъ 1765). О своемъ положеніи король говоритъ: „Трудность натурализаціи иностранцевъ, презрѣніе къ простому народу и его угнетеніе и католическая нетерпимость — вотъ три самыхъ сильныхъ предразсудка, съ которыми я долженъ бороться въ полякахъ. Они въ сущности народъ добрый, но воспитаніе и невѣжество дѣлаетъ ихъ страшно упрямыми на счетъ этихъ пунктовъ и для излеченія ихъ отъ этихъ предразсудковъ необходимо идти тихо."

Король отчаивался въ успѣхѣ своихъ реформъ. Передъ пріѣздомъ Жоффренъ въ Варшаву, онъ писалъ ей: „Вы найдете вашего сына очень занятымъ, и это еще не бѣда, но вы найдете его почти всегда печально занятымъ составленіемъ плановъ, въ осуществленіи которыхъ нѣтъ успѣха. Постоянныя препятствія шли отъ предразсудковъ или отъ злонамѣренности внутри и внѣ.

В. Иконниковъ.

захочу сдѣлать что нибудь хорошее - не могу, по недостатку власти, какъ государь, ограниченный завистливою свободою, и какъ вождь народа безоружнаго. Петръ I гранилъ большой дикій алмазъ, но онъ былъ господинъ и алмаза и орудій, которыми онъ производилъ гранеціе. Присоедините къ тому темпераментъ меланхолическій и чрезвычайно чувствительный, и судите, каковъ я долженъ быть, особенно когда могущественный сосѣдъ даетъ мнѣ чувствовать, что онъ затѣмъ и помогъ мнѣ достигнуть престола, чтобы отнять у меня всякую возможность противиться его самымъ оскорбительнымъ обидамъ."

Чарторыйскіе до того разошлись съ королемъ, что воевода русскій помѣщалъ заранее королю сдѣлать заемъ, убѣдивъ, что ему вѣрить нельзя и король занялъ деньги подъ росписку у Репнина (20,000 червон.)[1], который отослалъ ее въ Петербургъ. Тотъ же Репнинъ побуждалъ короля жениться на дочери португальскаго короля, который былъ связанъ дружбою съ Англіей, а такой бракъ сблизилъ бы Польшу съ ея вѣрнымъ союзомъ (Соловь. 162-185)

Но переписка короля съ Жоффренъ убѣждаетъ, что и онъ обладалъ тѣмъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ, который шелъ на встрѣчу фанатизму. Поэтому можно признать вполнѣ искренними его слова въ письмѣ къ Екатеринѣ (20 апрѣля 1765 г.): „Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ (слѣдовательно и Чарторыйскихъ, какъ наиболѣе ближкихъ), я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не

1) Чтобы не дать возможности сдѣлать заемъ у самихъ Чарторыйскихъ, дядей короля.

умертвили примаса въ моемъ присутствіи". Репнину приходилось дѣйствовать на короля, чтобы положить конецъ деспотическому вліянію на него Чарторыйскихъ. Но, признается Репнинъ, „слабость его столь удивительна, что не узнаютъ его передъ тѣмъ, какъ онъ былъ парикулярнымъ человѣкомъ". Начались негоціаціи съ самыми Чарторійскими, но они тоже жаловались на слабость короля и заявляли, что не посмѣютъ сами поднять такого вопроса, какъ диссидентскій. Противъ рѣшенія этого вопроса дѣйствовали преимущественно епископы виленскій, Масальскій, краковскій - Солтыкъ, каменецкій - Красинскій. Но когда Репнинъ предложилъ поставить въ ихъ мѣстахъ русскія войска, то Чарторыйскіе, а затѣмъ и король отказали. Чарторыйскіе просили даже вовсе вывести русскія войска изъ Литвы, въ виду наступавшихъ сеймовъ. Теперь король пришелъ въ такой страхъ, что умолялъ Екатерину уклоняться съ диссидентскимъ вопросомъ, считая его рѣшеніе роковымъ для себя ударомъ. Потерявъ надежду на успѣхъ, Репнинъ распорядился приведеніемъ войскъ въ означенныя мѣстности. На всѣ же требованія о допущеніи диссидентовъ въ разныя должности и хотя въ ограниченномъ числѣ на сеймъ, - Чарторыйскіе отвѣчали, что они обѣщали только вѣротерпимость - не болѣе. Послѣ этого Екатерина предписала Репнину, въ случаѣ неудачи, постараться разорвать сеймъ и конфедерацію, чтобы не дать Чарторыйскимъ провести свои реформы, тѣмъ болѣе, что Августъ Чарторійскій былъ даже избранъ маршаломъ послѣдней.

Репнину было предписано противодѣйствовать Чарторыйскимъ обращеніемъ къ лицамъ, считавшимся ихъ

соперниками и которые завидуютъ ихъ настоящему положенію.[1] Король однако надѣялся, что среди этой борьбы ему удастся провести на сеймъ свои преобразованія, а именно, чтобы вопросы объ увеличеніи войска и подачей рѣшались большинствомъ голосовъ. Тогда Репнинъ вмѣстѣ съ Бенуа заявилъ, что онъ не потерпитъ такого нарушенія конституціи. Замѣчательно, что тѣже Чарторыйскіе, которые считались изобрѣтателями этихъ плановъ, изъ нерасположенія къ королю и желая высказать свое прежнее сочувствіе къ императрицѣ, поддерживали теперь требованія Репнина. Самая конфедерація была распущена при ихъ содѣйствіи. Но съ этимъ вмѣстѣ погибалъ и вопросъ о диссидентахъ, такъ нелюбимый „фамиліею". Король съ большимъ неудовольствіемъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ предложеній, а Репнинъ продолжалъ выхвалять Чарторыйскихъ передъ русскимъ правительствомъ. Въ концѣ года (1766) онъ сознавался уже, что проведеніе самого вопроса не въ силахъ ни короля, ни Чарторыйскихъ. Въ неудачахъ этихъ Репнинъ по прежнему обвинялъ религіозный фанатизмъ. „Однимъ словомъ, писалъ онъ, энтузіазмъ и сумасбродство, заразившіяся отъ внушеній духовенства и отъ скупости, чтобы авантажи коронные не раздѣлять съ диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно свыше всѣхъ здѣшнихъ силъ." Король, при торжественномъ пріемѣ, на которомъ былъ и Репнинъ, заливался слезами надъ тѣми бѣдствіями, которыя постигли его.[2] Но Чарторыйскіе про-

---

1.) Послѣ этого они вынуждены были просить прощенія у императрицы. Сборн. XX, 453, 548-50; О нихъ см. еще 415, 554, 556.

2.) Король вслѣдствіе стѣсненнаго матеріальнаго положенія

болонами заискивать у Репнина и наговаривать ему на короля, какъ дѣйствовалъ напр. литовскій канцлеръ. На сеймѣ же дѣло о диссидентахъ на столько казалось опаснымъ, что депутата Гуровскаго, заявившаго свое слово въ ихъ пользу, грозили изрубить въ куски. Для Репнина оставался такимъ образомъ единственный путь, указанный ему изъ Петербурга - это образованіе конфедераціи изъ диссидентовъ, о чемъ онъ и намекнулъ Чарторыйскимъ, но тѣ указывали на опасность для диссидентовъ такого образа дѣйствій.(1) Тогда Репнинъ заявилъ, что опасность можетъ быть для тѣхъ, кто осмѣлится совершить насиліе съ диссидентами, защиту которыхъ возьметъ на себя Россія. Послѣ этихъ разговоровъ, онъ спросилъ диссидентовъ, когда они готовы будутъ устроить конфедерацію.(2) Было назначено 9 марта 1767 г. А между тѣмъ лица, преданныя Россіи, обратились за содѣйствіемъ къ партіи, противной Чарторыйскимъ, въ числѣ которыхъ были: Потоцкіе, Оссолинскіе, Мнишекъ; епископы Солтыкъ и Красинскій. Успѣхъ среди нихъ снова показалъ, что въ той внутренней борьбѣ, какая велась въ предѣлахъ Польши, часто забывались принципы и на первый планъ выступали личныя стремленія партій.

находился въ постоянной зависимости отъ русскаго правительства. Такъ, теперь ему назначено было на домашнія нужды 50,000 р. и выдача денегъ зависѣла отъ Репнина (Сборн. XX, 512, 558).

1.) Эта опасность грозила со стороны духовенства. Процессъ епископовъ на основаніи постановленія 1717 и 1764 г. № 556, 558.

2.) Репнину было назначено 100,000 р. для поддержки партіи, 476. О диссидентахъ, конфедераціяхъ и т. п. Сборн. XX, 465-75, 77. 484-486. 494, 501-510.

(Ист. пад. Польши, Соловь. 37-48). Противники диссидентскаго вопроса разсчитывали даже на содѣйствіе католическихъ государствъ, которые выйдутъ изъ своего бездѣйствія, когда возгорится религіозная борьба въ Польшѣ (Сборн. 559. Рѣзкая переписка между королемъ польскимъ и Екатериною II по диссидентскому вопросу и внутренн. политикѣ Польши, въ прилож. къ донесеніямъ Сольмса, 517-538. Дальнѣйшіе переговоры съ Фридрихомъ, 539-579).

Лекція 25.

Образованіе диссидентскихъ конфедерацій въ 1767 г.

Въ мартѣ 1767 г. протестантская конфедерація собралась въ Торнѣ, подъ предводительствомъ гр. фонъ-Гольца; другая конфедерація, состоявшая изъ православныхъ Новогрудка и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, образовалась въ Слуцкѣ. Маршаломъ ея былъ избранъ Грабовскій. Но русскому правительству вожди эти казались недостаточно сильными и опасными въ глазахъ польской партіи, которая довела свои дѣйствія противъ короля до крайнихъ предѣловъ, угрожая ему смертію за его нерѣшительный образъ дѣйствій (Петровъ, Ист. перв. турец. войны, I, 22), а между тѣмъ императрица объявила королю и Рѣчи посполитой свое намѣреніе поддерживать требованія диссидентовъ (ib 23), хотя въ тоже время увѣряла поляковъ въ своей готовности сохранять современный порядокъ вещей. Число конфедератовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ и въ скоромъ времени составился уже списокъ въ 600,000 чел, который Репнинъ представилъ королю въ Варшаву, какъ результатъ его двойственной политики. „Вы видите теперь, ска-

залъ онъ, что все въ моихъ рукахъ; ваша корона можетъ держаться только вашими уступками". Король чувствовалъ себя одинокимъ среди своей родни. Думали одно время смутить поляковъ крестьянскимъ бунтомъ и выпустить отъ ихъ имени угрожающій манифестъ, но это не подѣйствовало. Тогда король прибѣгнулъ къ конфиденціальнымъ совѣщаніямъ съ Репнинымъ и согласился на уступки. Теперь Репнинъ заявилъ уже конфедераціямъ, что ихъ дѣйствія должны не касаться короля и кто окажется противъ него, не будетъ выпущенъ изъ Варшавы. Король послѣ того совѣтовался съ министрами, объявилъ согласіе на созваніе чрезвычайнаго сейма на 5-ое октября 1767 г., но просилъ Репнина оградить возможность нежелательныхъ въ краю, заявивъ свое согласіе и министровъ въ пользу диссидентовъ. Теперь заботились найти и предводителя конфедераціи. То былъ кн. К. Радзивилъ, проживавшій въ Дрезденѣ, бывшій врагъ короля, самый богатый изъ литовскихъ пановъ, поместья котораго теперь были въ страшномъ запущеніи. Ему было сдѣлано предложеніе отъ императрицы возвратиться въ Литву, причемъ обѣщано было возвратить ему всѣ права и званія, но подъ условіемъ — дѣйствовать въ интересахъ императрицы, возвратить диссидентамъ всѣ ихъ церкви и не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ. Радзивилъ съ восторгомъ согласился на эти предложенія и обѣщалъ повиноваться ея приказаніямъ, прося даже назначить къ нему посланнаго чиновника, для огражденія отъ всякихъ недоразумѣній. Между тѣмъ пришли извѣстія отъ коронного референдарія Подосскаго, что Солтыкъ, Оссолинскій, Велгурскій (литов. кухмистръ), Потоцкіе согла-

сны на предложенія Репнина, просили покровительства Екатерины, готовы содѣйствовать образованію конфедераціи и провести диссидентское дѣло. Имъ сообщено было явиться къ 10 апр. въ Варшаву, а между тѣмъ въ Репнинъ сталъ заискивать повѣренный саксонскаго принца Карла, который разсчитывалъ, при настоящемъ недовольствіи въ странѣ противъ короля и Чарторыйскихъ, достигнуть при содѣйствіи русскаго правительства и многочисленной саксонской партіи польскаго престола. Все это заставило Репнина вполнѣ надѣяться на успѣхъ. Депутаты образовавшихся конфедерацій настаивали на признаніи ихъ, но король, подъ вліяніемъ Чарторыйскихъ, не согласился; однако вынужденъ былъ уступить, когда ему были представлены рѣшительныя деклараціи отъ прусскаго и русскаго правительствъ. 28 апрѣля онъ далъ депутатамъ торжественную аудіенцію и допустилъ ихъ къ руки, чѣмъ признавались конфедераціи законными.

Узнавъ о готовившейся роли для Родзивила, Чарторыйскіе забѣгали къ Репнину провѣдать о предположеніяхъ русскаго правительства, но получили уклончивый отвѣтъ, предоставлявшій имъ дѣйствовать какъ угодно. Король былъ еще болѣе предупредителенъ: сторонникъ Россіи Подоскій былъ возведенъ въ примасы, а это значило много, когда и Репнинъ называлъ его „какъ бы секретаремъ" своимъ[1]. Появленіе Родзивила

1.) Папскій нунцій грозилъ впрочемъ неутвержденіемъ со стороны папы лица, близкаго Россіи, но Репнинъ въ свою очередь указывалъ на возможность осуществленія тѣхъ опасеній для католицизма, какія теперь напрасно приписывались Рос-

какъ бы озадачило короля; но Репнинъ и ему прямо заявилъ, что лучше имѣть дѣло съ людьми рѣшительными, нежели колебаться, надѣяся на его сторонниковъ.

Между тѣмъ въ концѣ мая 1767 г. въ Литвѣ составилось уже 24 конфедераціи, во главѣ которыхъ стояли Грузбя Радзивила, а самъ онъ былъ выбранъ маршаломъ подляшской конфедераціи. Въ Польшѣ и Литвѣ конфедератовъ насчитывали уже до 80,000 шляхты. 3 іюня Радзивилъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вильну, а затѣмъ былъ избранъ генеральнымъ маршаломъ польско-литовской конфедераціи, которая собралась въ Радомѣ. Но когда былъ оконченъ этотъ актъ дѣла Репнина, онъ оказался въ затруднительномъ положеніи. Недовольствіе росло въ странѣ вслѣдствіе вражды къ королевской партіи и сверженіе его было цѣлью этихъ стараній. Когда открывались конфедераціи то, по древнему обычаю всѣ судебныя и присутственныя мѣста прекращали свои дѣйствія и власть переходила въ руки конфедератовъ, а между тѣмъ король и его партія снова на уступки. Очевидно Репнинъ опасался той коллизіи, какая можетъ произойти отъ подобныхъ столкновеній. Въ это время Солтыкъ снова выступилъ агитаторомъ въ пользу status quo политическихъ и религіозныхъ правъ Польши и предлагалъ оттянуть дѣйствія конфедераціи до болѣе яснаго положенія вещей и совершеннолѣтія саксонскаго

сіи, а въ разговорѣ съ королемъ онъ даже заявлялъ о созваніи католическаго синода, которому будто бы сочувствовало низшее духовенство, но король поспѣшилъ разувѣрить его въ цѣляхъ такого дѣла. (Солов. XXVII, 241-43).

принца. Папа Климентъ XIII шлетъ съ своей стороны письма къ епископамъ, въ которыхъ увѣщеваетъ ихъ противодѣйствовать диссидентскому дѣлу. Въ предѣлахъ Польши появились проповѣдники противъ домогательствъ русскаго вліянія. „Я не могу довольно изобразить, писалъ Репнинъ, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ, и думаю, что не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ крозадовъ" (крестовыхъ походовъ). Въ другомъ донесеніи онъ сообщалъ: „Женщины домогательствуютъ ежедневно о спасеніи погибающей вѣры; монахи и попы въ своихъ проповѣдяхъ говорятъ согласно съ повелѣніями епископовъ краковскаго и кіевскаго и внушаютъ фанатизмъ всюду, гдѣ могутъ... Когда въ публичныхъ садахъ и на гуляньяхъ встрѣчаются диссиденты, то женщины, которыя здѣсь имѣютъ большую силу, тотчасъ же указываютъ, какъ изъ мѣстъ, оскверненныхъ присутствіемъ еретиковъ; однимъ словомъ въ публикѣ такое раздраженіе, что если бы я не зналъ трусливаго характера народа, то каждый часъ ждалъ бы какого нибудь отчаяннаго поступка, однако можетъ произойти какое нибудь потаенное злодѣйство. Мы доведемъ бѣднаго короля до того, что его зарѣжутъ." (Солов. XXVII, 252).

Положеніе русскаго посла въ Варшавѣ. Но какъ трудно было положеніе самого Репнина видно уже изъ того, что тотъ же Подосскій вступилъ въ сношеніе съ Солтыкомъ, Красинскимъ, Мнишекомъ, Потоцкимъ, недавно объявившими свое содѣйствіе и теперь дѣйствовавшими иначе. „Изволите видѣть, писалъ Репнинъ съ сколь честными людьми я дѣло имѣю и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться". Теперь посолъ жалу-

вался уже, что онъ не можетъ свободно дышать, будучи постоянно осаждаемъ Солтыковымъ и Подоскимъ, которые удерживали его отъ рѣшительныхъ дѣйствій или порицали новыя распоряженія посла.

Репнинъ, имѣя порученіе поддерживать короля на указанныхъ условіяхъ и зная, что радомская конфедерація имѣетъ главною цѣлью низвергнуть короля, отправилъ туда отрядъ русскаго войска, подъ предлогомъ охраненія порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ оставить мысль о свержеціи, признать права диссидентовъ и гарантію Россіи по этимъ вопросамъ. Смятеніе, возбужденное этими требованіями, было сдержано только присутствіемъ войскъ. Говорятъ, что, выйдя изъ столь затруднительныхъ обстоятельствъ, король произнесъ: „Ежели вся Польша кинулась въ объятія Россіи, то я не могу оставаться одинокимъ посреди обѣихъ націй". (Rhulière, Histoire de l'anarchie de Pologne, Paris, 1807, II 462-63). Снова отправилась посольство благодарить Екатерину за ея участіе въ дѣлѣ сохраненія польской конституціи и просить ее не оставлять своимъ покровительствомъ Польшу. Но въ то время, какъ Солтыкъ агитировалъ противъ Репнина, послѣдній устроилъ примиреніе Радзивила съ королемъ, причемъ Радзивилъ находился подъ постояннымъ надзоромъ русскаго почетнаго караула (полковн. Кара).

Разладъ кн. Репнина съ польскимъ правительствомъ.

Но дѣло состояло уже въ такомъ положеніи, что Репнинъ писалъ въ Петербургъ слѣдующее: „если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, то необходимо надо будетъ епископа краковскаго (Солтыка) и подобныхъ фанатиковъ <u>забрать подъ караулъ</u>, а иначе съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ". Панинъ далъ ему

согласіе на это. Начались длинныя пререканія съ Солтыкомъ, который просилъ дозволить ему прежній способъ дѣйствій, чтобы не потерять кредита среди своей партіи, но обѣщалъ содѣйствовать примиренію. Репнинъ сдѣлалъ одно условіе: открытый способъ дѣйствія въ пользу диссидентовъ (Соловьевъ, Исторія паденія Польши, 60-61). Одинъ король заявлялъ свое согласіе дѣйствовать до конца. Но являлись новыя препятствія, когда приходилось условливаться въ подробностяхъ дѣйствія. Русское правительство требовало допустить въ польскій сенатъ русскихъ архіереевъ (бѣлорусскаго) наравнѣ съ католическими. Тогда король противопоставилъ этому требованіе помѣстить въ сенатъ уніатовъ (архіереевъ). Находя это вполнѣ послѣдовательнымъ русское правительство видѣло въ этомъ, однако, обиду себѣ и старалось устранить такое предложеніе. Панинъ не соглашался на внесеніе наказаній, отступившимъ отъ господствующей религіи, понимая какъ это стѣсняло бы обратившихся уже въ католицизмъ или унію. Онъ соглашался относительно опредѣленія числа диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ (по договору 1682 г.). Вопросъ же объ епархіяхъ (4), уклонившихся уже въ унію, Панинъ считалъ за лучшее совсѣмъ не поднимать, чтобы не возбуждать новыхъ споровъ и непріятностей для короля. Но и Репнинъ, и диссиденты видѣли въ опредѣленіи числа депутатовъ ограниченіе, которое тѣмъ болѣе будетъ имѣть значеніе, что уже весьма мало оставалось православныхъ среди шляхты и даже Георгій Конисскій не могъ бы быть помѣщенъ въ сенатъ, какъ не принадлежавшій къ ней и долженъ былъ бы сложить свое званіе, если бы съ его званіемъ соединялось сенаторство. Но Репнинъ видѣлъ въ этихъ уступкахъ только потворство фанатизму (64-65).

Съ другой стороны конфедераты, побуждаемые Сольскимъ, уже отвергли обѣщанія, какъ незаконныя, и заявили, что сеймъ не можетъ состояться въ присутствіи русскихъ войскъ. Тогда Репнинъ арестовалъ главнаго агитатора Конгусовскаго, а это привлекло къ нему общее сочувствіе. Домъ его стали осаждать посѣтители, начиная съ папскаго нунція. Главные агитаторы боялись уступчивости короля и потому хотѣли учредить при нѣмъ особый совѣтъ, который раздавалъ бы государственныя должности и особыя милости; но Репнинъ воспротивился этому.

Дѣйствія сеймовъ. На сеймикахъ также противились требованіямъ Репнина, такъ что противъ сборища въ Каменцѣ онъ долженъ былъ употребить силу и поляки бѣжали на турецкую границу. Этимъ, конечно, усложнились отношенія къ Турціи. Солтыкъ призывалъ всѣхъ недовольныхъ на защиту свободы и вѣры - въ Варшаву; но епископъ каменецкій Красинскій шелъ еще далѣе. Крайне возбужденный и вполнѣ преданный тайной агитаціи, онъ пробрался въ Турцію и завелъ связи съ Константинополемъ, откуда не разъ являлся въ Польшу и руководилъ движеніемъ, поддерживая надежду на содѣйствіе Турціи. Въ день же сейма (23 сент.) самая рѣшительная агитація происходила въ домѣ Радзивила, гдѣ также дѣйствовалъ папскій нунцій. Въ это время русскія войска стояли уже въ Варшавѣ (1,200 чел.). Чарторійскіе, за исключеніемъ Адама, и кн. Любомірскій поддерживали втайнѣ польскую коалицію. Тогда Репнинъ рѣшился покончить съ главными вождями. Солтыкъ, кіевскій епископъ Залускій, извѣстный богатымъ собраніемъ книгъ, краковскій воевода Рженевусскій (Венцеславъ) и сынъ его были арестованы

въ домъ Мнишка полковниками Игельстромомъ и Шпакельбергомъ и отправлены къ генералу Нумерсу въ Вильну (Солов. 71), откуда потомъ препровождены были въ Калугу. Нужно замѣтить, что ихъ рѣчамъ сильно противился краковскій депутатъ маркизъ Велепольскій. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать Репнину, что Венуа втайнѣ агитировалъ противъ рѣшеній императрицы, не желая, чтобы Россія брала Польшу окончательно въ свои руки (рус. гарантія, Солов. 68). По словамъ Фридриха Репнинъ распорядился направить пушки на залу, гдѣ были собраны нунціи (18 вѣкъ, 174).

Политика Фридриха II. Не сочувствуя рѣшительному способу дѣйствій Россіи по диссидентскому дѣлу, Фридрихъ, въ виду вооруженія Австріи, вынужденъ былъ заключить (въ апр. 1767) договоръ съ Россіей, предоставлявшій ей полную свободу дѣйствій и обязывавшій его выступить въ случаѣ вторженія въ Польшу Австріи (Солов. XXVII, 265). Но опасенія на счетъ Австріи были напрасны. Изъ донесеній кн. Д. Мв. Голицына видно, что тамъ дѣйствительно вооружались, но думали предпринять рѣшительныя мѣры въ случаѣ какихъ нибудь замысловъ Россіи и вовсе не намѣрены были поднимать шумъ изъ-за диссидентскаго дѣла. Австрія опасалась и у себя диссидентскаго вопроса. Фридрихъ же разсылалъ своихъ шпіоновъ и эмиссаровъ во всѣ австрійскія провинціи, чтобы проникнуть въ виды австрійскаго правительства (Солов. XXVII, 265-266). Повѣренный въ дѣлахъ англійскаго посольства въ Петербургѣ Шерлей, за отъѣздомъ Маркартнея, справедливо замѣчалъ о Фридрихѣ: „Стоитъ внимательно наблюдать его поведеніе въ Константинополѣ, Польшѣ, Даніи и Россіи, чтобы видѣть, какъ онъ боится Россіи и вовсе не преданъ ея интересамъ; хотя онъ не станетъ

объявлять себя открыто, а дѣйствуетъ только подъ рукою, однако онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы только помѣшать успѣху панинской системы. Нѣтъ сомнѣнія, что съ великою досадою увидалъ бы онъ союзъ между нашимъ королемъ и императрицею" (Сборн., XII, 292 и д.).

Фридрихъ старался парализировать вліяніе Россіи въ Даніи чрезъ своего повѣреннаго въ Копенгагенѣ, а въ Петербургѣ покорнымъ слугою его былъ баварскій посланникъ Ассбургъ (Солов. XXVIII, 275–77). Поэтому Сальдерну и Философову стоило большихъ усилій устранить это вліяніе. Но Репнину не нравилась и нѣкоторая уступчивость Обрѣзкова, который заявлялъ Порпѣ, что, по окончаніи бисценгскаго бѣгла, русскія войска будутъ немедленно выведены изъ Польши, а захваченныя лица освобождены. „Не министръ теперь говоритъ вашему сіятельству, писалъ онъ Панину, а солдатъ: мнѣ кажется принимать такія обязательства и давать такія обѣщанія можно только проигравши нѣсколько сраженій. Относительно же освобожденія арестованныхъ онъ совѣтовалъ объявить, что краковскій епископъ умеръ и заслать его на вѣки вѣковъ туда, откуда вѣсти бы не было, что онъ живъ. Тоже онъ совѣтовалъ сдѣлать и съ Ржевускимъ-отцемъ, который заранѣе неимовѣрнымъ честолюбіемъ и страстію къ интригамъ. Остальныхъ же двухъ онъ считалъ возможнымъ отпустить, такъ какъ сынъ Ржевускаго дѣйствовалъ по внушенію отца, а кіевскій епископъ „врагъ, не пользующійся никакимъ уваженіемъ" (Солов. XXVII, 279–84).

Отношенія къ Турціи и Швеціи. Панинъ признавалъ послѣдовательность заявленія Обрѣзкова, „что, помѣшавъ

турецкое министерство по губамъ, можетъ выиграть время, который на все въ свѣтѣ лучшій поправитель". Однако, онъ считалъ необходимымъ возвратить войска весною, въ виду отношеній не къ одной Турціи, но и всѣхъ другихъ державъ. Онъ признавался Репнину, что не время еще доходить намъ съ Портою до разрыва (гв, 282).

Въ Швеціи борьба между русскою и французскою партіями выражалась въ смѣшныхъ протестахъ: какъ только дворъ узнавалъ, что у гр. Остерманa назначенъ званый ужинъ или балъ, то немедленно разсылалъ приглашенія знатнымъ особамъ, мужчинамъ и женщинамъ, то къ королю, то къ наслѣдному принцу или устраивалъ розыгрышъ въ лотерею и задерживалъ тамъ гостей до поздней ночи. Но Остерманъ заявлялъ въ своихъ донесеніяхъ, что онъ не прекратитъ своихъ вечеровъ. Не смотря на все это и желаніе французской партіи представить, что диссидентская конфедерація есть простое возмущеніе, Швеція приняла предложеніе Россіи высказаться въ пользу польскихъ диссидентовъ - протестантовъ (Солов. XXVII, 270-72).

Рѣшеніе коммиссіи по диссидентскому вопросу.

Въ коммиссіи, назначенной для окончательного рѣшенія диссидентскаго вопроса (19 ноября), былъ признанъ за католическою вѣрою титулъ господствующей, но даны права и вольности православнымъ и диссидентамъ, равные съ католиками, допущены смѣшанные браки (причемъ сыновья должны были исповѣдовать религію отцевъ, а дочери - матерей, но дворяне по договору), смѣшанные суды для рѣшенія взаимныхъ распрей, постройка церквей, заведеніе школъ и типографій и, наконецъ, пріобрѣтеніе индигенатъ и дворянства въ Польшѣ.

Папскій нунцій подалъ протестъ противъ всего, совершеннаго съ начала настоящаго сейма. Поэтому Панинъ совѣтовалъ Репнину „натянуть всѣ струны для убѣжденія короля, министерства и всей конфедераціи, дать папѣ пространный и сильный отвѣтъ, чтобы не дѣлалъ онъ впередъ подобныхъ попытокъ. Не жалѣть ни подкуповъ, ни обѣщаній, даже арестовать тѣхъ, которые на сеймѣ будутъ наиболѣе противиться подтвержденію договоровъ; внушить чрезъ короля и примаса папѣ, что не то теперь время, когда папы управляли дѣлами по своей прихоти и что онъ своею неумѣстною горячностію можетъ нанести католической вѣрѣ вмѣсто пользы большой вредъ - вывести Польшу изъ настоящаго повиновенія римскому престолу, такъ какъ русское правительство имѣетъ теперь въ Польшѣ столько способовъ и силы, чтобы рѣшиться на <u>истребленіе тамъ папской власти и на установленіе независимой іерархіи</u>". Но Репнинъ сознавался, что дѣйствовать противъ протеста черезъ сеймъ или конфедерацію и подумать нельзя, развѣ употребить пушечные выстрѣлы, но и тутъ только всѣхъ разогнали бы, а цѣли не достигли бы. На арестованіе или высылку также нельзя было разсчитывать, но вслѣдъ за тѣмъ Репнинъ извѣщалъ уже о заключеніи трактата (13/24 февр. 1768 г.) по означеннымъ выше статьямъ (Солов. XXVI, 282-85). Георгій Конисскій принесъ Екатеринѣ благодарность отъ всѣхъ православныхъ за это дѣло и просилъ ея покровительства въ будущемъ (моск. арх. ин. дѣлъ, Солов. -ів, 301); но изъ его словъ видно также, что обращеніе изъ уніи и даже католицизма тогда же началось, хотя по новому договору переходъ изъ

В. Иконниковъ

господствующей вѣры признавался уголовнымъ преступленіемъ.

Отзывъ Гарриса о Репнинѣ. По словамъ Джемса Гарриса (потомъ лордъ Мальмсбюри), путешествовавшаго въ это время въ Польшѣ, Репнинъ, человѣкъ самъ по себѣ чувствительный, пріятный въ обращеніи, умный и безкорыстный, держалъ себя въ Варшавѣ полнымъ власелиномъ. Въ засѣданіяхъ делегаціи, на всякія возраженія, онъ отвѣчалъ обыкновенно: „такова воля императрицы". Съ королемъ онъ обращался безцеремонно. На маскарадѣ, данномъ у русскаго посла, король долженъ былъ подчиниться требованію послѣдняго относительно танцевъ; папскій нунцій 1½ часа ожидалъ его выхода; во время открытія сейма онъ помѣстился со своею свитою въ сосѣдней комнатѣ, наблюдалъ за преніями и подавалъ въ окно знаки, чтобы пригрозить, кому слѣдовало. Въ театрѣ актеры ожидали прибытія Репнина даже тогда, когда король цѣлый часъ находился въ своей ложѣ. Въ среду на страстной недѣлѣ онъ назначилъ представленіе въ часъ, но кромѣ его и его свиты зрителей никого не было. Возвратившійся въ Польшу Радзивилъ нашелъ въ немъ подержку; но это былъ человѣкъ глупый, прославившійся только своимъ богатствомъ. Его доходы простирались до 50,000 ф. стерлинговъ; онъ получилъ отъ императрицы до 100,000 ф. стерл., 25 поваровъ ежедневно готовили кушанье на его кухнѣ. На маскарадѣ, данномъ въ день рожденія императрицы, присутствовало до 3,000 замаскированныхъ гостей и было выпито до 6,000 бут. шампанскаго. Самъ Радзивилъ былъ такой пьяница, что Репнинъ вынужденъ былъ поставить въ его домъ караулъ, чтобы удержать его отъ безобразнаго поведенія. Вскорѣ онъ опять сдѣлался врагомъ

Екатерины, вывелъ на сцену мнимую Тараканову и снова перешелъ на сторону императрицы. Таковъ былъ представитель генеральной конфедераціи, благопріятной Россіи (Рус. Арх. 1855, 253-58).

Мнѣніе Репнина о положеніи вещей въ Польшѣ. Репнинъ сообщалъ уже о прекращеніи всякого посторонняго вліянія въ Польшѣ и выставлялъ короля благорасположеннымъ къ Россіи; онъ настаивалъ далѣе передъ Панинымъ на исполненіи желаній короля объ ограниченіи liberum veto, безъ чего нельзя ожидать отъ Польши никакого содѣйствія Россіи, какъ напр. противъ турокъ „понеже сумятица и безпорядокъ въ такомъ градусѣ, что уже болѣе быть не могутъ. Если желаете, прибавлялъ онъ, чтобы на сеймахъ по прежнему всѣ матеріи подъ единогласіемъ трактовались и чтобы чрезъ liberum veto сеймы, какъ и прежде разрывались, то и оное исполню. сила нѣтъ въ настоящее время все тонетъ. „Иначе, доносилъ онъ, мы поселимъ недовѣріе къ своимъ дѣйствіямъ въ странѣ и оттолкнемъ отъ себя благоразумныхъ людей. И такъ принуждены будемъ все дѣлать единственною силою". Онъ просилъ не вѣрить тѣмъ, которые изъ-за своихъ цѣлей, сообщаютъ другіе совѣты. Онъ выставлялъ на видъ, что настанетъ время, когда весь порядокъ гражданскаго управленія долженъ будетъ потерпѣть полное потрясеніе, если дѣла этого управленія должны будутъ на сеймахъ рѣшаться тѣмъ же единогласіемъ. Наконецъ онъ заключаетъ такъ: „какая слава составитъ счастье цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа; у котораго я имѣю-

честь быть ея представителемъ." Императрица соглашалась признать мнѣнія посла по нѣкоторымъ вопросамъ, а именно, чтобы всѣ экономическіе вопросы рѣшались въ первыя три недѣли простымъ большинствомъ, всѣ же государственныя дѣла въ послѣднія три недѣли непремѣнно единогласіемъ. Но въ государственныхъ дѣлахъ и заключался центръ тяжести польскихъ сеймовъ.

Образованіе враждебныхъ Россіи конфедерацій.

Конфедерація, какъ выполнившая свое назначеніе, была распущена и русское войско готовилось выйти изъ Польши; но въ мартѣ 1768 г. были получены извѣстія, что братъ Красинскаго вмѣстѣ съ адвокатомъ Іос. Пулавскимъ заняли г. Баръ, принадлежавшій кн. Любомірскому, и образовали тамъ конфедерацію, которая объявила себя защитницею вѣры и свободы. Монахъ-кармелитъ Маркъ, изъ Бердичевскаго монастыря ходилъ по окрестностямъ, взывая къ возстанію, пока не попался въ руки русскихъ и не былъ отвезенъ въ Кіевъ. Въ слѣдъ затѣмъ образовались конфедераціи въ Галиціи (подчаш. литов. Іоах. Потоцкимъ) и въ Люблинѣ (Рожевскій). Въ тоже время епископъ Красинскій хлопоталъ въ пользу этого дѣла въ Дрезденѣ, Вѣнѣ, Версали, а особенно въ Турціи, вездѣ разглашая, что Россія хочетъ завладѣть Польшею. Между тѣмъ русскихъ войскъ во всей Польшѣ было не болѣе 16,000 ч. Но сенатъ въ концѣ марта обратился съ просьбою къ императрицѣ усмирить мятежниковъ. Репнинъ снова сталъ дѣйствовать силою. Въ октябрѣ 1768 г. барская конфедерація (изъ 8,000 чел) издала обвинительный манифестъ противъ Россіи, призывая всѣхъ его-собныхъ на защиту церкви и правъ

Польши (она хранится въ Арх. главн. штаба. Ист. упр. войны Петрова, I, 43-45). Полковникъ Бурнашъ подавилъ возстаніе въ Гнѣзнѣ; затѣмъ были взяты: Баръ (гр. Апраксинымъ), Бердичевъ (ген. П. И. Кречетниковымъ), Краковъ (гр. Апраксинымъ и Прозоровскимъ). Впрочемъ Репнинъ былъ недоволенъ дѣйствіями Кречетникова; онъ и король жаловались на его злоупотребленія и притѣсненія жителей войсками, поэтому онъ былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Веймарномъ, но и теперь самому Репнину приходилось распоряжаться расположеніемъ и дѣйствіями войскъ и даже запасными магазинами. Между тѣмъ конфедераты разсыпались по всей Польшѣ, въ Литвѣ и Жмуди, грабили своихъ и чужихъ и потомъ скрывались за границею. Открылась мелкая война, съ которою трудно было справиться регулярнымъ войскамъ. Многіе изъ защиты отечества сдѣлали собственное дѣло. Къ русскимъ присоединились коронныя войска и диссиденты. Видя такой исходъ этой факціи, нѣкоторые изъ конфедератовъ отправились къ иностраннымъ дворамъ, чтобы поднять ихъ противъ „честолюбія женщины", т.е. Екатерины II. Другіе предлагали королю захватить Репнина, но король предупредилъ его объ этомъ. Но въ то время, когда одни изъ конфедератовъ перешли на турецкую границу (Потоцкій), другіе продавали свои драгоцѣнности и отправляли ихъ въ подарокъ сераглю, чтобы поднять турокъ противъ Россіи, третьи открывали крестьянскія возстанія въ Литвѣ, гдѣ не было въ

1) Журналъ его о дѣйствіяхъ и событіяхъ въ Польшѣ въ 1767 г.-68 г. изданъ Бодянскимъ въ Чтеніи Моск. общ. исторіи, 1863 г.

то время русскихъ войскъ...

Усложненіе политическихъ отношеній въ Польшѣ. Дѣйствія Франціи въ Турціи. Франція ближе другихъ принимала къ своему сердцу интересы Польши. Въ это время въ Константинополѣ дѣйствовали уже два ея представителя - Вержень и Сенъ-При, а къ татарамъ былъ посланъ бар. Тотти, которымъ, послѣ продолжительныхъ неудачъ, удалось наконецъ возбудить янычаръ, громко требовавшихъ войны. Польскіе конфедераты призывали турокъ, обѣщая легкое завладѣніе Каменецъ-Подольскою крѣпостію и пугая ихъ русскими, войска которыхъ еще прежде позволили себѣ приближаться къ турецкой границѣ (Петровъ, I, 54-6). Къ этому присоединилось опасное для Польши и Россіи движеніе гайдамаковъ, окончательно содѣйствовавшее разрыву Россіи съ Турціей.

Движеніе гайдамаковъ. Столкновеніе между поляками и казаками произошло прежде всего въ имѣніи кн. Любомірскаго — Смѣлѣ, которою хотѣли завладѣть карточные пріятели послѣдняго, обыгравшіе его до конца. Не будучи въ состояніи захватить его замокъ въ Смѣлой, они грозили казакамъ конфедератами. Опасаясь ихъ, казаки перешли Днѣпръ и стали возлѣ Переяславля, гдѣ родной племянникъ эконома переяславскаго архіерея былъ посаженъ на колъ поляками. Тогда экономъ сталъ подбивать запорожцевъ, приходившихъ на богомолье, начать войну противъ поляковъ, утверждая, что послѣдніе устроили конфедерацію противъ православной вѣры, причемъ показалъ вождю ихъ, Желѣзняку, подложную грамоту Екатерины, призывавшую казаковъ къ возстанію противъ Польши. Тогда, соединившись

прибывшими изъ смѣлянскихъ мѣстъ казаками, Желѣзнякъ двинулся за Днѣпръ, поднимая на пути крестьянъ и казаковъ на защиту вѣры и истребленіе поляковъ. Захваченныхъ въ плѣнъ жидовъ и поляковъ, онъ вѣшалъ вмѣстѣ съ собаками, съ надписью: „ляхъ, жидъ и собака, вира бнака". Впрочемъ и поляки-современники говорятъ: „Это дѣло имѣло видъ, будто произошло по наущенію русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе!" Ренгинъ тоже былъ раздосадованъ этимъ движеніемъ и обвинялъ въ немъ переяславскаго епископа Гервасія и игумена матренинскаго монастыря Мельхиседека, предлагая даже отдать православныхъ въ вѣдѣніе бѣлорусскаго архіепископа. Подозрѣваемый въ возбужденіи уніатовъ противъ католицизма и въ распространеніи среди нихъ православія, въ подстрекательствѣ къ бунту противъ поляковъ, Мельхиседекъ былъ схваченъ и заключенъ въ оковы, но послѣ долгаго ареста успѣлъ бѣжать въ Переяславль. Наступили страшныя времена для православныхъ, такъ что въ самый короткій промежутокъ насчитывали 86 насильственныхъ случаевъ, бывшихъ въ Украинѣ, которые вызвали въ свою очередь месть. Движеніе это захватило окрестности Смѣлой и Умани, а между тѣмъ въ имѣніи кіевскаго воеводы Потоцкаго произошла личная ссора между управлявшими имѣніемъ Потоцкаго и сотникомъ Гонтою, котораго они заподозрѣли въ доносахъ воеводѣ; между тѣмъ они собирали казаковъ для образованія полковъ на помощь барскимъ конфедератамъ. Жиды были причиною того, что Гонта подвергся временному заключенію, но будучи выпущенъ, соединился съ Желѣзнякомъ. Послѣ этого они прибыли къ Умани и объявили тотъ же манифестъ императрицы. Чтобы умилостивить пьяныхъ возм-

дей, поляки и жиды присылали къ нимъ возы, наполненные дорогими матеріями, но и это не помогло. Комендантъ хотѣлъ отбить ихъ пушками, но поляки не дозволили, а вступили въ переговоры, выговоривъ имъ право истребить жидовъ. Покончивъ же съ ними, казаки принялись за поляковъ, такъ что вскорѣ весь городъ былъ усѣянъ трупами. Гонта провозгласилъ себя воеводою брацлавскимъ, а Желѣзнякъ — кіевскимъ. Отряды ихъ были распущены въ разныя стороны, производя всюду истребленіе. Впрочемъ вскорѣ Гонта и Желѣзнякъ были захвачены генер. Кречетниковымъ и бунтъ утихъ. Но одинъ отрядъ гайдамакъ, отдѣлившійся отъ Гонты, направился къ Балтѣ, находившейся на границѣ съ татарскимъ мѣстечкомъ Балтою, гдѣ жили турки и татары. Въ это время въ Балтѣ была большая ярмарка, на которую съѣзжалось множество грековъ, армянъ, турокъ, татаръ, поляковъ, жидовъ. Разбивши ярмарку, пограбивъ жидовъ, отрядъ набросился на мѣстечко Балту и произвелъ тамъ новую рѣзню. Это нарушеніе границъ дало поводъ французскому послу убѣдить турецкое правительство въ необходимости войны съ Россіей. Порта требовала удовлетворенія и объявила конфедератовъ своими союзниками. Отрядъ, безчинствовавшій въ Балтѣ былъ дѣйствительно переловленъ и наказанъ, но когда визирь медлилъ признать этотъ случай за casus belli, его сверглы по требованію французской партіи, а новый визирь былъ иного мнѣнія объ этомъ. Обрѣзковъ былъ призванъ къ нему, Россія объявлена виновною въ содержаніи большаго войска въ Польшѣ и въ послѣднихъ происшествіяхъ. Обрѣзковъ былъ посаженъ въ семибашенный замокъ, со всѣми членами посольства. (до 18 чел.). Пользуясь такимъ благопріятнымъ поворотомъ

дѣлъ, Красинскій образовалъ конфедерацію въ австрійскихъ владѣніяхъ, а Радзивилъ снова сталъ во главѣ литовскихъ конфедератовъ, но эта послѣдняя была разогнана русскими войсками (Петровъ, 65-75).[11]

Разрывъ съ Турціей. Положеніе противниковъ и союзниковъ Россіи. Въ октябрѣ 1768 г. турецкій визирь въ длинномъ посланіи къ Польской республикѣ излагалъ ходъ дѣлъ между Россіей и Турціей и объявлялъ послѣднюю защитницей Польши. Онъ приглашалъ поляковъ соединиться съ турками и татарами и изгнать русскія войска изъ предѣловъ Польши (въ 75-80). Послы французскій, австрійскій и саксонскій поддерживали намѣренія Турціи. Англія обѣщала, однако, устроить соглашеніе между Турціей и Россіей, будучи занята въ то время возникшими неудовольствіями съ американскими колоніями. Пруссія, не вполнѣ сочувствуя рѣшительнымъ дѣйствіямъ русскаго правительства въ Польшѣ, тайкомъ приготовлялась однако къ военнымъ дѣйствіямъ. Но и Франція, и Австрія думали ограничиться совѣтами; дѣйствовать же съ турками онѣ вовсе не были намѣрены. Тогда Репнинъ приступилъ къ польскому королю, убѣждая его, что дѣйствія турокъ враждебны ему; онъ совѣтовалъ ему стать во главѣ арміи въ союзъ съ Россіей, но король уклонился. Конфедераты же вступили въ согла-

---

1.) О гайдамачинѣ, Антоновича, Кіевъ 1877 г., Гайдамачина Мордовцева, Спб. 1870 г. Поляки въ Заднѣпровской Украинѣ въ XVIII в., Ковловскаго. Русск. Вѣстникъ 1863 г. № 6, 10. Щебальскій, Народное движеніе въ Подоліи и на Волыни въ 1768-69 г.г. ів. т. XLX. Наѣзды гайдамакъ, Скальковскаго, Одесса 1845. Архимандритъ Мельхиседекъ, Значко-Яворскій, Лебединъ 1861. Кіевъ и Щебальскаго въ Рус. Вѣст. Сочин. Максимовича, т. I (сказанія о коліивщинѣ); изъ польскихъ записокъ: Липомана, Млодановича.

В. Шкляревъ

Библиотека имени В. И. Ленина
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

шеніе съ турками, обязываясь дѣйствовать совмѣстно, провести турецкія войска въ предѣлы Россіи, причемъ гарантировалось Польшѣ возвращеніе ея прежнихъ владѣній, предоставлялись Турціи остальныя завоеванія и обѣщалась выдача татарамъ 15,000 черв. Союзъ этотъ долженъ былъ быть обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ что перемиріе могло состояться лишь при посредствѣ Франціи

Репнинъ старался составить новую конфедерацію въ Радомѣ, которую взяли на себя кн. Радзивилъ и гр. Велепольскій, и просилъ короля поддерживать ее, но Чарторыйскіе удерживали его. Нѣкоторые изъ тешенскихъ конфедератовъ предлагали Репнину вступить съ ними въ соглашеніе, но онъ, по донесенію франц. посла въ Данцигѣ, Жерара, пригрозилъ имъ висѣлицею. Бретейль писалъ изъ Гаги, что Екатерина находится въ большомъ затрудненіи; шла рѣчь о сверженіи короля; но французскій дворъ уже не желалъ саксонскаго принца (Августа), съ которымъ сблизилось русское правительство въ виду ненадежности Станиш. Понятовскаго. Съ своей стороны Екатерина обратилась съ нотою къ иностраннымъ дворамъ, въ которой изложила свои дѣйствія въ Польшѣ и протестовала противъ заключенія посла въ Константинополѣ. Въ другомъ манифестѣ она указывала, что войска русскія были призваны поляками и должны были выйти, какъ только диссидентскій вопросъ былъ улаженъ, но новыя конфедераціи и смуты въ Польшѣ задерживали ихъ на нѣкоторое время, что однако было сдѣлано по просьбѣ самихъ поляковъ.

Марчинскаго (Варшава 1862); Вероники Кребсъ (Уманская рѣзня, Спб, 1879 г.).

Разрывъ съ Портою она приписывала недоброжелателямъ, послѣ чего турецкое правительство только ждало случая, чтобы начать войну. Тогда императрица объявила войну Портѣ. Въ манифестѣ Порты нарушеніе мира приписывалось Россіи. Екатерину обвиняли въ дѣлѣ избранія Понятовскаго, а потому въ новой деклараціи она объясняла мотивы избранія и выражалась, что такой порядокъ въ Польшѣ выгоднѣе даже для самой Турціи. Теперь она хлопотала черезъ своего посла въ Лондонѣ объ освобожденіи Обрѣзкова и къ этому ходатайству присоединился прусскій посолъ въ Константинополѣ, но Обрѣзковъ былъ освобожденъ уже во время переговоровъ о мирѣ. Изъ заключенія Обрѣзковъ посылалъ свои донесенія Панину также черезъ англійскаго посла (Солов. XXVII, 319). Фридрихъ винилъ во всемъ излишнюю требовательность Россіи по диссиденскому вопросу, а Долгоруковъ доносилъ изъ Берлина, что тамъ считаютъ главнымъ подстрекателемъ турокъ — Австрію (св 315). Дѣйствительно Кауницъ заявлялъ Голицыну, чтобы Россія постаралась уладить диссиденскій вопросъ въ угоду всѣмъ полякамъ, въ виду грозящей ей опасности (св); съ Франціею же произошла даже болѣе крупная размолвка: въ грамотахъ французское правительство перестало употреблять прилагательное: „императорскаго". Екатерина велѣла не принимать болѣе грамотъ, а кн. Д. А. Голицынъ былъ замѣненъ простымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ (Хотинскимъ; св 316). Въ Швеціи не рѣшались выступать открыто противъ Россіи и удерживали Турцію отъ рѣшительнаго шага. Но когда король датскій вздумалъ путешествовать въ Парижъ и Лондонъ, то Философову приказано было сопровождать его, но герц. Шуазель все таки не принялъ русскаго посла (320). За то Англія старалась пріобрѣсть нѣкоторыя

выгоды изъ своихъ отношеній къ Россіи: оттуда вмѣсто министра второго ранга (Макартнея) назначили въ Петербургъ посломъ лорда Каскарта, который прибылъ въ Петербургъ въ августѣ 1768 г. Поэтому и въ Лондонъ вмѣсто полномочнаго министра, статскаго совѣтника Мусина-Пушкина, котораго Панинъ призналъ по его донесеніямъ неспособнымъ къ дипломатической дѣятельности, былъ назначенъ посломъ генер. поручикъ гр. Ив. Григ. Чернышевъ (гв 321-23). Но мнимыя и дѣйствительныя старанія разныхъ державъ въ пользу мира не привели ни къ чему.

Россія и Турція готовились къ войнѣ, которая должна была открыться весною 1769 г. Русскія войска, назначенныя для прикрытія Польши и дѣйствія противъ турокъ, сосредоточивались къ Киеву; другая армія стояла на турецкой границѣ, между Днѣпромъ и Дономъ (Петровъ, 81-87, 194).

Въ августѣ 1768 г. Репнинъ писалъ въ Петербургъ: „Стараться я, конечно, всячески буду о возстановленіи спокойствія; но по несчастью не все такъ идетъ, какъ желается". Послѣ разрыва съ Турціею, Чарторыйскіе, а за ними и король, увидѣвши въ образованіи польской конфедераціи пробужденіе національнаго духа, стали настаивать передъ Репнинымъ на измѣненіи состоявшихся постановленій о диссидентахъ и русской гарантіи. Они ставили теперь судьбу Польши въ зависимость отъ исхода турецкой войны. Разладъ между обѣими сторонами все болѣе усиливался. Репнинъ въ виду важности для русскихъ войскъ, какъ относительно конфедератовъ, такъ и относительно турокъ, крѣпости Замостья и Каменецъ-Подольска, обратился за дозволеніемъ къ королю занять ихъ, тѣмъ болѣе, что Замостье принадлежало Замойскому, женатому на сестрѣ короля, но король сообщилъ объ этомъ своимъ министрамъ, которые оч-

казали въ этомъ требованіи. Но этотъ поступокъ такъ возбудилъ Репнина, что онъ замѣтилъ: „я ее займу хотя бы и съ огнемъ". Относительно Каменца Репнинъ сказалъ, что онъ будетъ занятъ прежде перехода русскихъ войскъ на турецкую территорію. Онъ упрекалъ короля въ неблагодарности къ Россіи, а тотъ отвѣчалъ, что охотно оставилъ бы свое мѣсто, если бъ могъ успокоить націю и доставить ей то, чего она желаетъ, т.е. уничтоженія диссидентскаго дѣла и гарантіи. Въ королевскомъ совѣтѣ гр. Замойскій и кн. Любомірскій настаивали на распущеніи польскихъ войскъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ конфедератовъ подъ начальствомъ Браницкаго, чтобы не возбуждать тѣмъ неудовольствія турокъ и не дать соединиться ему съ русскими. Браницкій настаивалъ на удержаніи войскъ, но совѣтовалъ только полякамъ держаться нейтралитета и въ отношеніи русскихъ, и въ отношеніи турокъ. Король, все время молчавшій за этими преніями, согласился съ Браницкимъ. Чарторыйскіе, вліяніе которыхъ на короля тоже усилилось теперь, отказали Репнину и въ завладѣніи Каменцемъ, и въ содѣйствіи Россіи. Репнинъ убѣждалъ короля вникнуть въ свое положеніе, которое готовитъ ему погибель, если онъ пойдетъ за Портою и Франціею. Но король отвѣчалъ равнодушно: „Все это я очень хорошо вижу, но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность не чувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ и потому отдаю свой жребій во власть событіямъ". Онъ увѣрялъ только, что не будетъ дѣйствовать противъ Россіи. Но онъ все забрасывалъ Репнина вопросами о возможности своего паденія, на что Репнинъ, не стѣсняясь, отвѣчалъ ему: „непріятно сходить съ престола, а согнану быть и стыдно". На это король заявилъ, что онъ не дастъ свергнуть себя живымъ. Репнинъ совѣто-

валъ королю стать во главѣ арміи и предпочесть славу на полѣ - позору въ комнатѣ, но король увѣрялъ его, что онъ долгъ ставитъ выше, нежели славу, и не измѣнитъ своего поведенія въ этомъ дѣлѣ.

Отозваніе Репнина. Тогда въ Петербургъ посылались обвиненія на Репнина, дѣйствія котораго находили чрезчуръ крутыми, а часто и произвольными. Его не могъ поддерживать даже Панинъ, его дядя, противъ воли согласившійся на это. Онъ былъ отозванъ и замѣненъ кн. М. Н. Волконскимъ, другомъ Орловыхъ (Солов. XXIII, примѣч. 142), прибывшимъ въ Варшаву въ маѣ 1769 г. (Вѣстн. Евр. 1868 г. № 12, 550). Новый посолъ въ кассѣ посольства нашелъ всего 5,000 черв. и тотчасъ же потребовалъ выслать ему новую сумму денегъ; ему было отпущено 99,500 р. Репнинъ былъ вспыльчивъ, рѣзокъ, крутъ, рѣшителенъ, но онъ былъ твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ; онъ зналъ уже и людей, и обстоятельства, которыя всегда соображалъ съ своими бѣдствіями. Новое лицо, въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, было поставлено въ еще болѣе затруднительное положеніе. Притомъ Репнинъ былъ требователенъ и къ своимъ, какъ доказали его поступки въ отношеніи къ генер. Кречетникову, запятнавшему себя корыстолюбіемъ. Онъ самъ былъ человѣкъ съ военнымъ талантомъ, а въ такую безурядицу въ Польшѣ, гдѣ находились русскія войска, это качество было также важно.

Положеніе конфедератовъ. Въ это время въ самой средѣ конфедератовъ произошелъ разладъ между Потоцкимъ и Пулавскимъ, находившимся въ Валахіи, начались ссоры и Пулавскій умеръ въ заключеніи въ Константинополѣ; Радзивилъ оставилъ Литву и явился съ своими средствами къ конфедератамъ. Австрія всѣмъ

давала убѣжище; къ Франціи обратился тайно за покровительствомъ король (Солов. XXVIII, 78); но французское правительство, пославъ деньги, убѣдилось въ полной распущенности конфедератовъ и отказалось помогать имъ. Тогда, чтобы установить среди нихъ порядокъ, Шуазель отправилъ извѣстнаго потомъ Дюмурье (1770), но и онъ отзывался о конфедератахъ въ высшей степени неблагопріятно. Они поражали его изумительною роскошью, безумными издержками, страстью къ обѣдамъ, забавамъ и т. п. Они требовали только денегъ. Онъ посовѣтовалъ прекратить пенсіи ихъ вождямъ и Шуазель сдѣлалъ это. Войско, состоявшее изъ 17,000 чел., было раздѣлено на партіи; несогласія имѣли здѣсь полный просторъ. Дисциплины не было вовсе; артиллерія не существовала; провіантъ распродавался жидамъ; солдаты грабили и чужихъ, и своихъ. Всѣ вожди (Пацъ, Радзивилъ, Пулавскій) представлялись Дюмурье или вѣтренными головами, или неспособными, но тщеславными людьми и невѣждами въ военномъ дѣлѣ. Еще рѣзче отзывался онъ о современномъ строѣ. Хваля храбрость, великодушіе, вѣжливость и любовь къ свободѣ поляковъ, онъ не сочувствовалъ ихъ политическому строю, въ которомъ одну часть составляютъ неограниченные правители, а другую — безправные рабы. „Это чудовище, составленное изъ головъ и желудковъ, безъ рукъ и ногъ", замѣчаетъ Дюмурье. Женщины пользуются здѣсь большею властью.

Инструкція кн. М. Н. Волконскому. Уже смѣна Репнина заставила посмотрѣть какъ на перемѣну русской политики въ Польшѣ. Инструкція, данная Волконскому, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, хотя ему не

вельно было говорить о перемѣнѣ условій, но въ секретномъ наказѣ Панинъ поставилъ дѣло такъ, что хорошо было бы, если бы сами диссиденты разсудили выгоднѣе-ли имъ пользоваться добытыми правами или миромъ, съ пожертвованіемъ нѣкоторыхъ уступокъ. Теперь ему поручено было добиваться только того, чтобы Каменецъ-Подольскъ не былъ отданъ туркамъ (Солов. XXVIII, 68-69). Но и король и министры стали избѣгать Волконскаго, а между тѣмъ такіе люди, какъ Подосскій, увѣряли Волконскаго, что Поляки ненавидятъ короля и съ нетерпѣніемъ ждутъ его свержения. Король бралъ деньги съ Волконскаго на войско, но запрещалъ Браницкому (дошедшему до Бреста), вступать въ бой съ конфедератами. Чарторыйскіе грозили Волконскому новою генеральною конфедераціею, король добивался перемѣны конституціи и бралъ деньги на свое содержаніе. Въ Петербургѣ желали генеральной конфедераціи въ пользу Россіи, требовали Каменца и обѣщали полякамъ отдать Молдавію, находя полезнымъ усилить православный элементъ въ Польшѣ. Примасъ Подосскій бралъ постоянно деньги, но душею былъ склоненъ въ пользу саксонскаго дома. Для успѣха въ дѣлѣ составленія конфедераціи въ пользу Россіи, Волконскій снова просилъ прислать ему 300,000 р., изъ коихъ онъ предназначалъ 100,000 р. на Литву, 100,000 - на корону и 100,000 - оставилъ на разные расходы, безъ которыхъ нельзя было обойтись (Вѣстн. Евр. 1868, №12, 572). Согласно этому ему были переведены векселя на 200,000 р. (гв, 594).

Узнавъ о первыхъ неудачахъ русскихъ противъ турокъ, и изъ донесеній польскаго посла въ Петербургѣ (Псарскаго) о готовности петербургскаго двора сдѣлать уступки по диссиденскому дѣлу и гарантіи, Чарторыйскіе,

Любомірский, а за ними и король дѣйствовали сильнѣе противъ русской политики. Они стали говорить о насиліяхъ Репнина, о необходимости разорвать условія, о необходимости посредничества между Польшею и Россіею католическихъ державъ. Посолъ настаивалъ, чтобы король держалъ себя внѣ вліянія Чарторыйскихъ[1], но онъ отказался ссылаясь на то, что въ такомъ случаѣ и нація отпадетъ отъ него.

Такія жгучія отношенія и высказанная съ обѣихъ сторонъ правда привели къ тому, что Волконскій рѣшился замѣтить королю: „Изъ этого выходитъ, что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи, а по моему ваше величество крѣпче сидѣли бы на тронѣ, если бы нація увѣрилась, что вы съ нами." Король замолчалъ. Но Чарторыйскіе успѣхъ своего дѣла ставили въ зависимость отъ исхода турецкой войны. Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ свое положеніе въ концѣ 1766 г. король Станиславъ-Августъ, въ письмѣ къ Жоффренъ: „Есть люди, которые засвидѣтельствуютъ, что въ раннемъ дѣтствѣ у меня было предчувствіе великаго возвышенія. Ставши королемъ я сказалъ: увидите, что скоро меня постигнутъ страшныя бѣды. Все, что я не предпріму, будетъ испорчено и на половину разрушено: но я перенесу бѣду, снова построю, выплыву наконецъ и чаще надежда оживляетъ мое сердце и теперь, хотя нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Мои дѣла идутъ страшно дурно, но я говорю: теперь Богъ долженъ меня вывесть изъ

1.) „Чтобы властолюбіе ихъ, прикрываемое маскою тишины и патріотизма не навлекло бы намъ изъ подъ руки новыхъ и большихъ пакостей". Вѣстн. Евр. 1873. Въ другомъ мѣстѣ Екатерина называетъ ихъ:

бѣды, въ ожиданіи чего будемъ исполнять свою обязанность. И я исполнилъ свою обязанность, подписавши сенатское рѣшеніе, по которому назначено торжественное посольство для принесенія русской императрицѣ жалобы на все то, что дѣлалось здѣсь въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, противъ моей воли, человѣкомъ, который дѣйствовалъ ея именемъ, но, какъ видно, давалъ ей ложныя свѣдѣнія. Я не долженъ предполагать, чтобы императрица могла разсердиться на меня за это; но если она осердится, то я пострадаю за этихъ самихъ конфедератовъ, которые разоряютъ мои владѣнія, похищаютъ мои доходы и нѣкоторые стремятся отнять у меня корону и даже жизнь. Но нѣтъ нужды; мужество и терпѣніе, и все это кончится хорошо." (Солов. XXVIII, 77.)

(Солов. Ист. пад. Польши, 93-110 и Ист. Рос. XXVII гл. 3-я. Петровъ, Ист. тур. войны т. I. Костомаровъ, Ист. Рѣчи посполит. Спб. 1870 г., 76-120; Щебальскій, франц. политика въ Польшѣ въ 1768-69 г.г. Рус. Вѣстн. 1863 г. т. XLVI. Письма Екатерины Панину, Чен. 1863 г. II. Бумаги Екат. II въ Сборн. т. XIII. Журналъ и переписка Кречетникова за 1767-68 гг. въ Чтен. Моск. общ. ист. 1863 г. изд. Арх. Румянц. Задун. 1767-69, тамъ же, 1865 г. О перепискѣ Екатерины съ Панинымъ, Щебальскаго, Рус. Вѣстн. 1863 г. т. XLX. Бумаги кн. Н. В. Репнина, Сборн. рус. ист. общ. т. V. Понятовскій и Репнинъ, Уманца съ портретами, Древн. и Нов. Рос. 1875 г., 7 и 8 №. Донесенія кн. М. Н. Волконскаго, изд. Дубровскимъ, Вѣстн. Евр. 1868 г. № 11 и 12. Здѣсь помѣщены: Переписка Панина и Екатерины съ Волконскимъ, донесенія Обрѣзкова, Репнина и Кейзерлинга, на основаніи арх. кн. А. О. Голицына-Прозоровскаго, правнука кн. Волконскаго. Политика Фридриха II, кн. П. П.

„Лукавые князья Чарторыйскіе". Ж. 594.

Вяземскаго, 18 вѣкъ, кн. I. Переписка Фридриха II съ Екатериною и Сольмсомъ, въ Сборн. Р.И.О. тт. XVIII и XX. Рюльеръ, Histoire de l'anarchie de Pologne, тт. I–IV, Paris 1807 г. Смитъ, Frederic II, Catherine II et le partage de la Pologne.

Лекція 26.

Приготовленія къ первой турецкой войнѣ. Новые налоги. Предстоящая война съ Турціей требовала значительныхъ затратъ. Вслѣдствіе этого въ 1768 и началѣ 1769 г. было установлено нѣсколько новыхъ податей и налоговъ. Такъ, со всѣхъ казенныхъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ опредѣлено было брать, кромѣ 70 коп. подушной подати, по 2 р. оброку съ души по послѣдней ревизіи, начиная съ 1-го іюня 1769 г. При этомъ указъ ссылался на то, что со времени опредѣленія прежнихъ податей цѣна на рабочій трудъ увеличилась вдвое, а количество денегъ въ обращеніи даже вчетверо; затѣмъ увеличеніе оброчной подати до 2-х рублей было распространено на крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ (П.С.З. 13,303; 13,456).

Остзейскія провинціи на время веденія войны были обложены въ 200,000 талеровъ въ годъ, а г. Нарва 3,000 р. (13,222; 13,221; 13,223). Назначенъ былъ налогъ на разныя отрасли розничной торговой промышленности. Затѣмъ въ теченіе 1769 г., въ виду предстоящаго на 1770 г. дефицита въ 3,000,000 р. положено было войти въ переговоры съ откупщиками объ увеличеніи цѣны на вино до 3-х руб. (что дало бы 847,993 р.) и обложить купечество (по 80 к. съ души = 132,692 р.) и фабрики (21,758 р.). Такимъ образомъ на 1770 сборы для военныхъ нуждъ были опредѣлены въ 3,762,955 р. Но къ нимъ еще

присоединены были: 1,000,000 р. остатковъ отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; 1 мил. отъ перебылки мѣдной монеты, 1 мил. контрибуціи съ Польши, а всего 6,700,000 р. Но оставались еще непокрытыми 1 мил. руб., которые предположено было пріобрѣсти посредствомъ займа. Наконецъ, въ виду предстоящей войны, правительство впервые прибѣгло къ выпуску ассигнацій, т.е. къ тому средству, которое предполагалось еще при Петрѣ III и было отмѣнено по вступленіи на престолъ Екатерины II. Ассигнаціонный банкъ, учрежденный въ концѣ 1768 г. обезпеченъ былъ капиталомъ въ 1 мил. руб. мѣдными деньгами, и выпустилъ на такую же сумму ассигнацій отъ 25-100 р. каждая, которыя должны были приниматься какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ платежахъ. Въ случаѣ успѣха этой операціи, ихъ предполагалось выпустить до 3,000,000 (Госуд. доходы и расходы въ царств. Екатерины II, Куломзина, Рус. Вѣстн. 1870, №10; Ассигнаціи въ царств. Екатерины II его же, 1869 г. №5).

Императорскій Совѣтъ. Предложенія этихъ мѣръ были сдѣланы кн. Вяземскимъ, Волковымъ и Тепловымъ; а въ обсужденіи ихъ принималъ уже участіе вновь учрежденный при дворѣ Совѣтъ. По своему характеру это не былъ Совѣтъ въ духѣ проекта Панина. Онъ напоминалъ скорѣе елизаветинскую конференцію, о которой сдѣлалъ такой неблагопріятный отзывъ самъ Панинъ. Тѣмъ не менѣе послѣднему поручила императрица сдѣлать выборъ членовъ совѣта (Сборн. Рус. ист. общ. X, 302). Изъ отвѣта его императрицѣ видно, что Панинъ хотѣлъ отдѣлаться отъ него и предлагалъ устроить чрезвычайное собраніе только одинъ разъ и пригласить въ него тѣхъ генераловъ, которые могутъ быть назначены главнокомандующими и нѣсколь-

кихъ посторонних членовъ: гр. Г. Г. Орлова, „по особенной довѣренности къ нему", гр. З. Г. Чернышева, „по его мѣсту въ военной коллегіи" (президента), генералъ-прокурора кн. Вяземскаго „для финансовъ", себя, Панина, вице-канцлера кн. А. М. Голицына и фельдмаршала гр. Разумовскаго „въ разсужденіе знатности перваго класса и по значенію его при дворѣ (Соловьевъ, XXVIII, 10). На самомъ дѣлѣ Совѣтъ сначала имѣлъ видъ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала сама императрица и своими устными и письменными предложеніями назначала предметы для разсужденій Совѣта. Такихъ собраній въ теченіе 1768 г. (съ 4 ноября) было 10 (Арх. госуд. Сов. I, стр. I). Въ нихъ обсуждались всѣ вопросы, касающіеся предстоящихъ военныхъ операцій.

Рекрутскіе наборы. Уже въ теченіе октября и ноября 1768 г. было назначено два рекрутскихъ набора, по 1 чел. съ 300 душъ и кромѣ того взять въ солдаты свободныхъ дѣтей духовнаго званія (четвертую часть изъ 70,287), отъ 15-40 л., но ученики духовныхъ семинарій (4,905) были освобождены отъ набора (журн. сената, Соловьевъ, XXVIII, 16-17). Только приготовительныя мѣры въ 1768 г. на военныя надобности простирались до 1,250,000 р. (ib-18).

Отношеніе къ православному Востоку. Открывая турецкую войну въ тяжкое для Россіи время политическихъ отношеній, Екатерина на первыхъ порахъ думала опереться на естественныхъ своихъ союзниковъ — православное населеніе Турціи: грековъ и славянъ. Еще Петръ В. смотрѣлъ такъ на славянъ; они постоянно имѣлись въ виду и въ послѣднихъ войнахъ Россіи съ Турціей; но особенно связи эти укрѣпились со времени Елисаветы Петровны, когда и турецкіе, и австрій-

скіе славяне стали заселять южныя русскія степи. Въ тѣхъ поръ русскіе эмиссары, подъ видомъ богомольцевъ, не разъ являлись на турецкой территоріи, чтобы узнать расположеніе умовъ въ средѣ славянскаго и греческаго населенія. Въ концѣ царствованія Елисаветы имъ послано было 5,000 р. и обѣщано было по столько же ежегодно, если черногорцы введутъ у себя регулярное войско и хорошую дисциплину. Въ это время Черная гора жила еще вполнѣ патріархальнымъ бытомъ: всѣ споры рѣшались обыкновенно поединками; родоначальники были и судьями, и господами; религія ограничивалась лишь внѣшними обрядами: поклонами и постами (Соловьевъ, XXVIII, 42). Сторонникомъ идеи вліянія Россіи на православное населеніе Турціи при Екатеринѣ II былъ ея любимецъ, Гр. Орловъ. Такъ еще до 1-й турецкой войны, одинъ ессалійскій грекъ Пана-Оглы, служившій капитаномъ въ русской артиллеріи, которою завѣдывалъ Орловъ, былъ посланъ послѣднимъ на три года въ Грецію. Хотя его хлопоты въ Венеціи, чтобы склонить республику къ союзу съ Россіей не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе опасеній венеціанскаго правительства на счетъ Турціи, но затѣмъ Пана-Оглы завязалъ сношенія въ Тріестѣ, Рагузѣ и въ Греціи (1766). Екатерина дѣлала большія пожертвованія на греческія церкви и сорила подарками среди греческаго населенія. Въ это время, какъ мы знаемъ ранее появляются въ Средиземномъ морѣ русскіе корабли съ торговыми цѣлями, а шесть русскихъ офицеровъ, подъ предлогомъ изученія конструкціи кораблей, появляются на Мальтѣ, для ознакомленія съ плаваніемъ по морю и приглашенія иностранныхъ матросовъ въ русскую

службу.[1]

Самозванецъ Степанъ Малый. Но вскорѣ за тѣмъ возникло обстоятельство, едва не прекратившее этихъ отношеній. Мы говоримъ о появленіи въ нач. 1767 г. въ Черногоріи самозванца Степана Малаго (Николо). Онъ былъ, какъ полагаютъ, родомъ босниецъ, монахъ, знакомый немного съ медициною. Пользуясь сходствомъ съ Петромъ III, онъ выдалъ себя за послѣдняго и нашелъ поддержку въ Черной горѣ.[2] Мы считаемъ натянутою мнѣніе, что этотъ случай былъ придуманъ Орловымъ для того, чтобы имѣть право вмѣшаться въ дѣла Турціи. По крайней мѣрѣ сначала Екатерина испугалась этого обстоятельства болѣе, чѣмъ турки. Обрѣзковъ опровергалъ его притязанія передъ черногорскимъ владыкою Саввою (Макушевъ, Рус. Вѣстн. 1869, авг. 536), а изъ распоряженій ея въ пограничныхъ губерніяхъ видно, что она опасалась далѣе вліянія этой пропаганды въ Россіи и потому распорядилась подвергать

1.) Въ началѣ царствованія Екатерины II пріѣзжали въ Петербургъ черногорцы, Петровичи. Они просили дозволить черногорскому архіерею, Василію Петровичу, посѣтить Россію, а также хлопотали объ освобожденіи Черной горы отъ Турціи. Въ то время опасались затрудненій на Востокѣ и, основываясь на новѣйшихъ уже свѣдѣніяхъ о жителяхъ Черной Горы, потребовали прежде переустройства ея порядковъ; но когда прибылъ въ Петербургъ Василій Петровичъ (1765 г.), то отсюда послали на Черную Гору ризницу и деньги (500 р.). Впрочемъ отъ болѣе серьезныхъ отношеній Екатерина уклонилась тогда и далѣе выражалась, что иностранная коллегія съ Черногорцами въ ссорѣ (Соловь. XXVIII, 42, 44).

2). По указанію Макушева онъ былъ предварительно въ Россіи, а потомъ въ Австріи (Рус. Вѣстн. 1869 г, № 7, 14).

всѣхъ, пріѣзжавшихъ изъ-за границы, тщательному досмотру (18 вѣкъ, III, 193-97). Тѣмъ не менѣе Степанъ Малый произвелъ значительное движеніе въ средѣ турецкихъ христіанъ, объявившихъ, что онъ посланъ богомъ для низверженія мусульманскаго ига. Епископы Албаніи и Босніи спѣшили признать его императоромъ; возлѣ Катары и въ торговой православной общинѣ Майна, принадлежавшемъ венеціанской республикѣ (Макушевъ, 32), ему удалось возбудить движеніе. Вскорѣ ему доставлены были прибрежными жителями нѣсколько судовъ и припасы. Степанъ вторгся въ Албанію и произвелъ тамъ сборъ съ жителей, назначенный въ пользу султана; онъ мечталъ даже объ освобожденіи Сербіи. Турція послала противъ него войско. Въ это время произошелъ разрывъ Россіи съ Турціей. Екатерина поручила своимъ агентамъ разслѣдовать положеніе дѣлъ въ Черногоріи, которой стали грозить венеціанцы, избѣгавшіе столкновенія съ Портою. Имъ поручалось войти въ сношенія съ черногорцами и направить дѣятельность Степана Малаго на возбужденіе Черной Горы противъ Порты, причемъ слѣдовало объяснять, что самая война съ Турціей поднята на защиту православныхъ, угнетенныхъ въ Польшѣ и Турціи. Степану Малому совѣтовалось бросить роль Петра III, для поддержки которой онъ не найдетъ сочувствія въ Россіи, а между тѣмъ, поднимая славянъ противъ турокъ, можетъ стяжать себѣ славу героя. Чтобы прекратить эту печальную роль Степана и дать ей другое направленіе, въ Черногорію былъ посланъ кн. Юр. Влад. Долгоруковъ, подъ именемъ купца, которому удалось склонить его въ

пользу Россіи и возбудить Черногорію къ возстанію, а съ однимъ болгариномъ былъ посланъ туда же манифестъ Екатерины на греческомъ и славянскомъ языкахъ.

Между тѣмъ Турція съ своей стороны стала вооружаться въ Босніи и Албаніи для нападенія на Черногорію; подъ Острогомъ черногорцы потерпѣли страшное пораженіе, во время котораго Степанъ скрылся. Потомъ онъ является однимъ изъ повѣренныхъ Долгорукова, и, по его порученію, поддерживаетъ движеніе противъ турокъ. Другимъ русскимъ эмиссаромъ былъ здѣсь Марко Войновичъ, родомъ сербъ, находившійся въ русской службѣ (Макушевъ, сентябрь, 30), давній пріятель Степана. Но во время одного изъ подкоповъ при прокопаніи дороги, Степанъ Малый былъ опасно раненъ въ руку, грудь и голову и отнесенъ въ монастырь; впослѣдствіи онъ потерялъ зрѣніе. Высадка русскихъ въ Спичъ не осуществилась, а о осенью 1770 г. турки отступили отъ Черногоріи. Однако и послѣ этого Степанъ пользовался вліяніемъ въ народѣ и наводилъ страхъ на турокъ, такъ что они назначили цѣну за его голову. Исполненіе этого замысла взялъ на себя его слуга-грекъ. Онъ умертвилъ Степана въ 1774 г. (Мордовцевъ, Самозв. I, 1-70. Петровъ, 94-103. Родословная кн. Долгоруковыхъ. Соловьевъ, Ист. Россіи XXIII, 44-53. Самозван. Степанъ Малый, Макушевъ, по акт. венец. арх., Рус. Вѣстн. 1869 г. № 7, 8, 9). Маркизу Маруччи, состоявшему русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ (съ 1768) при венеціан. республикѣ (Арх. Госуд. Сов. I, указатель) поруче-

1) Онъ принятъ былъ въ русскую службу и участвовалъ въ морскихъ дѣлахъ 1770-71 г.г., а потомъ и во 2-м турец. войнѣ. Арх. Госуд. Сов. I, ука-

но было войти даже въ сношенія съ Паскалемъ Паоли, поднявшимъ возстаніе на Корсикѣ, купленной французами у генуэзцевъ[1]. Онъ просилъ военной помощи у Екатерины (12 кораблей), а она думала этимъ отмстить ненавистному маркизу Шуазелю, поднимавшему противъ Россіи турокъ. Но Паоли не нашелъ поддержки между своими и долженъ былъ бѣжать (Сборн. Р.И.О. X, 337, 342-43, 392). Съ другой стороны Екатерина хотѣла оказать свое вліяніе на Крымъ и совѣтовала послать туда четырехъ заженточныхъ татаръ изъ Казани и распространить тамъ письма съ предложеніемъ независимости отъ Турціи (Арх. госуд. Сов. I, 4, моск. арх. иностран. дѣлъ, Солов. XXVIII, 33). Она старалась возбудить движеніе и среди христіанъ Грузіи. Съ другой стороны, чтобы парализировать вліяніе постороннихъ проповѣдниковъ на магометанское населеніе Россіи, она велѣла завести по прежнему школы, въ которыхъ приготовлялись бы проповѣдники на родномъ яз. и дозволила даже строить мечети, лишь бы онѣ не были близки къ православнымъ церквамъ и жилищамъ христіанъ (Сборн. X, 356 и Солов., 31-32.).

Положеніе Турціи. Манифестъ Екатерины къ православному населенію Турціи объявлялъ о страшномъ угнетеніи христіанъ и призывалъ ихъ къ возстанію для уничтоженія ига (Арх. Воен. топ. Депо, Петровъ

затель, стр. VII.

1.) Вообще, русскіе повѣренные и консулы, находившіеся тогда во многихъ городахъ и островахъ, на пути слѣдованія эскадры оказали весьма важную услугу своимъ посредничествомъ и сообщеніями, какъ Кавалькабо въ Мальтѣ (Арх. госуд. сов. I, 52, 61, 65, 69, 366), Моцениго

I, 103-106). Вскорѣ мятежъ поднялся въ Черногоріи, Албаніи, Босніи, Македоніи, Герцеговинѣ; египетскій паша Гаджи-Али-бей также мечталъ освободиться отъ власти Мустафы III, чтобы получить титулъ египетскаго султана и вступить въ сношенія съ Россіей.[1] Крымъ-Гирей, недавно сосланный за свои стремленія къ независимости на о-въ Кипръ, былъ возвращенъ ханомъ въ Крымъ и осыпанъ подарками, но былъ ненадеженъ. Визирь Османъ-Магометъ-Эмминъ паша не отличался военными достоинствами и былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ постояннымъ совѣтомъ пашей. Но Порта усиленно готовилась къ войнѣ. Армія ея, назначенная противъ Россіи, равнялась 600,000 чел. Войска оттягивались со всѣхъ провинцій къ Адріанополю, а къ крымскому хану прибыли даже лезгинцы. Ханъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 60,000 чел. Начались обычныя притѣсненія мирныхъ гражданъ особенно христіанъ, которыми пользовалась Екатерина, чтобы выставить передъ Вольтеромъ „слабость и безпорядочность" турецкаго правительства. Она указывала также на печальный случай оскорбленія австрійскаго посланника (Бронвера) и его семейства разъяренною турецкою чернью въ присутствіи султана и визиря. Въ изступленіи мусульманскаго фанатизма янычары наносили

на остр. Занте и др.

1) Мамелюкъ Али-бей достигъ достоинства начальника округа въ Египтѣ; въ 1770 г. завоевалъ Аравію и Сирію, провозгласилъ себя султаномъ Египта и заключилъ союзъ съ командующимъ русской эскадрой въ Средиземномъ морѣ гр. Орловымъ, для дѣйствій противъ Турціи; но вскорѣ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ въ 1773 г. Арх. Госуд.

себѣ неестокія раны. Русскому же посольству, которое слѣдовало до границы при войскѣ, грозили не разъ смертью. Не менѣе значительны были и морскія силы, собранныя Турціей. На Черномъ морѣ было выставлено 250 судовъ, въ томъ числѣ 3 большихъ кораблей и до 60 галеръ, но остальные были въ плохомъ состояніи.

<u>Планъ военныхъ дѣйствій турокъ и конфедератовъ.</u> Планъ турецкой кампаніи состоялъ въ томъ, что одна армія, подъ начальствомъ визиря, должна была перейти Днѣпръ у Хотина, гдѣ Іоахимъ Потоцкій и Красинскій обѣщали ожидать ее съ 30,000 арміею конфедератовъ, продовольствіемъ и порохомъ. Эта армія должна была овладѣть Каменецъ-Подольскомъ, двинуться въ Варшаву, свергнуть Станислава Понятовскаго, содѣйствовать избранію новаго короля, вытѣснить малочисленное русское войско въ Польшѣ, а затѣмъ раздѣлиться на двѣ колонны, для движенія на Кіевъ и Смоленскъ. Сила этой арміи назначалась въ 400,000 чел. Армія крымскаго хана должна была вторгнуться въ предѣлы Россіи съ юга. Третья армія предназначалась для движенія на Астрахань. Въ помощь ей организованъ былъ флотъ на Черномъ морѣ для овладѣнія Таганрогомъ и Азовомъ. Эти войска должны были усилиться кавказскими народами, изъ которыхъ одни лезгинцы обѣщали выставить 50,000 войско. они должны были открыть общее движеніе на Астрахань. Обратимся къ Россіи.

<u>Планъ русскихъ военныхъ дѣйствій.</u> 4 ноября 1768 г. собрался во дворцѣ извѣстный намъ Совѣтъ

Совѣта т. I, v. I; указатель стр. I.

подъ предсѣдательствомъ Екатерины, въ которомъ присутствовали: К. Г. Разумовскій, фельдмаршалъ кн. А. М. Голицынъ, гр. Н. И. Панинъ, гр. З. Г. Чернышевъ, гр. П. К. Панинъ, гр. М. Н. Волконскій, гр. Г. Г. Орловъ, вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ и кн. Вяземскій. На Совѣтѣ было постановлено: составить три арміи, изъ которыхъ 1ая весною 1769 г., въ числѣ 80,000 чел., должна была собраться въ Кіевѣ, подъ начальствомъ А. М. Голицына; 2ая армія въ 40,000 чел., подъ начальствомъ Румянцева, подъ именемъ оборонительной или украинской, должна была расположиться у Усть-Самары и Бахмута, а запорожскія войска должны были охранять ее со стороны Крыма. 3ая армія (обсерваціонная), подъ начальствомъ генералъ-аншефа Олица изъ 12-15,000 чел., — собраться у Луцка и выслать отрядъ для занятія Бара, Сигаро-Конфедератинова и Полоннаго, а затѣмъ соединиться съ первою арміей. Кромѣ того сдѣлано было распоряженіе объ охранѣ границъ небольшими отрядами войскъ въ Финляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи, Смоленскѣ и со стороны Астрахани. Но въ томъ же Совѣтѣ, по предложенію гр. Орлова, постановлено было снарядить эскадру въ Средиземное море, снеясь предварительно съ англійскимъ правительствомъ относительно пропуска и охраны кораблей въ водахъ Англіи. Въ слѣдующія засѣданія были сдѣланы распоряженія, въ случаѣ движенія турокъ въ предѣлы Польши и соединенія съ конфедератами, стараться избѣгать генеральнаго сраженія, прикрыть Литву и вообще отягивать дѣло до осени. Еще лучше сообразно съ силами турокъ старать-

ться занять Каменецъ, устроить запасные магазины въ окрестностяхъ и, если силы непріятеля будутъ незначительны, овладѣть Хотиномъ. 2-я армія, оборонительная, должна была стараться занять Азовъ и Таганрогъ, прекратить движеніе къ Крыму и противодѣйствовать соединенію его съ Анатоліей. Для этой цѣли на помощь ей предназначалось 75 судовъ, которые должны были спуститься изъ Воронежа по Дону съ 12,400 чел. и болѣе 1,000 орудій. На этомъ пути вплоть до Кавказа отдѣльные отряды должны были произвести возстаніе народовъ противъ Турціи. Кн. А. М. Голицынъ не колѣнялъ благодарить императрицу за оказанную ему довѣренность. Въ этомъ назначеніи видѣли тогда торжество Чернышева, которому удалось устранить вліяніе Панина. Румянцевъ получилъ второстепенную роль, а П. И. Панинъ пока вовсе не былъ назначенъ. Положеніе Панина въ Совѣтѣ, въ виду политическихъ затрудненій Россіи, было весьма тяжелое: его упрекали за натянутыя отношенія къ Польшѣ, вызвавшія вслѣдъ за тѣмъ смуту Репнина, и за отклоненіе австрійскаго союза, важнаго во время разрыва съ Турціей. Противъ него теперь стояли: Гр. Орловъ, Чернышевъ Разумовскій, оба Голицына (Сборн. XII, 411-412). Но Екатерина поддерживала Панина[1].

Отношенія къ Пруссіи. „Самый вѣрный союзникъ" (Фридрихъ) императрицы также не дремалъ. Не

1) Въ началѣ войны съ Турціею былъ учрежденъ, за военные подвиги, орденъ св. Георгія.

обобряя слишкомъ рѣшительныхъ дѣйствій Россіи въ Польшѣ, изъ опасенія за усиленіе ея вліянія тамъ, онъ поспѣшилъ однако предложить Екатеринѣ воспользоваться статьею договора 1764 г. и возобновить союзъ до истеченія 8-лѣтняго срока. Въ Петербургѣ, въ офиціальной сферѣ, существовало мнѣніе, что при австрійскомъ союзѣ турецкая война была бы или немыслима, или Австрія отвлекла бы турецкія силы отъ русскихъ границъ, вполнѣ предоставленныхъ теперь нападенію. Фридрихъ опасался такого исхода для себя и свержения Панина. Поэтому тогда же въ Берлинѣ была составлена записка въ защиту преимуществъ прусскаго союза передъ австрійскимъ. Послѣдній, по словамъ этой записки, привелъ бы къ союзу Пруссіи съ Франціей, причемъ Австрія не могла бы оказать дѣятельной помощи Россіи, опасаясь нападенія со стороны Франціи въ Италіи и Нидерландахъ. Пруссія же теперь будетъ сдерживать и Данію, и Швецію. Но за это отъ Фридриха требовали большихъ обязательствъ въ случаѣ общей войны, что его такъ сильно раздражало. Такимъ образомъ только 12 окт. 1769 г. возобновленъ былъ союзный договоръ на 8 лѣтъ, считая съ 31 марта 1772 г., причемъ было прибавлено, что онъ обязывается послать въ Польшу или Саксонію свое войско, если саксонскій дворъ окажетъ помощь Польшѣ, и обязывается сдѣлать диверсію въ Померанію, въ случаѣ нападенія шведовъ на Россію. Но замѣчательно, что Екатерина опасалась упоминать шведскую Померанію, чтобы это не побудило Фридриха захватить тамъ нѣкоторыя гавани (Штральзундъ и др.) и завести флотъ на балтійскомъ морѣ. Но Панинъ возражалъ, что и безъ упоминанія о ней

движеніе противъ Швеціи возможно только въ этомъ направленіи. Въ свою очередь Фридрихъ былъ радъ, что въ его распоряженіе снова предоставляли Саксонію, которую первоначально предполагали включить въ сѣверный союзъ, какъ союзницу (Веч, 243; дѣла Прус. Солов., XXVIII, 83-85). Предвидя этотъ планъ, Фридрихъ могъ уже отказаться отъ предложенія Шуазеля (чрезъ прус. пос. Гольца) за союзъ съ Франціею - получить Данцигъ и Гамбургъ или Курляндію и Варшаву (Dipscher; Aus der Zeit Friedr. d. Gros. 167-168; Kaunitz; Beiträge, IV, 230).

Русскій флотъ. Екатерина хвалилась созданіемъ флота и энтузіазмомъ своихъ моряковъ. „Я такъ розщекотала нашихъ морскихъ по ихъ ремеслу, писала она гр. И. Г. Чернышеву (въ Лондонъ), что они огненные стали... Я на сей часъ сама за нихъ взялася и, если Богъ велитъ, увидишь чудеса. У меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ и я истинно его такъ употреблю, какъ онъ еще не былъ; а я уже нарядила не скажу куда, а матросы пьяные по улицѣ сказываютъ - въ Азовецъ идемъ". (Сборн. II, 224, Рус. Арх. 1871).

Въ инструкціи Спиридову Екатерина заявляла, что онъ можетъ совершенно положиться на свойствіе Даніи и Голландіи, въ случаѣ необходимости укрыться въ ихъ гаваняхъ, но Англія, хотя и состоитъ въ дружбѣ съ Россіей, по свойственной ей зависти ко всякимъ морскимъ предпріятіямъ, будетъ съ особеннымъ вниманіемъ взирать на русскій флотъ, и потому совѣтовала ему быть осторожнымъ. Она надѣялась, что бурбонскіе дома не будутъ мѣшать плаванію русскихъ судовъ, но выражалась, что гаванями ихъ, кромѣ крайней нужды, нужно избѣгать. За то она розсчитыв-

вала на всякое содѣйствіе и даже помощь мальтійскаго ордена (Соч. Екатерины II, изд. Смирдина, т III). Чернышева она просила прислать ей карту Средиземнаго моря и Архипелага, а также литейщика чугунныхъ пушекъ, хотя бы нѣсколько и дорогъ былъ, что не дѣлать? Лишь бы онъ безошибочные мѣдныя пушки, нежели наши, коц льютъ сто, а годятся, много что десять. „Баринъ, баринъ, прибавляетъ она, много мнѣ пушекъ надобно: я турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ, не знаю загорится ли и сгоритъ ли: но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противу ихъ толькихъ хлопотъ и заботъ". (Рус. Арх. 1871 г. Солов. XXVIII, 34, 35). Но состояніе флота далеко не было въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ думала Екатерина. Чернышевъ, видѣвшій отпотъ флотъ въ Англіи, подтверждаетъ отзывъ англійскаго посланника, извѣстный уже намъ, что русскіе набираютъ матросовъ изъ тѣхъ же рекрутъ „Одни архангелогородцы къ тому только способны", замѣчаетъ Чернышевъ. Онъ объясняетъ и причину такого состоянія флота. Съ 1700 г. флотъ стоитъ Россіи болѣе 100 тыс. руб. и что за то имѣлъ? буде не ничего, то очень мало. Вѣнемлибы все соотвѣтствовало мудрому и щедрому монархини нашей приуправленій сей эскадры попеченію, чтобы она сдѣлать не могла? Но съ прискорбіемъ, стыдомъ, горестью и досадою сказать должно, что въ исполнителяхъ не совѣмъ то видно, а все кажется, такъ должно было, какъ при отправленіи С. Ѳ. Апраксина въ арміи въ 1756 г., чтобы только съ рукъ сжить". Дѣйствительно императрица была недовольна, что флотъ долго оставался въ Копенгагенѣ, многіе изъ матросовъ оста-

лись на берегу, много было больныхъ, дисциплина не соблюдалась строго". Изъ донесений Философова (рус. посланника въ Копенгагенъ) видно, что офицеры желали возвратиться назадъ и онъ долженъ былъ напоминать имъ о полномъ подчиненіи ихъ адмиралу. По словамъ Чернышева, въ этой эскадрѣ считалось болѣе 800 чел. больныхъ (изъ нихъ умерло 40), большею частью поносами и флюсъ-фиберами. Многіе англичане ѣздили смотрѣть русскіе корабли въ Портсмутъ, причемъ виды старыхъ матросовъ-архангелогородцевъ производили на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе, а потому Чернышевъ совѣтовалъ комплектовать флотъ ежегодно, независимо отъ рекрутскаго набора. Въ Англіи пріемъ русскимъ былъ оказанъ радушный и многіе покупали русскія мѣдныя деньги по ихъ настоящей цѣнѣ, „почитая ихъ, говоритъ Чернышевъ, не за монету, но за медали, служащія знакомъ бытія въ здѣшнихъ портахъ россійскаго флота". Посѣщая же Средиземное, Екатерина съ своей стороны прибавляетъ: „Вся Европа на васъ и вашу экспедицію смотритъ". (Была датскія и англ. Соловь. 35-38. Сборн. X, 390). Въ это время гр. Орловъ, послѣ опасной болѣзни, до окончательнаго выздоровленія отправился съ братомъ своимъ Ѳедоромъ подъ именемъ Островоновыхъ въ Италію. Ему поручено было разсылать эмиссаровъ къ подвластнымъ Турціи православнымъ народамъ и распространять между ними отъ имени Екатерины воззванія къ воз-

---

1) Прежде чѣмъ дойдутъ до Архипелага, надобно чинить русскіе корабли въ англійскихъ пристаняхъ, въ Парось, Магонъ Ливорно (Де-Кабръ).

станію, на защиту православной вѣры и свободы, снабжать ихъ оружіемъ и припасами (Сборн. I, Памятн. Нов. рус. ист. I).

Двѣ эскадры, изъ которыхъ первою командовалъ адмиралъ Спиридовъ, а второго контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, родомъ англичанинъ[1], подъ начальствомъ гр. Ал. Орлова, должны были войти въ Средиземное море[2]. Контръ-адмиралу Сенявину поручено было устройство Азовской флотиліи, о которой очень хлопотала Екатерина (Соч. Екат. II изд. Смирдина III, 200 и д.)

Составъ русской арміи. Не смотря однако на увеличеніе состава полковъ и военныхъ частей арміи было значительно менѣе опредѣленныхъ, а именно: 1-я армія состояла изъ 71,000 солдатъ; 2-я — 43,728; обсерваціонный корпусъ долженъ былъ состоять изъ 12-15,000 чел. Такимъ образомъ замѣчанія иностранныхъ резидентовъ о значительномъ недостаткѣ въ составѣ русской арміи вполнѣ оправдываются. Въ Польшѣ начальство надъ корпусами русскихъ войскъ было поручено Вейнарну, который часть войскъ оставилъ въ Вильнѣ, а часть двинулъ къ Варшавѣ. Въ

1.) Тогда же вступилъ въ рус. службу адмиралъ англ. флота Нольсъ (Knowls). Арх. Госуд. Сов., I, указатель. Ему поручены были комплектованіе кораблей и интендантская часть флота (Сборн. XIII, 113; письма Екатерины къ нему въ Сборникѣ, ib).

2.) 1-я эскадра состояла изъ 5-ти кораблей о 80 пушкахъ, 6-о 70, 2-о 32, 3-хъ галеръ и 2-хъ транспортныхъ судовъ, 13-ти линейныхъ кораблей, 4-хъ галеръ о 60 пушкахъ; экипажъ изъ 10,000 матросовъ и солдатъ; 2-я эскадра изъ 4-хъ кораблей о 60 пушкахъ, 2-о 54, 2-о 32-хъ, 5-ти галіотовъ, 2 галеръ, 3-хъ полугалеръ, 27 шлюпокъ и 4,800 чел.

Малой Польшѣ начальствовалъ Олицъ. Кн. Голицынъ приказывалъ обходиться съ жителями Польши безъ возбужденія какихъ либо столкновеній и неудовольствій.

Первыя дѣйствія конфедератовъ и татаръ.

Между тѣмъ 1769 г. застаемъ отряды конфедератовъ въ значительной степени сформировавшимися. они образовались въ воеводствѣ Плоцкомъ, возлѣ Каменца, Лотина, въ окрестностяхъ Ясеъ, возлѣ Балты, гдѣ они ждали крымскаго хана, направлявшагося въ отмѣстка съ войскомъ въ 30,000 чел. Маршалъ конфедератовъ Мальчевскій, издалъ въ Познани манифестъ противъ русскихъ и успѣлъ захватить нѣкоторые магазины. Красинскій отправился набирать войска въ Венгрію, для чего онъ воспользовался 120,000 злот., выданныхъ турецкимъ правительствомъ, а 150,000 злот. были вручены въ распоряженіе Потоцкаго. Въ началѣ 1769 г. отрядъ татарскаго войска (8,000 чел.), соединившись съ конфедератами, подъ начальствомъ гр. Потоцкаго и кн. Чевертинскаго, направился въ Уманьщину и страшно опустошилъ все на пути. Ханъ же съ остальнымъ войскомъ шелъ къ Елисаветградской крѣпости, опустошая окрестности. Малочисленный отрядъ русскаго войска (1,800 чел.) подъ начальствомъ генер. Исакова, не могъ воспрепятствовать вторженію татаръ (Петровъ 137). Не встрѣчая препятствія на пути, татары, руководимые конфедератами и въ союзъ съ гайдамаками, опустошили окрестности Чигирина и Черкасъ. Завидя однако высланные противъ него русскія войска

экспаса.

ханъ въ началѣ февраля перешелъ черезъ Днѣстръ и остановился на границѣ Валахіи; затѣмъ распустилъ большую часть войска, а самъ съ богатою добычею отправился въ Константинополь. Такое же опустошеніе было произведено отрядомъ татаръ подъ Бахчуткомъ (Петровъ, I, 138).

Но въ январѣ и февралѣ, до прихода турецкихъ войскъ, русскому отряду удалось разбить и разсѣять польскихъ конфедератовъ въ Галиціи и Подоліи, а русская армія готова была перейти границу (ib, 138–150). Между тѣмъ турки медлили и напрасно теряли время (собравшись въ Адріанополѣ 31-го марта) для перехода въ Польшу. Заготовленіе провіанту на громадную армію шло чрезвычайно туго; а въ Молдавіи турки встрѣтили открытое сопротивленіе, банъ которой Канакузенъ и епископъ Досиѳей призывали русскихъ вступить въ Молдавію. Но съ другой стороны, гайдамаки открыли свои дѣйствія, враждебныя Россіи. Дѣйствія русскихъ войскъ въ предѣлахъ Польши находились подъ главнымъ наблюденіемъ кн. Прозоровскаго. Дѣйствіями всего его корпуса начался въ половинѣ апрѣля переходъ русскихъ черезъ Днѣстръ. Но, послѣ безуспѣшной осады Хотина, по недостатку осадной артиллеріи, кн. Голицынъ вынужденъ былъ перейти обратно по сю сторону Днѣстра; а между тѣмъ стало извѣстно и приближеніе къ Хотину и великаго визиря. Такимъ образомъ Молдавія была отдана на произволъ турецкихъ солдатъ. Отступленіе русскихъ войскъ за Днѣстръ возбудило новыя надежды конфедератовъ и въ половинѣ мая снова пришлось и Прозоровскому, и Веймарну отрядить свои войска для уничтоженія конфедератовъ, оса-

крымскій ханъ (40,000) не двинулся на подмогу, что заставило эту осаду. А между тѣмъ Голицыну пришлось отдѣлить еще часть войскъ на преслѣдованіе разбитыхъ подъ Львовомъ конфедератовъ. Сначала татары были побиты и Хотинъ готовъ былъ уже (24 іюля) сдаться, но извѣстіе о новой помощи, посланной визиремъ и обѣщанія Потоцкаго о новыхъ силахъ конфедератовъ, удержали турокъ въ крѣпости. Тогда русская армія, вслѣдствіе движенія войскъ визиря и опасности быть отрѣзанной отъ Польши, въ случаѣ успѣха турокъ, вторично отступила за Днѣстръ.

Султанъ, недовольный медленностью дѣйствій визиря и страшною деморализаціею арміи отъ злоупотребленій и недостатковъ продовольствія (40,000 разбѣжалось), вызвалъ визиря и велѣлъ отсѣчь ему голову. Вмѣстѣ съ визиремъ погибъ и господарь молдавскій Гика. Преемникомъ павшаго визиря былъ Молдованчи-паша, считавшійся за человѣка смѣлаго и неустрашимаго.

Первымъ дѣломъ новаго визиря было перейти на ту сторону Днѣстра. Въ это время турецкія войска достигали у Хотина до 100,000 чел. Послѣ продолжительныхъ попытокъ къ переправѣ, 29 авг., турки вступили у Каменца въ генеральное сраженіе, но съ значительнымъ урономъ были отброшены и снова прогнаны за Днѣстръ. Въ тоже время конфедераты потерпѣли пораженіе въ окрестностяхъ Львова и подъ Люблиномъ (во 8,000) и были преслѣдуемы до Сандомира (Черненскій) и Бреста (Пулавскій), разбитые же здѣсь (гдѣ былъ убитъ братъ Пулавскаго, Казиміръ), обѣ партіи соединились у Люблина.

Послѣ этихъ удачныхъ дѣйствій противъ турокъ и конфедератовъ къ Голицыну явились депутаты отъ

Каменецъ-Подольска съ поздравленіемъ и изъявленіемъ своей радости. Съ другой стороны послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ утвердиться на этой сторонѣ Днѣстра, турки оставили Хотинъ, который заняли русскія войска. Неудачи турокъ, при значительномъ перевѣсѣ войскъ, объясняютъ недостатками турецкой артиллеріи и вооруженія вообще, а также возникшимъ возмущеніемъ въ войскѣ (257-58).

Утвердившись въ Хотинѣ, кн. Голицынъ распорядился преслѣдовать противника по направленію къ Яссамъ и обратился съ манифестомъ къ жителямъ Молдавіи о подчиненіи Россіи (259-60). Часть войскъ подъ начальствомъ генерала Эльмпта была отправлена занять Молдавію, но оставшіеся въ Хотинѣ вскорѣ отведены къ Каменецъ-Подольску (чтобы воспользоваться продовольствіемъ и изъ опасенія перехода турокъ со стороны Бендеръ къ Могилеву - на Днѣстрѣ).[1]

Назначеніе гр. А. П. Румянцева главнокомандующимъ. Въ это время Голицынъ былъ замѣненъ гр. Румянцовымъ, такъ какъ Екатерина была недовольна оборонительными дѣйствіями Голицына (262-63). Отрядъ Эльмпта былъ подкрѣпленъ войсками Трозорговскаго и вскорѣ вся Молдавія была въ рукахъ русскихъ (265). Вслѣд-

---

1.) По поводу бѣгства турокъ отъ Хотина и занятія русскими Дунайскихъ княжествъ, Фридрихъ II замѣтилъ въ своихъ запискахъ: „генералы Екатерины не имѣли никакого понятія о каструметріи и тактикѣ, генералы султана имѣли еще меньше познаній; чтобы получить правильное понятіе объ этой войнѣ, надобно представить себѣ кривыхъ, которые, поколотивши слѣпыхъ, берутъ надъ ними рѣшительный верхъ".

В. Иконниковъ

рого наконецъ ему удалось одолѣть. Не смотря на это, рѣшено было послать ему отрядъ русскихъ войскъ (50,000) съ 5 пушками[1]. Въ тоже время Панинъ писалъ Соломону, чтобы онъ вошелъ въ переговоры съ грузинскимъ царемъ - Ираклиемъ и условился дѣйствовать съ нимъ противъ турокъ. Соломонъ нарочно ѣздилъ для этого въ Тифлисъ, а затѣмъ оба они прислали своихъ пословъ въ Петербургъ. Осенью 1769 г. отрядъ для дѣйствія противъ турокъ въ Закавказьѣ былъ вверенъ извѣстному уже намъ генералу Тотлебену, который прошелъ по Тереку до Гудъ-Гуры, куда явился царь Ираклій съ важнѣйшими князьями и признавъ подданство Россіи. (Груз. дѣла Моск. Арх. ин. дѣлъ. Солов. XXVIII, 27-28, Бучковъ, Матер. для ист. Кавказа, I, 275 и д.).

Лекція 27.

Отзывъ о кампаніи 1769 г. Интересны взгляды разныхъ сторонъ на кампанію 1769 г.: „Твердость султана, писалъ Шуазель Жерару, французскому посланнику въ Данцигѣ, безчисленныя приготовленія, негодованіе за дурной исходъ кампаніи, готовятъ усилія, противъ которыхъ русскіе, если они по прежнему будутъ разсчитывать на одно счастье, въ свою очередь не устоятъ,

---

1.) Передъ началомъ войны въ Закавказьѣ, Екатерина спрашивала, нѣтъ ли въ иностранной коллегіи карты, которая была бы исправнѣе печатныхъ, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ Тифлисъ стоитъ на Черномъ, на другихъ на Каспійскомъ морѣ, а на нѣкоторыхъ среди земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ она спрашивала, имѣютъ ли грузинскіе владѣтели порты на Черномъ или

счастье доставило имъ побѣду, которой они не содѣйствовали ни своими качествами, ни дѣйствіями." (Петровъ, II, 1). Румянцевъ же писалъ Панину: „Безспорно, что непріятель пришелъ отъ Хотина съ скоропостижностью, но чтобы то отъ страха было, того сказать прямо не можно, а болѣе приписать должно побѣгъ ихъ голоду, который они претерпѣвать стали, и холоду, отъ котораго имъ укрыться совсѣмъ не возможно было."

Въ тоже время французскія газеты преувеличивали русскія неудачи и восхваляли мнимыя побѣды турокъ и татаръ; такое отношилась къ нимъ и кёльнская газета. Все это возмущало Екатерину и она сочла нужнымъ опровергнуть неосновательные слухи и изложить свой взглядъ на ходъ событій въ Турціи и Польшѣ своимъ довѣреннымъ корреспондентамъ - Бельке и Вольтеру. „Пойдемъ бодро впередъ! писала она первой, поговорка, съ которою я провела одинаково и хорошіе и дурные годы, и вотъ пронесла цѣлыхъ 40 лѣтъ и что значитъ настоящая бѣда въ сравненіи съ прошлымъ?" „Мнѣ кажется, что начало игры порядочное, замѣчаетъ оно Вольтеру. Можно сказать, что разумъ человѣческій все одинъ и тотъ же. Смѣшной смыслъ крестовыхъ походовъ не помѣшалъ подольскому духовенству, подъ вліяніемъ папскаго нунція, проповѣдывать крестовый походъ противъ меня и эти безумные самозванные конфедераты для опустошенія собственныхъ провинцій, обѣщанныхъ ими Портѣ, одною рукою взяли крестъ, а другою подписали союзъ съ турками. Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы помѣшать четверти польскаго населенія пользова-

---

Каспійскомъ морѣ?

мя прохода русской эскадры мимо береговъ Франціи, французское правительство потребовало, чтобы русскіе корабли входили въ гавани по одному, а не всѣ вмѣстѣ, ссылаясь на свою дружбу съ Турціею и морскіе законы. Но появленіе русскихъ кораблей у береговъ Франціи произвело сенсацію въ дипломатическомъ корпусѣ; стали говорить о „новой морской державѣ" и даже „блестящей экспедиціи" Россіи. Въ это время во Франціи жили постоянные агенты конфедератовъ и поддерживали вражду къ Россіи; здѣсь были получены уже извѣстія о предполагавшемся раздѣлѣ завоеваній Турціи и польскихъ земель между Россіею, Австріею и Пруссіею (франц. дѣла у Солов. XXVIII, 89-94).

Данія и Англія. Вліяніе Россіи въ Даніи во время министерства Бернсторфа было обезпечено: она согласилась послать въ Швецію субсидію, для совмѣстнаго дѣйствія противъ французскаго вліянія и, не обращая вниманія на угрозы Франціи, вооружала свой флотъ. И здѣсь опасались расширенія владѣній короля прусскаго до Балтійскаго моря и потому совѣтовали вознаградить его за союзъ внутри, хотя бы на счетъ Польши. Впрочемъ придворныя интриги въ Копенгагенѣ, при молодости короля, значительно парализировали вліяніе русской политики. Хлопоты же русскаго посла Остермана въ Швеціи по прежнему стоили громадныхъ издержекъ: чтобы удержать движеніе въ пользу перемѣны конституціи и военныхъ приготовленій, онъ долженъ былъ въ короткое время издержать 450,000 талер. и потребовалъ еще 150,000. Уже въ это время обозначилось стремленіе наслѣднаго принца Густава, при содѣйствіи

крестьянъ, обезпечить права королевской власти. Но въ Лондонѣ никакъ не удалось склонить къ содѣйствію русской политикѣ въ Швеціи; не могли помочь этому и указанія гр. Чернышева на возможность для Англіи, при помощи русскаго флота, пріобрѣсть какое нибудь владѣніе въ Архипелагѣ, уничтожить французскую торговлю въ Левантѣ и получить помощь въ войнѣ съ Франціей. Когда же Каскартъ сообщилъ своему министерству о существованіи въ Петербургѣ проекта — образованія изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ государствъ, для огражденія отъ Турціи, а изъ Финляндіи независимаго великаго герцогства, для огражденія отъ Швеціи, то Рошфоръ отвѣчалъ, что такой планъ не свидѣтельствуетъ объ умѣренности и нежеланіи петербургскаго двора расширять границы Россіи, такъ какъ эти независимыя государства будутъ въ зависимости отъ Россіи. Рошфоръ совѣтовалъ даже Каскарту не очень увлекаться привлекательными свойствами императрицы, а скорѣе даже предполагать въ ея дѣйствіяхъ значительную долю честолюбія (Сборн. XII, 460. Рус. Арх. 1871 г. дѣла англ. у Солов. XXVIII, 100-103).

Турція. Причины неудачъ турокъ были очевидны. Медленность въ дѣйствіяхъ, неудавшіяся надежды на соединеніе съ общимъ движеніемъ конфедератовъ и заготовленіе или вспомогательныхъ средствъ, которыхъ не оказалось, наконецъ недостатокъ организаціи громадной арміи. Но о мирѣ со стороны Турціи не было и помину. Она, напротивъ того, готовилась скорѣе возвратить Молдавію.

Состояніе русскаго войска. Численность русскихъ войскъ уступала турецкимъ, а войска кромѣ того

Прутъ. Затѣмъ турки потерпѣли новое пораженіе при Бухарестѣ (въ полов. янв.), но русскимъ не удалось овладѣть Браиловомъ, отличавшимся хорошими укрѣпленіями. Тѣмъ не менѣе въ началѣ февраля, послѣ продолжительной осады, русскія войска (ген. Залѣтина и Штофельна) овладѣли Журжею (съ 16,000 войска), причемъ была захвачена богатая добыча, а городъ выжженъ до тла. Затѣмъ все пространство по Дунаю, отъ Прута до Ольты на протяженіи 250 верстъ было совершенно опустошено и сожжено 143 турецкихъ селенія. Весь убытокъ турокъ здѣсь насчитывали до 3 мил. руб. ассигн. (Петровъ, II, 61). Снова вся страна была приведена къ присягѣ и послано въ Петербургъ донесеніе о ея покорности[1]. Въ тоже время были получены извѣстія, что появленіе русскаго флота навело паническій страхъ на моряхъ и въ Константинополѣ, вслѣдствіи чего султанъ переѣхалъ въ Адріанополь, а жители бѣжали въ горы. Завладѣніе же Журжею привело къ занятію русскими Рущука, Никополя, Турнухая, Силистріи, Мачина. Къ этому присоединилось еще болѣе грозное обстоятельство: вслѣдствіе проливныхъ дождей весною 1770 г. и большаго стеченія населенія открылась въ княжествахъ моровая язва. Но Румянцовъ рѣшился сосредоточить всѣ свои силы на Дунаѣ и перейти далѣе. Въ концѣ апрѣля 1770 г. у Хотина были стянуты всѣ войска, стоявшія въ Польшѣ (до 40,000),

1) Румянцовъ долженъ былъ защищать передъ императрицею Штофельна въ жестокости съ непріятелемъ. Взглядъ Румянцова на этотъ вопросъ, высказанный на основаніи 7 пис.

кромѣ отрядовъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ конфедератовъ. Визирь же успѣлъ собрать до 200,000 войска. Ханъ по прежнему предоставлялъ себя грабежъ тамъ, гдѣ не будетъ арміи, а именно по направленію къ Хотину.[1] Но только въ концѣ мая русскіе могли выйти оттуда и только въ половинѣ іюня снова открылись рѣшительныя дѣйствія на Прутѣ, гдѣ при Рябой могилѣ гр. Румянцовъ нанесъ рѣшительное пораженіе туркамъ и татарамъ, въ которомъ принимали участіе корпуса Потемкина, Гаугра, кн. Репнина; а 7 іюля они же нанесли пораженіе болѣе сильному войску турокъ и татаръ (80,000) на р. Ларгѣ. Тогда вышелъ изъ бездѣйствія самъ визирь, стоявшій все еще за Дунаемъ. Турки сосредоточились на берегахъ р. Кагула (150,000), имѣя въ тылу у себя еще 80,000 татаръ; между тѣмъ русскихъ въ дѣлѣ было всего 17,000. но турки стѣснились въ долину и не воспользовались горными кряжами, доставляющими выгоды противнику. 21 іюля русскіе снова нанесли турецко-татарскому войску сильное пораженіе (турокъ убито было 20,000, русскихъ - 353 и раненыхъ 550 чел.), которое доставило имъ богатую добычу. Румянцовъ за эту побѣду былъ возведенъ въ фельдмаршалы и удостоился лестной похвалы отъ Фридриха II (военная оцѣнка этого сраженія у Петрова, II, 136-39; Солов. XXVIII, 116).

лѣтней и турецкой войны, въ Чтен. М. общ. ист. 1865, II, 34; 82.

1.) Румянцевъ настаивалъ на увеличеніи войскъ, но Екатерина отвѣчала ему: „римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ, а спрашивали только, гдѣ они?"

Когда же татары вступили въ переговоры съ Румянцовымъ, а потомъ Панинымъ о пропускѣ ихъ въ Крымъ, то имъ поставлено было въ условіе - отложиться отъ Турціи и признать покровительство Россіи. Мурзы ногайской и буджакской орды приняли это условіе. Татары были пропущены. Но, прибывъ въ Крымъ, ханъ Капланъ - Гирей потребовалъ въ Константинополѣ 500,000 піастровъ, грозя въ противномъ случаѣ небывалыми событіями. Тогда онъ былъ замѣненъ новымъ ханомъ - Селимъ - Гиреемъ (206 - 208).[1] Вступивъ въ сношенія съ татарами, Екатерина въ перепискѣ съ П. И. Панинымъ уже въ это время ясно высказала свой взглядъ на значеніе Крыма для Россіи. Она указывала, что не прекратить до тѣхъ поръ войны, пока татары не получатъ независимость, которая прекратитъ для турокъ вмѣшательства на полуостровѣ и возможность столкновенія съ Россіей, а съ другой стороны она намѣрена была настаивать на занятіи нѣкоторыхъ крѣпостей (какъ Тамань и Никаль), на свободномъ проходѣ изъ Азовскаго моря въ Черное и на свободномъ доступѣ русскихъ кораблей изъ Средиземнаго моря въ Черное, который дастъ возможность образовать тамъ сильный русскій флотъ (Петровъ, II, 274 - 78. Чт. М. О. И. 1863 г, кн. II; Ср. статью Щебальскаго объ этой перепискѣ, Рус. Вѣстн. кн. XIV).

Дѣйствія русскаго флота. Мы видѣли какое движеніе произошло въ турецкой имперіи при

1) О ханахъ во время турецкой войны. Ар. Гос. Сов. I, указ, стр. XIX.

появленіи русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Пага-Оглы умѣлъ возбудить племя маніотовъ, потомковъ спартанцевъ. Во время покоренія турками Пелопоннеса они храбро отстаивали свою независимость, и съ тѣхъ поръ получили названіе маніотовъ, потому ужасу, какой нанесли они туркамъ. Греки обѣщали содѣйствовать русскимъ въ Пелопоннесѣ. Во главѣ этого движенія стали: Мауро-Микали съ братомъ Іованни и Бенаки, богатѣйшій человѣкъ во всей Греціи, начальникъ города Каламата. Еще до открытія военныхъ дѣйствій въ концѣ 1768 г., братья Орловы, Алексѣй и Ѳедоръ прибыли въ Венецію, подъ видомъ путешественниковъ, и открыли планъ сношенія съ греческими инсургентами. Здѣсь сошлись русскіе агенты, многіе греки, жившіе въ Венеціи и окрестныхъ мѣстностяхъ, явились для переговоровъ. Въ Тосканѣ, на о. Сардиніи и въ Портъ-Магонѣ были сдѣланы заготовленія для русскаго флота.(1) Все было уже приготовлено, когда появился флотъ въ Средиземномъ морѣ. Предпріятіе Екатерины II вызывало смѣхъ и презрѣніе въ ея европейскихъ врагахъ. Шуазель

1.) Дѣятельную помощь въ наборѣ волонтеровъ оказалъ русскимъ графъ Моцениго, потомокъ знаменитой венеціанской фамиліи (православной), владѣтель нѣсколькихъ имѣній на о-вѣ Занте, самъ вступившій въ русскую службу, и подавшій мысль объ учрежденіи въ Россіи училища для греческихъ дѣтей. Но онъ не былъ достаточно вознагражденъ за свои труды и много потерпѣлъ отъ венеціанской республики. Въ послѣдствіи онъ былъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при тосканскомъ дворѣ. Записка о немъ гр. С.Р. Воронцова, Рус. Арх. 1878, III, 413-425. Вор. Арх. т. XVI.

В. Иконниковъ

писалъ Жерару, что предпріятіе это можетъ имѣть столь же несчастный исходъ, какъ романтична сама идея его. По словамъ французскаго агента Тонца[1] турки полагали даже, что Россія вовсе не имѣла флота и что изъ Балтійскаго моря въ Средиземное нѣтъ прохода, хотя еще съ 1732 г. въ Туринѣ былъ изданъ атласъ, представляющій точную карту Европы. Но теперь турки засуетились, созывая воиновъ и подкрѣпленія въ Морею. Между тѣмъ, какъ въ Константинополѣ собирались выступить съ флотомъ, морейскіе греческіе корабли соединились съ русскимъ флотомъ эскадры Спиридова. 20 февраля русскіе пристали къ берегу и вслѣдъ за тѣмъ образовалось два греческихъ легіона. Успѣхъ русскихъ въ Мизитрѣ (въ Спартѣ), Аркадіи, Каломатѣ подняли всю Морею. Здѣсь образовался легіонъ въ 6,000 чел., а въ Эпирѣ и Албаніи въ 24,000. Екатерина хлопотала учредить для Россіи хорошій торговый портъ на континентѣ или еще лучше на одномъ изъ острововъ, который она хотѣла поставить при будущихъ переговорахъ. Вездѣ турокъ истребляли не щадя ни возраста, ни половъ, а также все, что ни попадалось на пути. Но дѣйствія подъ Короною были неудачны, а между тѣмъ 12 апр. другая эскадра овладѣла Наваріномъ. Въ тоже время жители Занта, Корфу и Кефалоніи напали на Патросъ и послѣ продолжительной осады (20 дней) уничтожили этотъ городъ. Македонскіе же греки проникли черезъ Коринѳскій перешеекъ въ Морею, несмотря на противодѣйствія турокъ. Только

1) Онъ издалъ: Histoire de la guerre de Russes contre les Turcs P. 1777. 2 к. Извлеченіе изъ нея въ рус. переводѣ въ Киевск. Унив. Извѣст. 1873 г.

подъ Триполицею греки потерпѣли пораженіе отъ Мусина-Заде. Совѣтъ, собранный гр. Орловымъ въ Наварінѣ, рѣшилъ отправить флотъ для овладѣнія Модоною; начальникомъ этой экспедиціи (сухопутной) былъ назначенъ кн. Долгоруковъ (800 грековъ, 100 албанц., 500 рус.); съ другой стороны крѣпость осадили русскіе корабли (подъ начальствомъ Ѳ. Орлова). На пути къ Модонѣ турки Мусина страшно опустошили страну. Они заставили русскихъ отступить отъ Модоны и очистить Наварінъ, причемъ Орловъ распорядился взорвать крѣпость. Страшныя неистовства грековъ надъ турками послѣ успѣха и трусость ихъ при неудачѣ, заставили Орлова сдѣлать суровый приговоръ объ ихъ качествахъ вообще (Запг. Ѳеогр. Департ. VII, 242-54; Солов. XXVIII, 128-29), который безъ сомнѣнія отразился и въ извѣстныхъ отзывахъ Екатерины Вольтеру о современныхъ грекахъ, но которые, конечно, страдаютъ преувеличенностью (см. выше лекцію 11). Возстаніе все таки возрастало; 5,000 македонянъ обложили Коринѳъ и прерѣзали сообщеніе туркамъ. Вслѣдъ затѣмъ 12,000 грековъ, подъ начальствомъ Метаксы и Макрозанте, завлекли турокъ въ горы и почти совсѣмъ уничтожили ихъ, а сами заняли крѣпость Арту и другія укрѣпленныя мѣста. Такимъ образомъ, вся Морея была въ рукахъ грековъ.

27 мая началась битва у Эльфинстона съ Гассанъ-бесмъ, вышедшимъ съ флотомъ изъ Константинополя. Разбитые при Спеціи турки отступили въ Наполи-ди-Романія. Предоставивъ Дарданеллы собственной защитѣ, турки двинулись къ берегамъ М. Азіи; но русскій соединенный флотъ успѣлъ расположиться въ выгодной позиціи при Чесмѣ на Анатолійскомъ

берегу[1] и здѣсь, 24 іюня, вступилъ въ бой съ турками. Въ этой битвѣ участвовали оба Орловы, Спиридовъ, Эльфинстонъ, Грейгъ. Но это дѣло не обошлось безъ печальныхъ послѣдствій. Русскій корабль Евстафій сцѣпился съ однимъ турецкимъ кораблемъ и между ними началася отчаянный рукопашный бой, причемъ загорѣвшаяся гротъ-мачта турецкаго корабля упала на русскій корабль, а искры, посыпавшіяся отъ нея, взорвали на воздухъ послѣдній, а за нимъ взлетѣлъ на воздухъ и турецкій корабль. На Евстафіи погибло 628 чел. экипажа и въ томъ числѣ 30 офицеровъ. Спиридовъ и О. Орловъ успѣли уѣхать съ своего корабля. Послѣ этого на военномъ совѣтѣ рѣшено было сжечь весь турецкій флотъ, состоявшій изъ 15 большихъ кораблей, 6 фрегатовъ и множества мелкихъ судовъ (всего до 100); это рѣшеніе было приведено въ исполненіе ночью на 26 іюня: сгорѣло 15 кораблей, 6 фрегатовъ, 50 мелкихъ судовъ; вода покрылась золою, кровью, трупами и обломками кораблей. Изъ 16,000 человѣкъ, бывшихъ на турецкомъ флотѣ, погибло 13,000 ч.

За побѣду подъ Чесмою гр. Ал. Орловъ получилъ титулъ Чесменскаго, чинъ генералъ-аншефа и 100,000 р., Фед. Орловъ 50,000 р., Спиридовъ 2,500 душъ мужескаго пола, военные ордена; кораблямъ участвовавшимъ въ битвѣ, выдано 200 тыс. р. Узнавъ объ исходѣ битвы, турки истребили христіанъ въ Смирнѣ, за что гр. Орловъ хотѣлъ покарать городъ, но его успѣли умилостивить европейскіе консулы (Сборн. I, 81). Вслѣдъ затѣмъ, хотя флотъ и оставилъ осаду о. Лемноса, но острова Архипелага

1.) Незначительный портовый городъ у западнаго берега Мал. Азіи, насупротивъ Хіоса.

признали власть Россіи. Въ іюлѣ 1770 г. Екатерина выслала для подкрѣпленія новую эскадру подъ начальствомъ контръ-адмирала Арфу (приглашеннаго изъ датской службы) съ 2,500 чел. экипажа. Въ ноябрѣ русскій флотъ стоялъ у о. Пароса, а турки должны были уйти въ Дарданелы. Графъ же Орловъ (вмѣстѣ съ братомъ) уѣхалъ въ Ливорно, а оттуда въ Петербургъ пожинать лавры своихъ побѣдъ. „Русскіе, говорилъ онъ не воевали, а пировали въ Архипелагѣ". (Петровъ II, 360–391; біогр. Орловыхъ, Рус. Арх 1877 г. и Б. Каменскій. Матеріалы о морейской экспед. Сборн. рус. ист. общ. I, Рус. Арх., 1876, II; 1878, III и 1880 III – переписка гр. Н. И. Панина съ А. Г. Орловымъ; О сожженіи турец. флота при Чесмѣ. Рус. достопамят. № II; этиз. изъ турец. комп. времен. моск. общ. ист. XIX. Переписка Румянцова съ Панинымъ Сборн. Р. И. О. IX; Архивъ Рум. Задун. въ Чтен. моск. общ. ист. Первая мысль о морейск. экспед. гр. А. Г. Орлова, Л. Майкова. Памятн. Нов. рус. ист. I). Орловъ передалъ начальство надъ флотомъ Спиридову и выразилъ свое неудовольствіе противъ Эльфинстона, который соперничалъ подъ Чесмою съ Спиридовымъ и произвольно оставилъ свой постъ у Дарданелъ. За это онъ былъ преданъ военному суду, который обвинилъ его кромѣ того въ потерѣ корабля „Святославъ" и неполной сдачѣ ввѣренныхъ ему суммъ. Но Екатерина велѣла прекратить это дѣло, чтобы не вызвать несогласія съ англійскимъ дворомъ и ограничилась тѣмъ, что онъ оставилъ службу. Впрочемъ въ 1773 г. онъ грозилъ уже изъ Лондона русскому правительству открыть всѣ наставленія, какія давались ему; уг-

ба совѣтъ признанъ за лучшее скорѣе удовлетворить его. (по госуд. арх. Солов. XXVIII, 139, примѣч. 103).

Екатерина мечтала уже о взятіи Дарданеллъ (Сборн. II, 61); но покореніе островъ Архипелага потребовало слишкомъ много времени и когда русскій флотъ появился въ Дарданеллахъ, то застаналъ ихъ на столько укрѣпленными (барон. Тоутомъ), что долженъ былъ отступить. Архипелагская экспедиція стоила около 1,900,000 (Сбор. I, 29 и д).[1]

Дѣла за Кавказомъ. Дѣйствія русскаго отряда въ Закавказьѣ не привели къ существеннымъ результатамъ. Походъ Тотлебена съ царемъ Ираклиемъ къ Ахалцыху оказался безполезнымъ, такъ какъ грузины не хотѣли помогать ему; вспомогательное войско, шедшее къ нему изъ Моздока, они не пропускали. Тотлебенъ грозилъ идти на Тифлисъ и захватить Ираклія. Съ царемъ Соломономъ шли также безполезныя пререканія. Къ тому же у Тотлебена возникло весьма непріятное столкновеніе съ волонтеромъ-подполковникомъ Чоглоковымъ, который, пользуясь покровительствомъ двора, не считалъ нужнымъ подчиняться Тотлебену, велъ безпорядочную жизнь съ

1.) Занимая греческіе острова, Спиридовъ сдѣлалъ распоряженіе о сохраненіи древностей и доставленіи замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ въ Петербургъ (Ср. письмо его къ жителямъ острова Сироса отъ 25 янв. 1772 г. Рус. Арх. 1878 г., II, 116). Благодаря этому Спб. акад. художествъ пріобрѣла много мраморныхъ обломковъ древнихъ статуй и барельефовъ

грузинскими князьями и вступилъ въ сношеніе съ царемъ Ираклиемъ. Поэтому императрица велѣла произвести слѣдствіе по этимъ дѣламъ и смѣнить Тотлебена (Сборн. X, 441-442, дѣла М. Арх. иностр. дѣлъ у Солов. XXVIII, 141-143. Арх. Гос. Сов. I, 299, 342)[1].

Дипломатія. Роль Фридриха II. Свиданіе его съ Іосифомъ II въ Нейштадтѣ. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ желали воспользоваться результатами чесменской и кагульской битвъ и потому въ совѣтѣ 12 авг. гр. Г. Орловъ предложилъ отправить въ армію довѣренное лицо, которое было бы уполномочено завязать сношенія съ визиремъ, чтобы избѣжать вмѣшательства иностранныхъ дер-

---

(П. Каменскій, Біогр. Словарь, V, 89).

1). Наумъ Чоглоковъ былъ сынъ М.С. Чоглоковой, урожд. гр. Гендриковой, двоюродной сестры императрицы Елисаветы. За всѣ свои дѣйствія онъ былъ судимъ въ Казани вмѣстѣ съ княз. Ратіевымъ и другими лицами и 22 апр. 1771 г. сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ не поладилъ съ губерн. Чичеринымъ („Я былъ молодъ, онъ же старъ и ревнивъ", объяснялъ потомъ Чоглоковъ) и потому переведенъ въ Березовъ. Уже при импер. Павлѣ ему позволено было переселиться въ Новгородъ. Оба его брата также печально кончили жизнь. Младшій изъ нихъ Сам. Чоглоковъ, имѣя всего 15 лѣтъ, отзывался неуважительно объ императрицѣ и даже хвалился умертвить ее, за что былъ сосланъ въ сибирскіе полки, но за буйство, разжалованъ въ солдаты и умеръ въ Туруханскѣ, въ 1732 г. Сборникъ, т. X, 441, примѣч. Полянской рус. исторіи, III, 323-334.

жавъ. Совѣтъ согласился съ этимъ, но поставилъ въ условие предварительное занятие Бендеръ. Въ такомъ смыслѣ были даны инструкціи Румянцову (Арх. госуд. Сов. I, 52 и в.). Но западные друзья также не дремали.

Фридрихъ II бѣйствовалъ въ прежнемъ духѣ: онъ указывалъ русскому двору на утвержденіе австро-французскаго союза вслѣдствіе брака дофина Франціи съ Маріею Антуанетою, дочерью Маріи Тереви, и на возможность столкновенія съ Австріею, если русскіе пожелаютъ удержать за собою Молдавію и Валахію и предлагалъ посредничество въ переговорахъ съ Портою. Его не отвергали совсѣмъ, но дали уклончивый отвѣтъ и поставили непремѣннымъ условіемъ - освобожденіе Обрѣзкова. Въ своихъ же мемуарахъ онъ по прежнему говоритъ, что хотѣлъ извлечь изъ цепѣховъ Россіи пользу для себя. Теперь онъ поручаетъ Сольмсу употребить въ дѣло выдуманный проектъ гр. Линара о надѣлѣ землями Польши - Австріи, Пруссіи и Россіи, подъ условіемъ общаго бѣйствія противъ турокъ. Но Панинъ не поддался на эту удочку: онъ отвѣчалъ, что, если уже соединиться трем державамъ, то для того, чтобы выгнать турокъ изъ Европы; тогда Австрія можетъ взять назадъ Силезію (чего такъ боялся Фридрихъ), Пруссія - Польскую Пруссію и Вармію, а Россія можетъ взять нѣсколько пограничныхъ областей. При этомъ Константинополь и другія области, оставшіяся за османами, могли бы образовать республику. Но Фридрихъ не былъ склоненъ теперь на рискованныя предпріятія;

онъ самъ говоритъ, что предпочиталъ вести свое дѣло путемъ переговоровъ. Вопросъ о раздѣлѣ Польши имѣетъ свою исторію. Брандебургскій курфирстъ Фридрихъ I становится королемъ, отнявъ восточную Пруссію у Польши, а потомъ не разъ предлагаетъ сосѣднимъ державамъ воспользоваться землями съ тѣмъ, чтобы ему досталась остальная часть польской Пруссіи. Курфирсты саксонскіе мечтаютъ о присоединеніи нѣкоторыхъ земель Польши къ своимъ коронымъ владѣніямъ. Августъ II хлопочетъ о томъ въ Берлинѣ, чтобы возвратить себѣ польскую корону, а оттуда ему предлагаютъ планъ раздѣла, которымъ должны воспользоваться и всѣ другія сосѣдняя державы. Потомъ оба они предлагали Петру В. этотъ планъ, но онъ отказался (Солов. XVII, 373; XVIII, 109; Дройзенъ, I, 287–350). По смерти Августа II, при замѣщеніи польскаго престола, снова идетъ рѣчь о раздѣлѣ Польши между Австріей, Пруссіей и Россіей (св. XX, 32). Въ сношеніяхъ Петра III съ Фридрихомъ II также шли переговоры объ этомъ.[1] По смерти Августа III

1) Секретныя статьи договора, состоявшагося между ними, подготовили уже почву для рѣшенія этого вопроса при Екатеринѣ II. Судя по редакціи договора, онъ былъ составленъ внѣ дипломатической канцеляріи (см. 1-й выпускъ, 47–50). Еще въ 1758 г. совѣтникъ саксонскаго посольства доносилъ о дѣйствіяхъ Чарторыйскаго и Понятовскаго въ Петербургѣ, указывающихъ

во Франціи толковали, что въ этомъ вопросѣ можетъ принять участіе даже Турція и не придавали тогда особеннаго значенія ему (св. XXV, 334). Въ Австріи его допускали подъ условіемъ возвращенія Силезіи. Саксонія же, въ случаѣ дѣленія, хотѣла сохранить за собою королевскій титулъ и часть польскихъ владѣній, но Марія Терезія отозвалась тогда неблагосклонно объ этомъ. Защитникомъ раздѣла Польши въ Россіи былъ гр. З. Г. Чернышевъ, предложившій его еще конференціи (XXV, 314), но эта мысль была тогда отклонена. Предложеніе Франціи Фридриху и свиданіе его съ Іосифомъ II поддерживали въ немъ тѣ же идеи. Потомъ такія же внушенія сталъ дѣлать Шуазель и австрійскій представитель во Франціи Мерси д'Аржанто (Арнетъ, 570). Реши Ахмедъ Эфенди (бывшій потомъ Рейсъ-эфенди - мин. ин. дѣлъ) говорилъ о томъ же съ Тугутомъ въ Константинополѣ (Бееръ, Перв. раздѣлъ, I, 311).[1] Въ это время Фри-

---

на обширные планы, и Бестужевъ, какъ извѣстно, противился возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ, какъ приверженца короля прусскаго. По донесеніямъ же датскаго посланника Остгена (въ 1765 г.) Фридрихъ II заранѣе подготовилъ почву для рѣшенія вопроса о польскомъ престолѣ въ пользу Понятовскаго (18 Вѣкъ, 203-204).

1.). Онъ сопровождалъ визирей въ походахъ и живо разсказалъ виѳѣнское, причемъ не скрываетъ недостатковъ турокъ („Сокъ достопримѣчательнаго" въ Библ. для Чтенія 1852 и 1854, а также въ Сочин. Сенковскаго, т. II. Ср. Москвит.

дрихомъ овладѣла безпредѣльная боязнь Россіи. „Россія - это страшное могущество, отъ котораго черезъ полъ-вѣка будетъ трепетать вся Европа, писалъ онъ брату. Происходя отъ гунновъ и гепидовъ, которые сокрушили восточную имперію, русскіе могутъ очень скоро напасть на западъ и заставятъ австрійцевъ страдать и раскаяваться въ томъ, что, по своей ложной политикѣ, они призвали этотъ варварскій народъ въ Германію и научили его военному искусству" и пр. Генрихъ поддерживалъ его въ этой идеѣ, заявляя ему что близко уже время, когда онъ раздѣлитъ власть въ Германіи вмѣстѣ съ императоромъ, по примѣру Антонія и Октавія (Солов. XXVIII, 150-152). Фридрихъ, чтобы отвлечь вниманіе Австріи отъ Силезіи, поддерживаетъ въ молодомъ императорѣ стремленіе къ округленію его владѣній даже на счетъ Баваріи, Италіи, Франціи (въ Эльзасъ и Лотарингіи). Понятно, что Австрія, руководимая Кауницемъ, не могла равнодушно смотрѣть на предполагаемыя пріобрѣтенія Фридриха и Екатерины: она также заявляетъ желаніе получить из-

---

1855, № 17-18.

Кромѣ того, объ этой войнѣ оставили воспоминанія иностранцы: Генкель фонъ-Доннермаркъ, прусскій волонтеръ (его Militärischer Nachlass, t. II), датскій подполковъ. Фалькенскіольдъ, участвовавшій въ сраженіи при Ларгѣ (Mémoires, Paris 1826), французск. писатель Керали, по свѣдѣніямъ, сообщ. Орловымъ (Mém. sur les Turcs et Tartars. P. 1785, 2 v.) и баронъ Тотти (см. выше)

вѣстную долю въ Турціи и Польшѣ.[1] Но престарѣлая Марія Терезія никакъ не могла примириться съ совѣстью: она каялась за пролитую въ ея царствованіе кровь; она считала себя теперь союзницею Турціи, но и воевать съ нею противъ Россіи не рѣшалась по религіознымъ причинамъ; она не хотѣла обижать и католическую Польшу. Она не хотѣла сначала допустить даже свиданія Іосифа съ Фридрихомъ; но обстоятельства заставили уступить, а въ сент. 1770 г. онъ имѣлъ уже второе свиданіе съ нимъ въ Нейштадтѣ (въ Моравіи), при которомъ присутствовалъ и Кауницъ. Здѣсь обѣ державы опять пришли къ соглашенію относительно удержанія Россіи отъ дальнѣйшихъ завоеваній и посредничества въ примиреніи ея съ Турціей. При этомъ были установлены взаимныя отношенія ихъ, какъ относительно сосѣдствія такъ и выгодъ въ ихъ общихъ интересахъ („политическій катехизисъ" Беера. Die Zusammenkünfte Josephs und Friedrichs II, 115). Пользуясь этимъ ручательствомъ, Австрія въ концѣ 1770 г. объявила присоединенными къ Венгріи, заложенныя съ 1412 г. земли: Ципсъ, Новыторгъ, Горстынъ, Толнію и Величку, въ которыхъ уже до этого свиданія стояли австрійскія войска (Бееръ, Первый раздѣлъ, II, 49). Послѣ этого ахча политика захвата въ польскомъ вопросѣ восуор-

---

1). По словамъ Сабатье де Кабра, переговоры по этому предмету велись сначала въ такой тайнѣ, что даже самъ австрійскій посолъ при петербургск. дворѣ, кн. Лобковичъ, не зналъ на-

жествовала. Въ Вѣнѣ думали уже, въ случаѣ движенія русской арміи и флота на Адріанополь и Константинополь, преградить имъ отступленіе и занять сосѣднія области Турціи. Въ это самое время Фридрихъ II снова предлагаетъ свое посредничество въ переговорахъ Россіи съ Турціей и получаетъ такой же отвѣтъ: благодарность за услугу и отказъ отъ посредничества, причемъ опредѣленно выставлены были требованія Россіи: пріобрѣтеніе Азова и Таганрога, свободное плаваніе въ Черномъ морѣ для купеческихъ кораблей, амнистія всѣмъ возставшимъ подданнымъ Порты; независимость татаръ, удержаніе одного изъ острововъ въ Архипелагѣ, независимость Молдавіи и Валахіи и опредѣленіе турецкой границы Дунаемъ (Арх. госуд. Сов. I, 59). Съ своей стороны Фридрихъ настаивалъ уже на ограниченіи диссидентскаго вопроса и усмиреніи конфедератовъ совмѣстно съ Австріею и Пруссіею (Сборн. X, 274). Вездѣ онъ старался дѣйствовать страхомъ: Іосифа онъ убѣждалъ пригрозить Россіи союзомъ съ Франціей, Россію пугалъ приготовленіями Австріи, а брату своему Генриху писалъ даже, что онъ умышленно преувеличиваетъ эти приготовленія и надѣется, что его свиданіе съ Іосифомъ сдѣлаетъ болѣе для успѣха мира, чѣмъ всѣ арміи и флоты въ мірѣ. Теперь (въ окт. 1770 г.) въ Петербургъ отправился самъ гр. Генрихъ, проѣздомъ изъ Орх-

---

стоящей ихъ сущности.

голіма. Онъ былъ невзраченъ по своей наружности; его громадный тупей давалъ право шутливо сравнивать его то съ Самсономъ, то съ кометою; въ обращеніи онъ былъ холоденъ и молчаливъ. Онъ долженъ былъ убѣдить императрицу не переходить черезъ Рубиконъ (Дунай); отклонять отъ тройственнаго союза противъ Турціи (идея Панина) и склонять въ пользу такого же союза противъ Пруссіи. Но въ Петербургѣ толковали прежде всего о мирѣ съ Турціею на извѣстныхъ уже намъ условіяхъ (съ присоединеніемъ къ Россіи Кабарды), которыя привели Фридриха въ ужасъ, о чемъ онъ категорически заявилъ и своему брату и австрійскому посланнику фонъ-Свитгену. Въ заключеніе своей бесѣды онъ сказалъ послѣднему: „Русская императрица значительно улучшила свое государство. Она поставила образцемъ себѣ Петра I, она слѣдуетъ планамъ этого государя; меня увѣряли, что проектъ морской экспедиціи въ Левантъ найденъ между его бумагами". И такъ уже въ то время опасались мнимаго завѣщанія Петра В., о которомъ такъ много толковали въ XIX вѣкѣ. Но въ этомъ мнимомъ ужасѣ король преслѣдовалъ иную цѣль: онъ хотѣлъ во чтобы то ни стало поставить другъ противъ друга Россію и Австрію, которая опасалась соседства Россіи въ Молдавіи и Валахіи (Соловьев. XXVIII, 208). Въ Петербургѣ также не существовало единомыслія на этотъ счетъ. Принцъ Генрихъ писалъ брату, что въ русскомъ совѣтѣ существуетъ пока разногласіе.

допуская вознаграждение Россіи на счетъ Турціи, нѣкоторые члены отвергаютъ подобную постановку на счетъ Польши (Панинъ); другіе, напротивъ, поддерживаютъ послѣдній планъ (З.Г.Чернышевъ). И вотъ уже въ декабрѣ 1770 г. Фридрихъ послѣдовалъ примѣру Австріи и занялъ двумя полками мѣстности по Вартѣ, въ Великой Польшѣ (Беръ, Фридр. II и фонъ-Свитенъ; Солов. 168—177). Вотъ какъ характеризуетъ онъ свою политику въ этотъ періодъ: „Война между Россіей и Турціей перемѣшала всю политическую систему Европы; открылось новое поле для дѣятельности; надобно было не имѣть вовсе никакой ловкости или находиться въ безсмысленномъ оцѣпенѣніи, чтобы не воспользоваться такимъ выгоднымъ случаемъ. Я читалъ прекрасную аллегорію Боярдо; я схватилъ за волосы представлявшійся случай и съ помощью переговоровъ достигъ того, что вознаградилъ свою монархію за прошлыя потери, включивши польскую Пруссію въ число моихъ старинныхъ областей". (Зап. Фридриха, II, 314. Ср. XVIII вѣкъ т. I).

Другія державы. Чтобы удержать Швецію отъ прямаго участія, приходилось посылать Остерману значительныя суммы (50,000; 30,000), но въ тоже время вліяніе Россіи въ Копенгагенѣ поколебалось: Бернсторфъ былъ замѣненъ здѣсь любимцемъ королевы Струензе, а затѣмъ выѣхалъ оттуда и Философовъ. Временно дѣла здѣсь были поручены секретарю посольства Местма

херу, котораго Панинъ считалъ способнымъ для наблюденія за тамошними колобродствами (Соловьевъ XXVIII, 193-202). Попытки союза между Россіей и Англіей также ни къ чему не привели, по причинѣ интересовъ Англіи на Востокѣ и невозможности для Россіи оказать послѣдней дѣятельную помощь въ Америкѣ, или Остъ-Индіи въ случаѣ нападенія Испаніи, или другой какой нибудь державы. И вотъ, будучи недоволенъ исходомъ этого дѣла, Каскартъ рисуетъ мрачную картину состоянія русской администраціи, арміи, финансовъ (Сборн. XIX, 20-167).

Въ совершенно противоположномъ видѣ представляетъ эту картину Екатерина въ своихъ письмахъ къ Вольтеру (Сборн. XIII). Вѣрно, однако, то, что положеніе Панина въ это время сильно колебалось въ Совѣтѣ внушеніями сторонниковъ Орлова, къ которымъ принадлежало большинство, за исключеніемъ Разумовскаго. Во главѣ этой оппозиціи стояли братья Чернышевы (Захаръ и Иванъ, занявшій теперь мѣсто вице-президента адмиралъ-коллегіи и члена въ Совѣтѣ), способные запутать дѣло, но не руководить имъ, по словамъ Каскарта. Такимъ образомъ оружіе снова вступило въ свои права.

Лекція 28.

Дѣйствія конфедератовъ въ 1770 г. Выступая противъ турокъ, Румянцовъ оставилъ въ Польшѣ 10,000 чел. подъ начальствомъ Эссена, которому вѣрялось все пространство отъ Кіева до венгерской границы. Нынѣшнее же царство Польское было занято генераломъ Веймарномъ, въ арміи котораго находился генералъ-маіоръ Суворовъ, стоявшій въ Люблинѣ. И здѣсь было строго организовано шпіонство за дѣйствіями конфедератовъ. Эссену Румянцовъ предписывалъ наиболѣе заботиться о дисциплинѣ арміи и не позволять оскорблять жителей; этотъ пунктъ онъ называетъ: „деликатнымъ" (Петровъ, II, 222).

Пораженія, нанесенныя туркамъ въ 1769 г., какъ громомъ поразили конфедератовъ и потому образованіе конфедерацій въ Литвѣ вовсе не удалось. Здѣсь они были разсѣяны русскими войсками, а затѣмъ туда вступили польскія войска, подъ начальствомъ Чарторійскаго. „Медленность конфедераціи въ Пруссіи, разсѣяніе ихъ въ Литвѣ, безпорядки и распри въ Великой-Польшѣ и странствующій видъ конфедератовъ, представляли неутѣшительную картину", писалъ Шуазель Жерару (Тургенев. рук. въ Гл. Арх.). Прусскія войска наблюдали на границѣ Польши, а когда конфедераты обратились къ Фридриху съ жалобой на нарушеніе правъ Польши, то онъ въ длинномъ отвѣтѣ высказалъ имъ весь вредъ ихъ настоящей политики, принесенной въ жертву мни-

мымъ интересамъ религіи и совѣтовалъ объявить, по примѣру Англіи и Голландіи, вѣротерпимость въ своей странѣ (изъ бумагъ Публичн. библ., 223-24). Король Станиславъ напрасно обращался къ французскому двору за болѣе дѣйствительною помощью, а его безденежье заставляло его выпрашивать подарки у Данцига (10,000 дукат.). Екатерина обѣщала удовлетворить требованія конфедератовъ, но они настаивали прежде на выводѣ русскихъ войскъ. Франція же не дала конфедератамъ надежнаго отвѣта на поддержку и почему въ началѣ 1770 г., послѣ неудачъ турецкой арміи, конфедераты скрылись въ Галиціи и Венгріи. Но весною 1770 г. снова начались стычки съ русскими войсками, въ слѣдствіе которыхъ они не рѣшились, однако, перейти въ Польшу, а задержка прусскихъ рекрутъ, отправленныхъ въ Данцигъ, побудила прусскаго короля взять съ города военную контрибуцію. Обращеніе къ Австріи также не помогло и Марія Терезія поспѣшила заявить, чтобы тамъ уже не думали о сверженіи короля. Россія же воспрепятствовала Данцигу доставлять конфедератамъ порохъ. Уже самые выдающіеся изъ конфедератовъ (братъ Красинскаго, Пацъ) старались сблизиться съ Россіею, какъ Франція прислала для объединенія ихъ силъ извѣстнаго Дюмурье. Онъ преобразовалъ ихъ устройство, стараясь подчинить ихъ общему начальству, уничтожилъ Сѣчитъ чею въ ихъ рѣшеніяхъ; кн. Радзивила и гр. Черни онъ предложилъ отправить въ Константинополь, молодаго Потоцкаго въ Вѣну, а также назначить посла къ принцу Карлу для врученія ему акта о признаніи его кон-

федератами герцогомъ курляндскимъ. Это было въ концѣ сентября (1770 г.). По его ходатайству Шуазель аккредитовалъ ему 300,000 ливр. на расходы. Въ Венгріи онъ закупилъ оружіе; изъ Франціи были вызваны инженеры и офицеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разослалъ вербовщиковъ, чтобы составить армію въ 25 или 30,000 чел., такъ какъ онъ считалъ, что такова сила русскихъ войскъ въ Польшѣ. Въ Мюнхенѣ было куплено 22,000 ружей. Польскіе паны обѣщали выставить солдатъ изъ своихъ крестьянъ; такимъ образомъ Дюмурье разсчитывалъ уже образовать армію въ 60,000 чел. Корпусъ Пулавскаго долженъ былъ дѣйствовать въ Польшѣ, корпусъ Огинскаго — въ Литвѣ, главная же армія — собраться при впаденіи Сана въ Вислу, послѣ чего Огинскій долженъ будетъ двинуться въ Россію по направленію къ Москвѣ, надѣясь на то, что всѣ русскія войска сосредоточатся на югѣ. Дюмурье думалъ заставить Румянцова очистить княжества, а самъ, взявъ Варшаву, свергнуть короля. Шуазель мечталъ уже о совершенномъ переворотѣ въ Польшѣ. Вся зима употреблена была на формированіе арміи, но у самого Дюмурье было пока не болѣе 5,000 чел. (Петровъ, II, 220-245). Въ то же время Суворовъ писалъ, что онъ истомленъ мелкою борьбою съ конфедератами и просился въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. (Рус. Арх. 1867 г.).

<u>Отношенія русскаго правительства къ польскимъ дѣламъ.</u> Что касается до сношеній русскаго правительства съ посломъ въ Варшавѣ, то въ 1770 г. кн. Волконскому прямо предписывалось поддерживать настоящій порядокъ въ Польшѣ и внушалось, что перемѣна

престола можетъ или повредить сѣверной системѣ (если будетъ избранъ саксонскій принцъ), или обнаружить уступчивость русской политики передъ вліяніемъ Франціи. Да и всякій другой Пястъ представлялся еще хуже Понятовскаго. Но когда Франція дала знать о своемъ намѣреніи поддержать Польшу, Понятовскій какъ будто выросъ: онъ сталъ смѣлѣе жаловаться на обманы Репнина и Волконскаго. Но то, что происходило въ польской тайной конференціи, немедленно передавалось русскому послу: такъ самъ великій канцлеръ королевскій Млодзѣевскій получилъ за это отъ русскаго посла 10,000 черв., а когда русскій посолъ выразилъ удивленіе на созваніе новаго сейма въ 1770 г. безъ заявленія русскому правительству, то король уже съ негодованіемъ выразился, что всякій воленъ распоряжаться въ своемъ домѣ, а иначе это значило бы быть въ подданствѣ Россіи. На это Волконскій ему замѣтилъ, что если для поддержанія его на престолѣ стоятъ въ Польшѣ русскіе солдаты, то русскимъ представляется необходимость знать о распоряженіяхъ короля, чтобы не вышло какого нибудь вреда. Между Волконскимъ и королемъ начались пререканія о покровительствѣ королемъ видамъ противниковъ его интересовъ (какъ кн. Любомірскій), но Волконскій не имѣлъ той смѣлости и рѣшительности, которая давала такую силу Репнину. Самъ Панинъ думалъ предоставить теченіе дѣлъ собственной ихъ безпутности, которая должна была привести ихъ къ необходимому перелому. Волконскій сталъ проситься объ отозваніи его, но ему позволено только отправиться на воды. Временно мѣсто его занялъ Веймарнъ. Но, по возвращеніи

его въ Варшаву осенью 1770 г., дѣла нисколько не измѣнились и онъ былъ замѣненъ Сальдерномъ (Солов. Ист. пад Польши, 110-114; донес. Волкон. Вѣстн. Евр. 1868, №11 и 12 и 1870 г. № 7; ист. Россіи, Солов. XXVIII, 102-132).

Планъ и дѣйствіи Румянцова въ 1771 году.

Въ 1771 г. дѣйствія турокъ представлялись Румянцову возможными со стороны Валахіи, или въ видѣ высадки на Черномъ морѣ и опустошеній южной Россіи; или, наконецъ, съ цѣлью воспрепятствовать переходу русскихъ за Дунай, въ предѣлахъ между Серетомъ и Прутомъ, а потому Румянцовъ поручилъ защиту и дѣйствія со стороны Валахіи — Олицу, со стороны Чернаго моря — Вейсману, а самъ занялъ среднюю позицію

Въ это время турки укрѣпили Журжу и Видинъ, противъ которыхъ попытки Олица долго не удавались. Такъ прошелъ январь и значительная часть февраля. Въ Журжѣ было 10,000 турокъ гарнизона въ томъ числѣ до 100 конфедератовъ, посланныхъ Потоцкимъ; но 21 февраля Журжа была взята (Петровъ, III, 1-16). Въ тоже время Румянцовъ успѣлъ уже завести значительную галерную флотилію на Дунаѣ, дававшую возможность производить поиски по этой рѣкѣ (17-23), благодаря чему генер. Вейсману удалось отбить непріятеля подъ Тульчею, Исакчею (25-50) и въ Банатѣ (дѣйствія Потемкина и Гудовича, 51-58). Теперь турки сдѣлали необходимыя улучшенія въ своемъ войскѣ и флотѣ (при помощи французск. офицеровъ). Съ другой стороны, претерпѣвая послѣднія неудачи въ полѣ, они, продолжая обороняться в

Бендерахъ, рѣшились укрѣпить крѣпости и принять этотъ способъ дѣйствій. Очаковъ, Варна, Исакчи, Мачинъ, Гирсова, Силистрія, Никополь, Журно, Рущукъ Тульча, Видинъ - были усилены, а также устроены хлѣбные магазины. Войска крымскаго хана должны были собраться въ Бабадагъ, турецкія - возлѣ Варны. Всего войска въ распоряженіи визиря было до 160,000, не считая татаръ (7,000). Русскія войска, состоявшія подъ начальствомъ Румянцова, Репнина и Вейсмана простирались до 45,000 (въ Польшѣ находилось 3000 чел. Петровъ, III, 56-63 и Арх. Госуд. Совѣта I). Замѣтивъ что турки вывели изъ Рущука и Силистріи свои силы и двинулись къ Бухаресту, Репнинъ приблизился къ Журжѣ, которую намѣревались осадить турки, въ концѣ мая. Въ Журжѣ русскій гарнизонъ былъ около 700 чел., а осаждающихся турокъ 14,000. Не надѣясь на подкрѣпленіе, 1 іюня русскіе сдались. За это весь гарнизонъ былъ преданъ военному суду, многіе приговорены къ смерти, но этотъ приговоръ, по ходатайству Румянцова, замѣненъ былъ лишеніемъ чиновъ. Послѣднее обстоятельство побудило Румянцова стянуть свои войска въ этой мѣстности. Въ тоже время мѣсто Олица занялъ кн. Репнинъ; но 17½ тыс. войска въ Валахіи было недостаточно для удержанія края при значительныхъ силахъ турокъ, лучше организованныхъ, чѣмъ прежде. Притомъ отрядъ Потемкина, дѣйствовавшій за Дунаемъ, ходилъ чуть не голымъ и босымъ; въ артиллеріи также обнаружился полный недостатокъ. Самъ Румянцевъ имѣлъ всего 23,000 чел., а въ Бессара-

бы стояло до 54,000. Турки имѣли болѣе чѣмъ вдвое силъ. Въ тоже время въ Валахіи стало усиливаться вліяніе турецкихъ эмиссаровъ, увѣрявшихъ, что начнутся переговоры о мирѣ и о передачѣ снова этой страны въ руки турокъ.

Тогда Румянцовъ рѣшился сдѣлать общее движеніе на турокъ. Въ половинѣ іюня Вейсманъ и Озеровъ переправились черезъ Дунай и владѣли Тульчею (109). Но дѣйствія русскихъ подъ Журжею были опять неудачны. Запорожцы безпокоили турокъ по Дунаю; но послѣдніе видимо желали достигнуть Бухареста. Румянцовъ въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ признавалъ даже, что отсрочка и время пріучили турокъ къ настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ (III, 149). Уже во второй половинѣ октября русскимъ удалось разбить турокъ подъ Бухарестомъ (кн. Долгоруковъ, Ингельстромъ, Гудовичъ, полк. Панинъ, Эссенъ), преслѣдовать турокъ до Журжи и овладѣть послѣднею, причемъ русскимъ достался весь лагерь съ богатою ставкою паши, 30 пушекъ и большой обозъ (155), а въ Журжѣ 50 пушекъ и большіе запасы хлѣба и скота. Этими побѣдами были уничтожены прежнія опасенія на счетъ предпріятій противника со стороны средняго и верхняго Дуная. Въ это же самое время турки понесли рѣшительное пораженіе со стороны Вейсмана и на нижнемъ Дунаѣ.

Въ октябрѣ онъ занялъ уже Тульчу и Гирсовъ, причемъ были взяты большіе запасы и артиллерія. Также участь постигла Мачинъ, Гирсовъ,

Исачку (155–169); множество мѣдныхъ орудій, доставшихся русскимъ, побудило Румянцова перелить ихъ въ монету, которая должна была ходить въ княжествахъ. Конфедераты Потоцкаго, видя безвыходность турецкой арміи, которая бѣжала послѣ Кобадага съ визиремъ, перешли съ 300 чел. въ австрійскія владѣнія. Послѣ этого русскія войска расположились на зимнія квартиры. Только въ Краіовѣ, Турно, Видинѣ, Силистріи остались небольшіе турецкіе отряды (169–173).

Дѣйствія въ Крыму и на Кавказѣ. Мы видѣли, что въ концѣ 1770 г. двѣ орды отложились отъ турокъ и приняли покровительство Россіи двѣ другія заявили свое согласіе на тоже (Джамбулукскіе и едичкульскіе татары), но крымскіе татары оставались вѣрны туркамъ. Гр. Панинъ грозилъ имъ полнымъ разрушеніемъ и опустошеніемъ, если они не послѣдуютъ примѣру первыхъ. Теперь 2ая армія, состоявшая подъ начальствомъ кн. Вас. Мих. Долгорукова, выдвинутаго гр. Чернышевымъ, получила назначеніе заняться покореніемъ Крыма. Днѣпръ и Донъ должны были обезпечить содержаніе и дѣйствія этой арміи. Дѣйствія въ Азовскомъ морѣ поручены были вице-адмиралу Сенявину, флотилія котораго была теперь уже образована. Главный отрядъ, подъ начальствомъ Долгорукова, долженъ былъ овладѣть Перекопомъ, Кафою, кн. Щербатовъ – Керчью, Еникале, а Броунъ – Евпаторіею (Козловомъ). Въ апрѣлѣ 1771 г. эти войска вышли уже изъ Полтавы. Въ половинѣ іюня Долгорукій занялъ

Перекопъ, укрѣпленія котораго были очень слабы. Самъ ханъ (Селимъ-Гирей) находился при визирѣ и не позаботился объ участи Крыма. Турецкій отрядъ, высланный подъ начальствомъ Абаза-паши, узнавъ о занятіи Перекопа Долгоруковымъ а кн. Щербатовымъ Керчи и Еникале, не смотря на численность бывшихъ тамъ войскъ Ибрагима-паши (10,000), не рѣшился высадиться, за что Абаза былъ казненъ. Но Долгоруковъ приближался уже къ Кафѣ, куда явился и Ибрагимъ. — Въ полѣ войска послѣдняго были разбиты, Кафа же, плохо укрѣпленная, была занята безъ сопротивленія 22 іюня. Тогда турки и татары, бывшіе въ Крыму, рѣшились напасть на Брауна (ихъ было 60,000) но они были отбиты и разсѣяны по всему полуострову. Послѣ этого Азовская флотилія вступила въ Черное море. Ялта, Балаклава, Бахчисарай, Судакъ были заняты русскими. Окончательное покореніе Крыма было ввѣрено кн. Щербатову, а Долгоруковъ выступилъ въ Украину. Кн. Прозоровскій расположился съ своими войсками въ Азовѣ, Таганрогѣ, крѣпости св. Дмитрія и др. Остатокъ же войскъ Долгорукова назначенъ былъ въ Польшу. Ханъ первый явился съ извѣстіемъ о потерѣ Крыма въ Константинополь, но онъ не былъ допущенъ къ султану, а затѣмъ были созваны мурзы и старшины, для избранія новаго хана; прежній былъ сосланъ, избранный же на его мѣсто Сагибъ-Гирей долженъ былъ довольствоваться именемъ хана и шубой, кото-

рую обыкновенно дарилъ султанъ новому хану.[1]
Смѣнивъ хана, султанъ лишилъ лишилъ званія визиря Магометъ-пашу и возвелъ въ это званіе мнимаго покорителя Мореи Мусина-Оглу, но и онъ оказался плохою опорою турокъ подъ Бухарестомъ. Новый ханъ попытался было произвести возмущеніе на Кавказѣ, но это ему не удалось. Отрядъ, дѣйствовавшій тамъ подъ начальствомъ Тотлебена, въ іюлѣ покорилъ Грузію, Имеретію, Мингрелію и Гурію, а также занялъ почти всѣ турецкія крѣпости до Требизонда (-132).

Русскій флотъ въ 1771 году. По пріѣздѣ въ Петербургъ, гр. А. Орловъ участвовалъ въ Совѣтѣ при обсужденіи вопроса объ условіяхъ мира, причемъ высказался противъ пріобрѣтенія для Россіи одного изъ острововъ въ Архипелагѣ, такъ какъ это можетъ затянуть переговоры. Спиридовъ, напротивъ, въ своихъ донесеніяхъ настаивалъ на удержаніи во власти Россіи о. Пароса, но съ тѣмъ, чтобы выгодно продать его французамъ или англичанамъ (Солов. XXVIII, 236-38)

---

1). Русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при ханѣ назначенъ былъ П. П. Веселицкій, отлично знавшій восточные языки. Онъ служилъ при Кіевск. генер. губернаторѣ (Арх. Румянц. Чтен. М. общ ист. 1865, I, 221, 235). Для переговоровъ же о положеніи Крыма былъ отправленъ посломъ самъ калга (ханскій намѣстникъ у крымскихъ татаръ, всегда избиравшійся изъ царствовавшаго тамъ дома Гиреевъ) – Шагинъ-Гирей, заявившій свою преданность Россіи. Впрочемъ, и въ Петербургѣ, и на пути, онъ велъ себя крайне заносчиво: требовалъ даже чер-

Что касается русскаго флота, то онъ въ теченіе зимы и весны 1771 г. крейсировалъ въ Архипелагѣ и захватилъ до 40 турецкихъ призовъ, а лѣтомъ вошелъ (подъ начальствомъ Спиридова) въ Дарданеллы, куда пріѣхалъ и Орловъ, постаравшійся на первыхъ несколькихъ уволить и другаго наемнаго контръ-адмирала-Арфу. Затѣмъ дѣйствія флота заключались въ овладѣніи береговыхъ гаваней, хлѣбныхъ запасовъ, турецкихъ торговыхъ кораблей и занятіи острововъ Негропонта и Метелино (Петровъ, 278-98). Въ концѣ ноября Орловъ снова уѣхалъ въ Ливорно.

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Между тѣмъ и конфедераты питали большія надежды въ началѣ 1771 г. Вездѣ шла вербовка и заказы оружія[1]. Въ Венгріи, Австріи и Пруссіи набирали волонтеровъ. Самъ Дюму-

---

ваго визита отъ гр. Н. И. Панина. Въ Петербургѣ онъ держалъ себя по европейски, бывалъ на всѣхъ торжествахъ и увеселеніяхъ, ѣздилъ въ спольный институтъ (Солов. XXVIII, 223-32). Екатерина въ патетическихъ выраженіяхъ описываетъ Белькe „крымскаго льва", который однако дорого стоилъ рус. казнѣ (по 100 р. въ день и подарки деньгами, шубами т. п. чв 348-49) и все таки не могъ перемѣнить враждѣ крымскихъ татаръ къ Россіи (345-47). Сп. ниже о немъ въ Арх. Госуд. Сов. т. I и II по указателю и Сборн. XIII, 201, 227. Не смотря на щедрые подарки, Шагинъ надѣлалъ множество долговъ, между тѣмъ какъ на суммы его отпускало 2,500 лошадей, а содержаніе каждой изъ нихъ стоило крестьянамъ 25-30 к. въ день. Рус. Вѣстн. 1865, №2, 673-674.

1). Небольшія конфедераціи собирались по ночамъ въ какомъ

рье не пользовался сочувствіемъ конфедератовъ, какъ по молодости своей, такъ и по слишкомъ критическому отношенію къ ихъ положенію. Поэтому они охотно приняли въ свои предводители рекомендуемаго Дюмурье принца Карла, который обѣщалъ выставить саксонскій легіонъ, а самъ расчитывалъ возвратить Курляндію. Но у конфедератовъ, вмѣсто 60,000 войска, оказалось всего 10,000. И въ отношеніяхъ Франціи произошла перемѣна. Встрѣчая нападенія на свою политику за вмѣшательство въ дѣла Польши, Шуазель писалъ уже Дюмурье, чтобы онъ не компрометировалъ (бы) болѣе Франціи и оставилъ поляковъ на произволъ судьбы (Петровъ, III, 194). Дюмурье не объявилъ однако объ этомъ. Но конфедераты провозгласили уже низверженіе короля, а послѣдній, желая заявить свое сочувствіе общему дѣлу, объявилъ себя главою конфедератовъ, а всѣхъ, кто будетъ противиться этому — врагами отечества. Русскій посолъ (еще Волконскій) поддерживалъ короля въ этой мысли, надѣясь на скорое разрѣшеніе вопроса и на то, что сосѣднія державы озаботятся охраненіемъ своихъ границъ. Въ Эгеріешѣ (въ Венгріи)

нибудь отдаленномъ углу; ксендзы давали панамъ много денегъ на это дѣло, а евреевъ посылали закупать оружіе, порохъ и свинецъ въ Ригу и Митаву. При этомъ каждый изъ участниковъ въ сходкѣ разрѣзывалъ у себя палецъ и подписывалъ клятву своею кровью. Донесенія о такой сходкѣ на границѣ Новгород губ. Московск. Арх. мин. иностр. дѣлъ. Рус. Вѣст. 1865, № 2, 664.

дѣйствовалъ въ пользу короля Макроновскій, но онъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Мнишекъ (дочери Брюля) и Богуша. Результатомъ этого былъ актъ о низложеніи короля, возмутившій всѣ державы, не исключая и Франціи, такъ какъ Дюмурье былъ замѣшанъ въ это дѣло. Герцогъ Эгильонъ, смѣнившій Шуазеля, обѣщалъ поддержку конфедератамъ, но въ тайнѣ велъ дѣло такъ, что Австрія конфисковала рудѣвы, заказанныя въ Мюнхенѣ, а затѣмъ заняла и герцогство Ципсъ, на польской территоріи (135-139). Русскія войска въ Польшѣ занимали мѣста: въ Варшавѣ (Вейнарнъ), Люблинѣ (Суворовъ), Краковѣ, Львовѣ и окрестностяхъ, слѣдовательно главные пути были въ ихъ рукахъ. Въ концѣ 1770 г. Казиміръ Пулавскій[1] и Зарембa хитростью захватили Ченстоховъ, пользовавшійся у поляковъ религіознымъ почетомъ, а въ началѣ 1771 г. отрядъ русскихъ войскъ (Древица) неудачно осаждалъ этотъ городъ. Но затѣмъ Суворовъ разогналъ конфедератовъ подъ Краковомъ и Владиміромъ-Волынскимъ. Екатерина, въ интересахъ примиренія, сдѣлала уже значительныя уступки, но Франція не допускала этого соглашенія. Жерарь называлъ Сальдерна второмъ Репнинымъ. Сальдернъ былъ рѣзокъ и рѣшителенъ и пользовался дружбою съ Панинымъ (Жерарь сознавался, что Сальдернъ ѣхалъ въ Польшу безъ всякаго плана, но обѣщалъ противодѣйствовать ему).

Первымъ дѣломъ Сальдерна была декларація къ поля-

---

1). Сынъ соперника Іоах. Понтоцкаго, по навѣтамъ котораго старикъ Пулавскій умеръ въ константинопольской тюрьмѣ.

кахъ (Тург. рук. госуд. Арх), въ которой имъ предлагалось прекратить раздоръ и обратиться къ миру (Петровъ, III, 207-209), а короля онъ связалъ обязательствомъ ничего не дѣлать безъ воли Екатерины (Соловь. Ист. пад. Польши 179).

Аббатъ Бенатский также признаетъ мирное настроеніе Сальдерна; но говоритъ объ общемъ недовѣріи и раздорахъ, господствовавшихъ въ странѣ. Совѣтники короля раздѣлились во мнѣніи о деклараціи Сальдерна, а виленскій епископъ Понинскій сталъ угрожать даже конфедератамъ и Литвѣ. Сальдернъ рѣзко объяснялся съ нимъ, укоряя его въ деньгахъ, взятыхъ у Волконскаго. Онъ былъ самаго неблагопріятнаго мнѣнія о полякахъ. Въ это время въ Варшавѣ образовалось "Патріотическое общество", съ цѣлью умиротворенія страны, но Бенуа сильно противодѣйствовалъ его вліянію. Сальдернъ доносилъ на первыхъ порахъ, что Бенуа говоритъ уже съ нимъ о раздѣлѣ Польши. Сальдернъ отвѣчалъ презрѣніемъ, но сообщалъ, что прусскій король замышляетъ что-то необыкновенное. Прусскіе солдаты стали сближаться съ конфедератами и занимать польскіе городы. Поляки же видѣли безплодность надеждъ на иностранныя державы, но опасались Россіи.

Въ апрѣлѣ Дюмурье началъ свои дѣйствія, намѣреваясь захватить Краковъ, но раздоры въ его войскѣ вслѣдствіе введенія дисциплины, съ конфедератами много мѣшали успѣху дѣла (Пулавскій даже было отдѣлился отъ него, а Заренба хотѣлъ поступить въ прусскую службу). Но въ это время быстро появил-

ся изъ Люблина Суворовъ, разбилъ Дюмурье у Ландекроны (10 мая) причемъ они лишились важнѣйшихъ пособниковъ (Сапѣги и Оржевскаго), но затѣмъ Суворовъ преслѣдовалъ Пулавскаго и снова разбилъ конфедератовъ у Замостья и не позволилъ ему проникнуть въ Литву, гдѣ стоялъ съ 8,000 отрядомъ Огинскій (-228). Долго выжидая хода событій, но опасаясь ихъ, Огинскій объявилъ себя наконецъ за конфедератовъ, подъ давленіемъ французской дипломатіи. Въ іюнѣ конфедераты были вытѣснены на Волынь, затѣмъ у Ландекроны, а потому въ Литвѣ положеніе дѣлъ измѣнилось, но въ тоже время конфедераты, подъ начальствомъ Коссаговскаго и поддерживаемые Радзивиломъ, пытались пробраться въ Курляндію, свергнуть Бирона и предоставить престолъ Карлу Саксонскому, но безуспѣшно (Ср. XVIII вѣкъ, I, 197-225)[1]. Огинскій находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Сальдерномъ, а потому онъ требовалъ съ его стороны откровеннаго заявленія о его дѣйствіяхъ. Огинскій ссылался на порученіе короннаго войска его охранѣ и обѣщалъ не предпринимать ничего; однако, Жерарь, въ тоже время выставлялъ его, какъ опору конфедератовъ (241). Сальдернъ далъ рѣзкій отвѣтъ: онъ называлъ его безразсуднымъ

1). Еще въ 1769 г. Биронъ отказался отъ престола въ пользу сына своего Петра; рыцарство протестовало по этому поводу а Отто-фонъ-Ховенъ вступилъ въ сношенія съ поляками, желая возвести на престолъ саксонскаго принца, но онъ былъ арестованъ по распоряженію рус. правительства и содержался въ заключеніи до 1774 г. (Дѣло о немъ см. въ XVIII в. т. III, 269-279).

и требовалъ забыть объ ихъ бунтѣ. На вызовъ въ Варшаву онъ не поѣхалъ, а Сальдернъ запретилъ выѣздъ изъ Варшавы самому примасу. Огинскій жаловался въ Петербургъ, но въ то же время увеличивалъ войско. Король чувствовалъ бѣду. Онъ и Сальдернъ хотѣли вывѣдать тайну черезъ жену Огинскаго, но ихъ предупредили. Въ августѣ уже состоялось соглашеніе французскаго двора съ Огинскимъ, обезпечившимъ ему матеріальное обѣщаніе и вліяніе на конфедератовъ. Въ началѣ сентября Огинскій издалъ уже манифестъ къ конфедератамъ, призывая ихъ на защиту отечества и попранныхъ правъ. Соединивъ волынскихъ и литовскихъ конфедератовъ (6,000), онъ двинулся къ Несвижу. Тогда Суворовъ направился къ Столовичамъ (изъ Люблина) и, не смотря на несоразмѣрность силъ, разбилъ его на голову. Огинскій бѣжалъ въ Кенигсбергъ: военные трофеи и 50,000 черв. остались въ рукахъ побѣдителя. Веймарнъ приказывалъ Суворову не выходить изъ Люблина и хотѣлъ даже отдать его подъ судъ, но Екатерина отвѣчала, что побѣдителя не судятъ и пожаловала ему орденъ Александра Невскаго. Огинскій, однако, надѣялся собрать новыя силы и получилъ уже отъ французскаго правительства 60,000 ливр., но, узнавъ объ исходѣ дѣла, его звали въ Парижъ и денегъ болѣе не выдали.

<u>Роль Станислава Понятовскаго</u>. Дѣйствія конфедератовъ окончательно уронили авторитетъ короля. Казармы и монастыри обратились въ мѣ-

ста сходокъ; имѣнія короля наиболѣе подверглись разоренію. Въ костелахъ произносились противъ него проповѣди. Уже въ мартѣ 1771 г. былъ составленъ заговоръ, чтобы привлечь короля къ суду конфедераціи. Ему былъ врученъ актъ низложенія, а затѣмъ составился заговоръ на его жизнь (Справинскаго). Осенью Пулавскій одобрилъ планъ поглощенія захватить короля, что и удалось имъ сдѣлать въ ночь на 3 ноября, но встрѣтившійся русскій разъѣздъ напугалъ заговорщиковъ и они разбѣжались.[1] Это возбудило общее негодованіе противниковъ конфедератовъ въ Европѣ и привлекло сочувствіе короля въ Варшавѣ.

Теперь король думалъ созвать сенаторовъ и опереться на реконфедерацію, во главѣ которой онъ хотѣлъ стать самъ.[2] Но Сальдернъ воспротивился его плану, опасаясь новыхъ агитацій, передъ которыми

---

1). По поводу этого случая Вольтеръ писалъ Екатеринѣ: „Я не сомнѣваюсь, что достопочтимый отецъ Равальякъ и достопочтимый отецъ Пуаньярдини были духовниками этихъ господъ", и онъ просилъ ее прислать ему описаніе этого событія. Сборн. XIII, 211.

2). Не смотря на свою безхарактерность, Станиславъ Понятовскій отличался безграничнымъ тщеславіемъ. Онъ старался во всемъ подражать Людовику XIV. Подобно ему онъ любилъ вести тайные переговоры; съ Маріею Терезіею, подобно Людовику, онъ вошелъ въ сношенія о выдачѣ за него ея дочери, желая поднять свое достоинство, но русскіе дипломаты провѣдали и дѣло это разрушилось. Екатерина была возмущена такимъ поступкомъ короля. Зап. Михаловскаго, Древн.

король уступитъ. Король согласился, но эта уступчивость вызвала взрывъ негодованія въ средѣ его противниковъ. Сальдернъ усилилъ военный надзоръ въ Варшавѣ. Панину онъ писалъ: „Нунцій есть самый опасный нашъ пріятель въ Польшѣ (Дурини), какъ по своимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ и по характеру представителя власти свѣтской и духовной вмѣстѣ, его злоба къ намъ выразится во всей силѣ въ минуту обнаруженія нашихъ замысловъ... Онъ способнѣе всѣхъ произвести народное объединеніе, которое мы можемъ предотвратить. Неблагонамѣренные поляки всегда будутъ употреблять его для достиженія своихъ цѣлей. Это крѣпость, за стѣнами которой они давно скрываютъ свои замыслы и интриги. Необходимо удалить нунція изъ Варшавы. Я знаю, что это не обойдется безъ шума..., но, если онъ останется здѣсь, то чего можно ожидать отъ человѣка грубаго, безумнаго и пьянаго". Екатерина поручала Панину похлопотать, при посредствѣ сардинскаго двора, объ отозваніи изъ Варшавы „бѣшеннаго нунціуса" и напомнить папѣ, что въ нашей волѣ убавить впредь его власть въ близлежащихъ мѣстахъ; она рекомендовала или поручить это дѣло И. И. Шувалову, находившемуся въ Римѣ, или послать къ папѣ нарочного курьера, но велѣла Панину написать, чтобы посолъ самъ не выгналъ или не арестовалъ нунція, „дабы насъ съ турками не сравняли" (Солов. XXVIII, 309-310).

Состояніе русскаго войска въ Польшѣ. Русска-

и Нов. Рос. 1880, I, 556.

го войска въ Польшѣ было тогда 12,169 чел. и въ Литвѣ 3,318 чел; 74 пушки и 316 чел. артиллеріи. Часть его была расположена въ городскихъ гарнизонахъ и нѣкоторыхъ, важныхъ для поддержки сообщеній, пунктахъ.

Другая часть (четверть общаго состава) составляла летучіе отряды, дѣйствовавшіе противъ конфедератовъ. Сальдернъ полагалъ, что не слѣдуетъ ограничиваться оборонительною войною; вслѣдствіе этого войска портились, а солдаты стали заниматься мелкою торговлею, какъ жиды. Онъ обѣщалъ выслать изъ Варшавы вербовщиковъ-конфедератовъ и унять дерзость жителей, которые бросали черепицами въ русскіе патрули и стрѣляли въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ; бывали даже примѣры, что начальники русскихъ отрядовъ съѣзжались вмѣстѣ съ конфедератами и вмѣстѣ пировали. Исключеніе составляли Суворовъ и Лопухинъ. Онъ заявлялъ, что большая часть военныхъ начальниковъ желали продолженія мелкой войны, чтобы наживать свои руки грабежами, притѣсненіями и злоупотребленіями. Военный духъ вообще погасъ; войско, стоявшее въ Литвѣ (Легіонъ), представляло жалкій видъ; оружіе было негодное; лошади отвратительныя; артиллерія плохая. Причина этого — скупость и дурно понимаемая экономія. „Наши офицеры, писалъ онъ Панину, умѣютъ сдѣлать Польшу пустынею, но именно чрезъ это самое число конфедератовъ увеличится и Польша не будетъ умиротворена." Но болѣе всего Сальдернъ обвинялъ генерала Вейнарна, который являлся въ краѣ главнымъ военнымъ начальникомъ,

такъ какъ Сальдернъ былъ не военный и потому не могъ распоряжаться военными дѣйствіями. По его отзывамъ, Веймарнъ отличался нерѣшительностію. Онъ просилъ прислать сюда Бибикова или Репнина, о которомъ, по его словамъ, даже сожалѣли теперь въ Польшѣ. Вмѣсто Веймарна прислали въ Польшу А.И. Бибикова, который заявилъ себя здѣсь распорядительностью; онъ обратилъ вниманіе правительства на военный талантъ Суворова; но и онъ не нравился Сальдерну своимъ гуманнымъ обращеніемъ съ поляками, а это еще болѣе возбуждало рѣзкость русскаго посланника, которой радовались его враги. Вотъ отзывъ его о Бибиковѣ вскорѣ послѣ его пріѣзда: „Вы знаете пишетъ онъ Панину, что это не кн. Репнинъ я вполнѣ убѣжденъ, что онъ будетъ добросовѣстно содѣйствовать видамъ, касающимся личной славы императрицы, интересовъ и достоинства Россіи. Я знаю, что онъ не принадлежитъ къ классу плутовъ, лицемѣровъ и негодяевъ, которые подчиняются совершенно видамъ адскихъ душъ. Знаю, что съ нимъ я достигну цѣли всѣхъ операцій, относящихся къ нашей настоящей системѣ, на сколько это будетъ зависѣть отъ него. Но въ Петербургѣ, въ военной коллегіи, сдѣлаютъ все, чтобы его обманывать и мѣшать ему. Прибавьте къ этому, что я знаю отвращеніе Бибикова къ работѣ и къ дѣламъ запутанным. Онъ уже скучаетъ гнуснымъ положеніемъ, въ которомъ находится здѣсь дѣла. Я знакомлю его съ успѣш-

нымъ способомъ веденія мелкой войны, которая страшно трудна въ странѣ, гдѣ ее болтаютъ вечно проклятою политикою, гдѣ теряютъ дорогу и обманываются на каждомъ шагу и гдѣ тяжело соединять политику съ чисто военными операціями... Этотъ достойный человѣкъ не можетъ приноровиться къ движенію ощупью, когда все зависитъ отъ дурнаго или хорошаго поведенія самаго незначительнаго офицера" (отъ 25 сент.). Но настоящая сторона такого страннаго отношенія къ дѣлу Сальдерна выясняется изъ донесенія самого Бибикова тому же Панину. Совѣтуя не придавать большаго значенія конфедератамъ, онъ замѣчаетъ: „Бѣда моя общій нашъ другъ посолъ: такая горячка и такая нетерпѣливость, что съ ночь сбиваетъ... Нужны бываютъ все мое хладнокровіе и все почтеніе къ старику, чтобы удержать въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, что сохраню эти качества, не смотря на странность его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали; примѣчаю въ немъ странныя подозрѣнія: между прочимъ кажется ему, что я съ поляками очень вѣжливъ и на его счетъ хочу пріобрѣсть любовь; иногда кажется ему, что недовольно бѣднаго посла почитаю и я не разъ отъ него слышалъ: „Помните, мой дорогой и достойный другъ, что я представитель Россіи и вашъ бѣдный посолъ... Вы меня выдаете своего друга и посла, вы такъ учтивы съ этими

мошенниками поляками, надобно обходиться съ ними, какъ съ канальями, они этого заслуживаютъ". Въ этомъ случаѣ я прибѣгаю къ своему краснорѣчію и шутки: со смѣхомъ стану говорить ему, что не могу такъ грубіянить какъ онъ, ему какъ старому человѣку больше простятъ, а про меня скажутъ - русскій невѣжа, отнять не умѣетъ. Клянусь Богомъ, что по временамъ онъ причиняетъ мнѣ больше заботы, чѣмъ всѣ конфедераты вмѣстѣ. Если внѣшнія наши политическія дѣла имѣютъ по желанію нашему какой успѣхъ, то извольте почитать единственнымъ основаніемъ этому глупость, трусость и нерѣшительность поляковъ. Ненависть ихъ къ нашему другу невыразимая, а боятся его какъ пугала какого нибудь" (Дѣла польск. Голов. XXVIII, 290-313). Сальдернъ запрещалъ чиновникамъ посольства посѣщать поляковъ и однажды, за нарушеніе этого требованія, посадилъ подъ арестъ Маркова, извѣстнаго потомъ русскаго дипломата, для освобожденія котораго понадобились хлопоты Бибикова, Я. И. Булгакова и фонъ-Визина (см. у Вяземскаго, Фонъ-Визинъ, 1890, стр. 53-55)[1]

---

1). Сальдернъ устроилъ въ Варшавѣ и свою полицію, потому что бывшая въ управленіи великаго маршала вся разбрелась во время междоцарствія. - „Русское посольство установило правило, по которому всякій домовладѣлецъ въ 24 часа долженъ былъ, подъ строгою отвѣтственностью, дать знать о всѣхъ прибывшихъ. Бывали случаи что за

Поступки пруссаковъ въ Польшѣ. Фридрихъ II, въ свою очередь, не преминулъ воспользоваться на счетъ Польши. Французскій агентъ писалъ своему двору изъ Варшавы: „Прусскія войска вошли въ Польшу и возбудили своимъ поведеніемъ жалобы гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя раздавались противъ русскихъ и конфедератовъ. Русскіе также недовольны поведеніемъ пруссаковъ, потому что послѣдніе захватываютъ припасы, приготовленные для русскихъ войскъ, ничто не ускользаетъ отъ прусскаго хищничества. Пруссаки берутъ съ одной стороны, а конфедераты съ другой и по видимому между ними нѣтъ никакого согласія." Французскій же повѣренный въ Данцигѣ сообщалъ въ тоже время: „Вѣрно то, что прусскій король дѣлаетъ полякамъ зла болѣе, чѣмъ русскіе сдѣлали въ четыре года." (Солов. исторія, XXVIII, 311). Въ насильномъ захватѣ хлѣба обвиняетъ Фридриха и бывшій другъ его Сальдернъ; онъ распорядился захватить у варміійскаго епископа мѣстный архивъ, надѣясь на присоединеніе къ Пруссіи этой провинціи; а еще прежде онъ ввезъ черезъ евреевъ въ Польшу 2 милліона фальшивыхъ флориновъ. Такъ нигдѣ и никогда

неисполненіе этого распоряженія, домовладѣльцы подверглись взысканію. Въ Польшѣ о такомъ порядкѣ и понятія не имѣли, и потому сдѣланное распоряженіе многимъ показалось противнымъ вольности шляхетской, которая по тогдашнему понятію о вольности, не хотѣла знать никакого порядка". Записки Михаловск. Древ. и Нов. Рос. 1880, т. I, 352

не упускалъ случая король-философъ поживиться на чужой счетъ, не брезгая никакими средствами (Ист. пад. Польши, 139). Но въ то время, какъ прусский король безцеремонно распоряжался въ Польшѣ, Бибиковъ настаивалъ на строгой дисциплинѣ въ войскѣ, чѣмъ привлекалъ расположеніе жителей въ пользу Россіи (Ист. Россіи XXVIII, 370).

Отношенія Фридриха II къ русской политикѣ. Вопросъ о раздѣлѣ Польши. Екатерина отдѣляла польский вопросъ, т. е. вопросъ о вознагражденіи Пруссіи и Австріи, отъ правъ своихъ на завоеванія въ Турціи. Но Фридрихъ думалъ иначе. „Я бы сдѣлалъ непростительную ошибку, писалъ онъ брату, если бы сталъ стараться объ увеличеніи государства, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи и страшнымъ для цѣлой Европы". Екатеринѣ онъ писалъ: „Ваша слава можетъ только увеличиться отъ вашей умѣренности" (Солов. XXVIII, 243; Сборн. XX, 307). Пребываніе пр. Генриха въ Петербургѣ значительно укрѣпило мысль о раздѣлѣ Польши; но Панинъ заявлялъ Сольмсу, что этотъ планъ встрѣтитъ значительныя затрудненія въ исполненіи, такъ какъ императрица не разъ давала торжественныя обѣщанія сохранить цѣлость Польши[1]. Поэтому онъ настаивалъ на привлече-

---

1). Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, пр. Генрихъ получилъ въ подарокъ дорогую соболью шубу, великолѣпную андреевскую ленту, звѣзду всю въ бриліантахъ и такіе же эполеты, всего болѣе чѣмъ на 30,000 р. Своею внѣшностью онъ

ніи къ этому дѣлу и Австріи, участіе которой должно облегчить разрѣшеніе турецкаго вопроса. Устраняя даже мысль объ отторженіи отъ Порты Молдавіи и Валахіи, Фридрихъ ручался, что остальныя требованія Россіи не встрѣтятъ противодѣйствія и совѣтовалъ, вмѣсто означенной уступки, получить вознагражденіе въ Польшѣ. Но какъ только Фридрихомъ получено было согласіе на веденіе переговоровъ о раздѣлѣ, онъ предлагалъ уже и Австріи, и Россіи брать что угодно отъ Польши. Ему хотѣлось вести переговоры непосредственно и съ Росіею, и съ Австріею, но въ Петербургѣ поспѣшили войти такъ же въ непосредственныя сношенія съ послѣднею. Тогда Іосифъ II написалъ своему брату: „Обнаружилось, что прусскій король намъ солгалъ, представляя предложеніе о раздѣлѣ Польши идущимъ изъ Петербурга". Только 16 мая (1776 г.) было заявлено предложеніе Фридриха II пріобрѣсти польскія области, причемъ, однако, шла рѣчь о замѣнѣ польской Лифляндіи и разграниченіи земель по рѣкамъ, уступаемыхъ отъ Россіи Польшѣ, — Валахіей и Молдавіей, и Фридрихъ повидимому соглашался на это, но Австрія не хотѣла и слышать ни объ отдачѣ ихъ Польшѣ, ни объ уступкѣ пр. Генриху въ видѣ особаго государства. Слишкомъ сильныя настоянія Австріи въ пользу Порты вызвало энергическое возраженіе

производилъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе: Бюлоъ, II; Рус. Вѣст. 1865, №2, 658–660.

со стороны Екатерины, которая не допускала даже мысли, чтобы когда нибудь Турція могла вступить „въ систему союзовъ европейскихъ государствъ". Въ отвѣтъ на требованія Россіи Кауницъ замѣтилъ Голицыну съ жаромъ: „Пора вамъ прекратить войну; ваши дѣла становятся очень серьезными для вѣнскаго двора, который не можетъ долго оставаться спокойнымъ зрителемъ". Замѣчаніе Панина о необходимости уступки въ этомъ дѣлѣ, Екатерина отвергла. Кауницъ и Іосифъ торопили Марію Терезію съ польскимъ вопросомъ и въ тоже время вели переговоры въ Константинополѣ объ уступкѣ Австріи части турецкой территоріи и денежномъ вознагражденіи за выгодный миръ съ Россіей. Узнавъ объ этомъ Фридрихъ II спѣшитъ предложить Австріи Молдавію и Валахію съ тѣмъ, что она вымѣняетъ ихъ у Турціи на Бѣлградъ съ частью сербской территоріи, на которыя питалъ виды вѣнскій дворъ. Въ отвѣтъ на это въ Совѣтѣ было рѣшено усилить численность войска въ Польшѣ и сдѣлать новый наборъ рекрутъ (со 100-1). Тогда Фридрихъ принялся завлекать Россію союзомъ Австріи съ Турціею и Франціею. Онъ соглашался конечно оказать Россіи военную помощь, но требовалъ за это прибавки къ его вознагражденію - г. Данцига, чего такъ не хотѣла Екатерина. Фридрихъ хвалился, что его сообщенія произвели свое дѣйствіе въ Петербургѣ и Вѣнѣ. И Панинъ заявлялъ въ Совѣтѣ, что необходимо приступить скорѣе къ переговорамъ о мирѣ, вслѣдствіе осложнившихся отношеній къ

Австріи, а это въ свою очередь давало толчекъ польскому дѣлу, такъ какъ Фридрихъ непремѣнно желалъ покончить его до мира съ Турціею; но такъ какъ Россія настаивала прежде всего на этомъ послѣднемъ, то онъ потребовалъ, чтобы Австрія не мѣшала переговорамъ, и вскорѣ прусскій посолъ Зегелинъ извѣстилъ уже, что въ Константинополѣ согласны приступить къ нимъ (Фридрихъ II и фанъ-Свитенъ Бегеръ, I раздѣлъ Польши, т. II; Арнетъ, Марія Тереза и Іосифъ, т. I, Арх. госуд. Сов., I; ист. пад. Польши, Соловьевъ и Ист. Россіи его же, т. XXVIII, гл. 3).

Швеція. Густавъ III. Перемѣна министерства въ Даніи. Вступленіе на престолъ Густава III (1го февр 1770 г) усилило безпокойство Остермана. „Благонамѣренные" требовали новыхъ субсидій въ виду предстоящаго сейма; онъ жаловался на вздорожаніе дворянскихъ полномочій. Екатерина написала Панину: „Лучше дать денегъ, нежели видѣть въ Швеціи самодержавство и съ нимъ войну посредствомъ французскихъ денегъ и интригъ". Остерману было послано 337,000 р. Въ то время Швеція была наводнена сочиненіями, въ которыхъ разсматривалось состояніе Польши и указывалось на печальную участь Швеціи, если она не измѣнитъ своего порядка и будетъ твердо держаться Франціи. Данія поддерживала Россію своими субсидіями; лѣтомъ того же года въ Швецію рѣшено было послать изъ Петербурга на 50,000 р. хлѣба, а въ концѣ года еще 100,000 р. Въ Копенгагенѣ Местмахеръ постарался сблизиться съ новыми дѣятелями при дворѣ — Струензе и Остеномъ, но сооб-

щалъ объ общемъ недовольствіи противъ королевы, которое въ скоромъ времени должно было разрѣшиться для нея самымъ печальнымъ образомъ.

Англія. Проектъ союзнаго договора съ Англіею не удался и Каскартъ былъ отозванъ, а Чернышевъ снова былъ замѣненъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Англія отказалась также и отъ предложенія гр. А. Орлова объ уступкѣ одного изъ острововъ Архипелага, сдѣланнаго ей черезъ англійскаго консула въ Ливорно (Солов. XXVIII, гл. 3; Сборн. т. XIX, донес. англ. пословъ).

Появленіе чумы въ предѣлахъ Турціи и Россіи. Чума въ Москвѣ. Торжество русскаго оружія на Востокѣ сопровождалось весьма печальнымъ событіемъ, которое постигло не только районъ, въ которомъ дѣйствовали войска, но и внутреннія области государства. Мы разумѣемъ чуму въ Москвѣ въ 1771 г. Намъ приходилось уже упоминать о ея появленіи въ дунайской арміи въ 1769 г., въ отрядѣ генерала фонъ-Штофельна. Войска его, сразившись у Галаца и разбивъ турокъ, дѣлали неоднократно поиски въ окрестныхъ селахъ и городахъ, забирая все, что ни попадется на пути и захватывая вещи, оставшіяся на убитыхъ; между тѣмъ въ этой мѣстности давно существовала чумная зараза. Война какъ нельзя болѣе способствовала дальнѣйшему развитію ея. Вступленіе русскихъ войскъ въ Яссы и Бухарестъ сопровождалось распространеніемъ чумы и въ остальныхъ частяхъ войска. Самъ Штофельнъ сдѣлался жертвою ея въ Яссахъ (въ маѣ 1770 г.). Весна этого го-

ба застаетъ чуму уже въ Фокшанахъ и Хотинѣ, а также и другихъ мѣстностяхъ Валахіи и Молдавіи, а оттуда вмѣстѣ съ войсками и товарами, благодаря также лѣтнимъ жарамъ, она переходитъ въ Подолію и на Украину. Застава, учрежденная русскимъ правительствомъ въ Васильковѣ, не помогла ея задержанію. Въ августѣ чума переходитъ за русскую границу: появляется моръ въ Васильковѣ, въ Кіевѣ, затѣмъ въ Черниговѣ, Переяславѣ, Козельцѣ, Нѣжинѣ; далѣе въ Сѣвскѣ, Брянскѣ, а лѣтомъ 1771 г. чума разразилась и въ Москвѣ. Еще въ прошломъ году изъ Петербурга былъ посланъ шкаръ-физикъ Лерже въ армію и Кіевъ, но присутствіе его нисколько не ослабило болѣзни. Въ Нѣжинѣ болѣзнь, по выраженію оффиціальныхъ документовъ, „причинила значительное въ тамошнихъ людяхъ поражеиіе". Чтобы не допустить заразы въ Москву и Петербургъ, вся Московская губернія съ юга была оцѣплена заставами: отъ Боровска, Серпухова, Калуги, Алексина, Каширы, Коломны. Въ эти заставы было послано 6 офицеровъ гвардіи и 6 врачей, чтобы не пропускать никого безъ карантиннаго испытанія: письма промачивались въ уксусѣ и окуривались на огнѣ, потомъ переписывались, а подлинники сожигались; въ домахъ лился на раскаленный кирпичъ уксусъ; заставы были окопаны рвами и окружены огнями; письма передавались не иначе какъ на щесткахъ, или посредствомъ стрѣлъ, дворы и пожитки зачумленныхъ сожигались, а о распространеніи заразы давалось знать посредствомъ

костровъ. Въ декабрѣ 1770 г. въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ оказались больные съ особыми знаками на тѣлѣ, о чемъ сообщалъ тамошній штабъ-докторъ Шафонскій, но его настоянія остались безуспѣшными, такъ какъ совѣтъ врачей не пришелъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Манифестъ Екатерины, вышедшій наканунѣ 1771 г., глухо говоритъ объ этомъ фактѣ, но призываетъ и общество содѣйствовать правительству въ принятіи охранительныхъ мѣръ. Сенатъ опубликовалъ частныя мѣры предосторожности.

Начальникомъ Москвы былъ фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ, еще осенью 1770 г. сообщавшій въ Петербургъ о распространеніи заразы, но онъ нее зимою писалъ о прекращеніи заразы и только въ началѣ весны снова сталъ извѣщать о возможности возвращенія ея, почему и предлагалъ перевести больныхъ изъ госпиталя въ окрестные монастыри. Но Екатерина не соглашалась на это. Однако строенія малаго госпиталя были сожжены. Въ мартѣ болѣзнь проявилась со всѣми ужасами, въ особенности же на суконной фабрикѣ, за Москвою-рѣкою, откуда 2,000 рабочихъ бѣжали и разнесли болѣзнь по городу. Нѣкоторые врачи (Риндеръ) утверждали, что настоящей чумы не можетъ быть въ Москвѣ по причинѣ климата, а въ появившейся болѣзни видѣли только гнилую горячку. Медицинскій совѣтъ избѣгалъ названія „чумы" и говорилъ лишь „о гніючей и заразительной болѣзни" (Морковцевъ. Древ. и Нов. Рос. 1875, № 5, 11-12). Салтыковъ твердилъ, что карантина не нужно, она-

чемъ произойдетъ голодъ и грабежи, а войскъ нѣтъ. Онъ предлагалъ предоставить жителямъ идти по деревнямъ. Тѣмъ не менѣе распространеніе болѣзни заставило болѣе 700 чел. вывести въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь, а полиція должна была немедленно сообщать о всѣхъ заболѣвшихъ. Салтыковъ потребовалъ у медицинскаго совѣта назвать болѣзнь ея настоящимъ именемъ. Не назвали „моровою язвою", но не смотря на подтвержденіе того же врачами, пріѣхавшими изъ арміи, нѣкоторые продолжали увѣрять, что это не язва. Только спустя мѣсяцъ послѣ ея распространенія по Москвѣ были закрыты торговыя бани. Въ концѣ марта, для ускоренія дѣйствій правительственной власти былъ назначенъ въ помощь Салтыкову сенаторъ генералъ-поручикъ П. Д. Еропкинъ. Масса больныхъ была переведена въ монастыри; а между тѣмъ Салтыковъ снова доносилъ, то о прекращеніи болѣзни, то объ ея усиленіи. Переселеніе многихъ изъ домовъ въ монастыри заставило скрывать больныхъ. Только теперь распорядились не хоронить мертвыхъ при городскихъ церквахъ и монастыряхъ (Морд. Н.). Опасаясь появленія мортусовъ въ маскахъ и засмоленныхъ или защитныхъ въ вощанки, наводившихъ ужасъ на жителей, народъ не доносилъ о больныхъ въ домахъ, а выбрасывалъ ихъ на улицы, или зарывалъ тайно. Лѣтомъ умирало уже по 1,000 чел. въ день; многіе разбѣжались въ окрестности. Изъ Москвы зараза распространилась

въ губернію Смоленскую и др. Сообщеніе съ Петербургомъ было уже прекращено, а тѣмъ, кто осмѣлился противодѣйствовать докторскому осмотру, или выбрасывать трупы на улицу, грозили каторжною работою. Между тѣмъ, проѣхавшій изъ арміи докторъ Лерсе окончательно увѣрилъ Еропкина въ тожествѣ болѣзни съ чумою. Послѣ этого надзоръ былъ усиленъ. Чума передавалась посредствомъ платья, черезъ животныхъ и т. п. Вся знать выѣхала изъ Москвы, а затѣмъ сталъ проситься на покой и Салтыковъ, который, не дожидаясь разрѣшенія, оставилъ Москву 14 сент.

Екатерина до извѣстной степени была права, пишa преемнику его кн. М. Н. Волконскому: „болѣзнь таковая вкралась въ сей городъ не отъ чего иного, какъ отъ послабленія тѣхъ, коимъ поручена была безопасность города". Панину она выражалась такъ: „Состояніе Москвы меня очень безпокоитъ, ибо тамъ, кромѣ болѣзни и пожаровъ, глупости много. Все это отзывается бородою нашихъ предковъ". (Солов., Рус. Старина, 1876, 194–95).

Бунтъ въ Москвѣ. Убіеніе архіепископа Амвросія. Уже въ августѣ было замѣтно негодованіе народа[1]. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, во всемъ стали винить врачей и вла-

1). По случаю волненія въ Москвѣ, Екатерина распорядилась, чтобы всѣ письма изъ Москвы, въ которыхъ эти происшествія названы бунтомъ, были сожжены. Нѣкоторыя изъ нихъ доставлялись почтамтомъ въ ея руки. Въ дру-

стн. Въ Лефортовой слободѣ народъ хотѣлъ умертвить доктора Шафонскаго. Новый рескриптъ распускалъ фабрики, народу велѣно было выдавать уксусъ, предписывалось проветривать дома, употреблять холодную воду для питья и обмыванія тѣла (Др. и Нов. Россія 1875 г., №5). Священникамъ поручено было толковать медицинскія наставленія. Но Москва твердила что „Богъ ее забылъ". Архіепископъ Амвросій издалъ постановленіе, предохраняющее священниковъ отъ прикосновенія при крещеніи и причащеніи больныхъ, а это распоряженіе было истолковано раскольниками, какъ еретическое. Дома, куда проникала чума, запирались отъ другихъ. Но 16 сентября произошелъ бунтъ, въ которомъ палъ отъ руки убійцъ и самъ архіепископъ Амвросій, съ личностью котораго мы отчасти знакомы по отношеніямъ его къ Арсенію Мацѣевичу, происходилъ изъ фамиліи Зертыщъ-Каменскихъ, родственной Бантышъ-Каменскимъ, переселившейся изъ Валахіи[1]. Человѣкъ малороссійскаго образованія, онъ былъ не любимъ

гой разъ она предписывала почтопректору Эку, чтобы всѣ французскія письма, въ коихъ безъ толково пишутъ о московской исторіи, отправились въ его камин. Сборн. рус. ист. общ. XIII, 169-170.

1). Отецъ Амвросія, Степанъ Зертышъ, выѣхалъ въ Малороссію въ 1691 г. и служилъ переводчикомъ при гетманахъ. Сынъ его (род. 1708 г.) получилъ прозваніе (Каменскаго) по дядѣ съ материнской стороны (Солов. XXVIII, гр. 64, стр. 127).

великорусскимъ духовенствомъ, будучи еще епископомъ крутицкимъ, а по смерти митрополита Тимоѳея и московскимъ архіепископомъ. Послѣ слабаго митрополита, Амвросій не могъ понравиться духовенству своими крутыми распоряженіями. Есть основаніе полагать, что Амвросій, будучи еще архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Нов. Іерусалимъ), отличался строгостью въ обращеніи съ монастырскими крестьянами и что нерасположеніе къ нему за это провожало его въ Москву и нашло себѣ исходъ въ событіяхъ 1771 г. (Солов. XXVIII, пр. 65 стр. 197). Онъ ввелъ порядокъ въ консисторіи, за нарушеніе котораго грозилъ „штрафъ цѣпью, скованіемъ въ желѣзо и вычетъ жалованья безъ всякаго послабленія". Онъ сталъ требовать отъ священниковъ экзамена и запретилъ вступать въ бракъ молодымъ людямъ духовнаго званія, искавшимъ священства по матеріальному расчету; запретилъ переходъ изъ церкви въ церковь и особенно принялся за истребленіе обычая, существовавшаго въ Москвѣ, - наниматься свободнымъ священникомъ для богослуженій такъ называемыхъ крестцовыхъ поповъ (крестецъ), стоявшихъ иногда по цѣлымъ днямъ у Спасскихъ воротъ въ ожиданіи заказной службы, причемъ пьянство, брань и драки были обычными явленіями. Ночь эти попы проводили въ кабакахъ и увеселительныхъ домахъ. Безобразіе доходило до того, что эти попы стояли въ рукахъ съ калачами

и когда кто торговался съ ними о цѣнѣ, они кричали ему въ слѣдъ: „не торгуйся, а то сейчасъ закушу!" Теперь Амвросій запретилъ духовенству крестные ходы и хожденіе съ иконами въ дома, во избѣжаніе заразы. Понятно, какъ эти распоряженія дѣйствовали на народъ. Между тѣмъ одинъ священникъ распространилъ слухъ о чудѣ, видѣнномъ фабричнымъ во снѣ, которому явилась Богородица и упрекала Москву въ невѣріи, такъ какъ уже 30 лѣтъ никто не пѣлъ молебна ея образу, помѣщавшемуся надъ Варварскими воротами. Фабричный помѣстился у этихъ воротъ и разсказывалъ о своемъ видѣніи. Тогда все хлынуло туда — вотъ новый матеріалъ для заразы. Когда же архіепископъ распорядился, вмѣстѣ съ Брокгинымъ, перенести деньги, собранныя отъ пожертвованій, то толпа избила присланную команду. Попы, служившіе тамъ молебны, были вызваны въ консисторію, но они не пошли, грозя при этомъ посланнымъ. Изъ оффиціальныхъ донесеній видно, что толпа, возставшая противъ „грабителей иконъ" простиралась до 10,000 чел. и была вооружена дубинами. Въ самомъ распоряженіи власти она видѣла желаніе захватить казну. Такъ разсказывалъ послѣ племянникъ Амвросія - Е. Каменскій; по словамъ же катехизатора московскаго университета, протоіерея Алексѣева, собраніе народа было умышленное, бунтовщики приглашали своихъ къ воротамъ по повѣсткамъ

и имѣли въ виду убить архіепископа. Отъ воротъ толпа ввалила въ Чудовъ монастырь, гдѣ жилъ архіепископъ, истребила его картины и образа и искала его, чтобы убить, но онъ уже былъ въ Донскомъ монастырѣ, куда и отправились заговорщики 16 сентября. Его нашли тамъ на лѣсахъ за иконостасомъ, вытащили оттуда и умертвили самымъ варварскимъ образомъ: били его въ 8 колоѣъ, 2 часа, такъ что ни виду, ни подобія не осталось." Участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ было 300 челов., а Ерофкинъ едва въ состояніи былъ набрать 180 чел. солдатъ и 2 пушки, съ которыми и двинулся противъ бунтующихъ, сначала въ Кремль, а потомъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ собралась пьяная толпа, истреблявшая купеческіе погреба; но солдаты были избиты камнями, самъ Ерофкинъ былъ раненъ, а изъ толпы пало до 100 чел. 17 сентября толпа требовала выдачи захваченныхъ (250 чел.), отмѣны карантина, открытія бань и удаленія лекарей. Тогда явился снова Салтыковъ. Угроза разогнать толпу оружіемъ подѣйствовала и толпа разошлась. По улицамъ бродили пьяные. Чудовъ монастырь представлялъ печальный видъ: окна были выбиты, образа разбиты, пуховики монаховъ усѣяли своимъ пухомъ улицы Москвы. Изображая печальное положеніе Москвы Салтыковъ доносилъ, что <u>всѣ сенаторы</u> разъѣхались изъ города; команда была недостаточна, сами <u>солдаты</u> и <u>приказные</u> участвовали въ гра-

безнѣ. Разсѣянныя толпы сзывались изъ окрестностей на новый бунтъ (Солов. 201-204, Рус. Стар). Онъ сознавался, что нѣтъ настоящаго начальника города, нѣтъ распорядителя. Еропкинъ также просился на покой. Онъ получилъ въ награду 20,000 р. и орденъ Андрея Первозваннаго.[1]

Дѣятельность гр. Г. Г. Орлова въ Москвѣ.

По словамъ Каскарта (Сборн. XIX, 19), Орловы давно искали случая сдѣлать новую услугу Екатеринѣ и она назначила въ Москву своего любимца гр. Г. Орлова. 26 сентября онъ прибылъ въ столицу въ сопровожденіи команды отъ 4 гвардейскихъ полковъ, генерала Мельгунова, сенатора Волкова,[2] генералитета и докторъ Орреуса. Гр. Салтыковъ, уволенный на покой, уѣхалъ изъ Москвы и вскорѣ умеръ. Но Орловъ прибылъ уже въ Москву въ то время, когда наступали холода, которые и современниками этого событія признавались лучшимъ лекарствомъ противъ чумы. Си-

---

1). Свидѣтель этихъ событій А. А. Саблуковъ, говоритъ, что въ Москвѣ „только одинъ изъ господъ находился П. Д. Еропкинъ". По его словамъ, послѣдній сдѣлалъ все, что было возможно при его недостаточныхъ средствахъ. Рус. Арх. 1866, 331-333. Губернаторъ И. И. Юшковъ и оберъ-полиц. Балмечевъ заперлись въ своихъ домахъ, никого не пуская къ себѣ и сами не выѣзжая никуда. Арх. истор. практич. свѣдѣній Калачева, годъ II, кн. 2, стр. 27 и 37-38.

2). Екатерина хвалитъ Волкова за его дѣйствія по прекращенію чумы. Очевидно эта обязанность лежала на немъ.

нодъ распорядился предать анаѳемѣ убійцъ архіепископа, которую провозглашать въ теченіе года. Въ сентябрѣ же 1771 г. былъ назначенъ судъ надъ убійцами, состоявшій изъ членовъ синода, сената и членовъ первыхъ пяти классовъ. Судъ приговорилъ виновныхъ: Василія Андреева и Ивана Дмитріева повѣсить на томъ же мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство. Два другіе - дворовые люди А. Леонтьевъ и В. Дѣяновъ, приговоренные къ висѣлицѣ, должны были взять жеребій, кому изъ нихъ быть повѣшенным. Остальныхъ болѣе 60 чел. купцовъ, дьячковъ, дворянъ, подъячихъ, крестьянъ, дворовыхъ, фабричныхъ, солдатъ — бить кнутомъ, вырѣзать ноздри, заклепать въ кандалы и сослать въ Рогервикъ, въ каторгу. Захваченныхъ въ толпѣ дѣтей высѣчь розгами. Двѣнадцать человѣкъ за оглашеніе мнимаго чуда, сослать навсегда въ галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей. Теперь приняты были предохранительныя мѣры на будущее время: учреждены каммиссіи - врачеванія и исполнительная, строжайше воспрещено было входить въ опасные домы грабить мертвыхъ; тѣла, валяющіяся на улицахъ, немедленно подымать и уносить; нищихъ отправлять въ загородные монастыри и кормить; учреждены новыя больницы (4) и карантины, а крѣпостнымъ, взявшимъ на себя обязанность уха-

---

(Сборн. XXVIII, 183 и Рус. Арх. 1870, 546). Найдя дѣйствія московск. оберъ - полиц. Н. И. Бахметева неправильными, онъ замѣнилъ его Архаровымъ, болѣе извѣстнымъ потомъ. Саблуковъ, 334.

живать за больными, обѣщано было отпустить на волю; городъ раздѣленъ былъ на 27 участковъ. Было объявлено, что поступившіе въ карантинъ и больные, по выздоровленіи, будутъ получать денежныя вознагражденія; основанъ былъ сиротскій домъ. платье больныхъ и прочія принадлежности немедленно сожигались; собаки и кошки, появляющіяся на улицахъ, убивались и вывозились за городъ. Теперь возпрещено было хоронить внутри городовъ, при церквахъ и отведены за городомъ мѣста для кладбищъ (П.С.З. 1771 г.). Орловъ настаивалъ на выведеніи изъ Москвы большихъ фабрикъ въ уѣздные города, но противъ этого возражала мануфактуръ-коллегія (уже въ 1773 г.), а потому рѣшено было перевести за городъ только такія фабрики, которыя наносятъ вредъ городу дурнымъ запахомъ и чтобы впредь коллегія, безъ представленія сенату, не давала позволенія на устройство новыхъ фабрикъ (Солов. XXIX, 177-79).[1] Вмѣстѣ съ тѣмъ Орловъ обратилъ вниманіе на дурной составъ духовенства и войска въ Москвѣ (ів), много вредившихъ поддержанію порядка. Въ Москвѣ считалось въ то время до 12,553 домовъ; изъ нихъ до 6,000 были заражены чумою, а въ 3000 др. всѣ жители перемерли. Съ апрѣля 1771 г. по февраль 1772 г. въ больницахъ и карантинахъ содержалось на казенный счетъ 12,565 чел. (Солов. XXIX, 177). Всѣхъ умершихъ за

1). Предохранительныя мѣры издавались правительствомъ въ теченіе 1771 и слѣд. годовъ. (Сп. П.С. Зак. т. XIX, 1771-73).

время чумы считалось 50,000 чел. (Біогр. Орлова, Барсукова, Рус. Арх. 1873 г, 75). Но Екатерина въ письмѣ къ Гримму говоритъ: „городъ этотъ какъ фениксъ возрождается изъ пепла; народонаселеніе значительно уменьшилось вслѣдствіе чумы, которая похитила болѣе 100,000 чел." (Рус. Арх. 1878 г, II, 14; Сборн. т. XXIII), т. е. вѣроятно всего населенія.

Убыль больныхъ шла соотвѣтственно съ возрастаніемъ холоднаго времени: въ октябрѣ количество умирающихъ съ 20,000 пала на 5,000, а въ ноябрѣ совсѣмъ прекратилась болѣзнь. Въ концѣ же ноября гр. Орловъ возвратился въ Петербургъ. Въ честь его была выбита золотая медаль, съ его портретомъ и изображеніемъ Курція, бросающагося въ пропасть, съ надписью: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ"; а въ Гатчинѣ были построены тріумфальныя ворота, съ описаніемъ его гражданскаго подвига (Біогр. Орлова, о чумѣ П.С.З. XIX; Описан. мор. язвы, по выс. пов. 1775; Жизнь Амвросія Д. Б. Каменскаго 1813; Опис. московск. бунта, Алексѣева, Рус. Арх. 1863; Матер. для ист. чумы въ Москвѣ, Кургіянова, Рус. Слово 1860, II; Москва въ 1771 г., - Письма Саблукова, Рус. Арх. 1866; Соловь. Рус. Стар. 1876 и Ист. Рос. XXIX, 147-180; Мордовц. Древн. и Нов. Рос. 1875, 5 и 6; Запѣчка Бюллера, АЭ, въ докум. о Екатеринѣ II; Сборн. Р.И.О. XXVIII, 293).

Новымъ главнокомандующимъ Москвы былъ назначенъ кн. Волконскій, недавно возвратившійся изъ Варшавы. Онъ получилъ наказъ, въ которомъ ему рекомендовалось обратить особенное внима-

ніе на подгородныя села, устройство полиціи и выводъ фабрикъ изъ Москвы. Ему было назначено 12,000 р. въ годъ столовыхъ (Арх. ист. и практич. свѣд. Калачева, годъ 2-й т. II). Онъ состоялъ въ этой должности по 1780 годъ (Е. Каменскій) и Екатерина вела съ нимъ дѣятельную переписку (18 вѣкъ, т. I).

Лекція 29.

Положеніе Польши въ началѣ 1772 г. Побѣды Румянцова надъ турками побудили султана искать мира съ Россіей, вслѣдствіе чего весь 1772 годъ прошелъ въ переговорахъ, а военныя дѣйствія на Дунаѣ ограничивались незначительными столкновеніями небольшихъ отрядовъ, хотя въ началѣ и предполагалось даже сдѣлать диверсію на Константинополь (Арх. госуд. Сов., I)[1]. За то событія, болѣе важныя, произошли на другомъ концѣ - въ Польшѣ. Здѣсь они привели къ первому разделу.

Во все время войны Россіи съ Турціей, Австрія поддерживала поляковъ своими обѣщаніями и тѣмъ побуждала конфедератовъ къ новымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Но въ Австріи конфедераты находили и болѣе очевидную помощь: они собирались на ея территоріи, для новаго

1). Въ январѣ 1772 г., на основаніи доклада военной коллегіи, былъ учрежденъ генеральный штабъ. П.С.З. № 13, 749.

дѣйствія въ случаѣ неудачъ. Франція не могла оказать прямаго содѣйствія, а поддержку обѣщала деньгами и офицерами. Въ это время Дюмурье былъ замѣненъ генер. Віоменилемъ (сент. 1771.). Онъ засталъ конфедератовъ въ разстроенномъ положеніи. Его войско, стоявшее въ Бялой, простиралось до 2,250 чел. Войска конфедератовъ занимали (Пулавскій) Ченстоховъ и Сандомирскій уѣздъ (1,600), другая часть – Островъ, Остроговъ, Одыляновъ (1,500, отрядъ Коссаговскаго), третій отрядъ (Зарембы 2,700) простирался отъ Виндовы до Піотркова. Русскія войска, занимавшія Польшу, состояли изъ 10,500 чел. пѣхоты, 5000 королевскаго войска, которое впрочемъ не оказывало необходимой помощи, и 3,000 волонтеровъ (литов. и казак.).

Въ концѣ января отряду Віомениля (Шуази) удалось овладѣть Краковомъ, благодаря незначительности гарнизона, находившагося тамъ. Но, въ слѣдствіе полнаго недостатка въ военныхъ припасахъ и продовольствія, онъ долженъ былъ запереться въ замкѣ: Вскорѣ однако появился подъ Краковомъ отрядъ Суворова (до 4,000 чел.), а потому до апрѣля Шуази выдерживалъ постоянныя нападенія русскихъ, но, не получивъ поддержки отъ Віомениля, вынужденъ былъ сдаться (15 апр.) на капитуляцію. Дѣйствія отрядовъ Пулавскаго, Коссаговскаго и Зарембы въ Великой Польшѣ, по словамъ самого Віомениля (Lettres), противъ отрядовъ русскихъ (Древица и Лопухина), были также неудачны и стоили полнымъ не-

достаткомъ самыхъ необходимыхъ потребностей. Въ тоже время прусскія войска заняли Познанское герцогство.

Переговоры о раздѣлѣ Польши. Между тѣмъ какъ конфедераты не хотѣли покориться общему плану, а дѣйствовали отдѣльно, прусскія войска заставили Зарембу отодвинуться къ силезской границѣ. Эти дѣйствія были результатомъ состоявшагося соглашенія между Россіей, Австріей и Пруссіей о раздѣлѣ Польши. Въ нѣмецкой литературѣ (начиная съ Курда ф. Шлецера до позднѣйшихъ трудовъ) существуетъ рядъ сочиненій, опровергающихъ инициативу въ раздѣлѣ Польши Фридриха II. Недавно въ Вѣнѣ было издано сочиненіе Беера „Die erste Theilung Polens (1873), основанное на документахъ дрезденскаго, берлинскаго и вѣнскаго архивовъ и съ приложеніемъ самыхъ документовъ, въ которомъ также опровергается мнѣніе касательно инициативы въ этомъ дѣлѣ Фридриха (ему же принадлежитъ изд. донес. Фонъ-Свинтена относящагося къ 1771–75 г.г., вышед. въ Лейпцигѣ въ 1874) Конечно объ инициативѣ Австріи здѣсь не можетъ быть рѣчи. Остается Россія. Но въ такихъ вопросахъ способъ доказательствъ обыкновенно сводится то на первую мысль, то на извѣстный образъ дѣйствій. Мы знаемъ изъ собственныхъ признаній Фридриха, какъ онъ смотрѣлъ на пріобрѣтенія отъ Польши и что онъ подсказывалъ Екатеринѣ то, что она стѣснила брать въ свои руки. Въ это время въ Польшѣ распоряжались уже рус-

скіе, пруссаки и австрійцы. Послѣдніе поддерживали въ полякахъ напрасныя ожиданія. Въ августѣ 1771 г. Панинъ писалъ Сальдерну: „Разумѣется въ Вѣнѣ не желаютъ намъ добра, это по всему видно, и это-то наполняетъ химерами польскія головы, но по всѣмъ вѣроятностямъ одни поляки и будутъ здѣсь обмануты" (Солов. XXVIII, 303). Всѣ переговоры проходили черезъ руки Фридриха, который съ одной стороны велъ ихъ съ фонъ-Свитеномъ, а съ другой будировалъ въ Петербургѣ черезъ Сольмса и въ Варшавѣ черезъ Бенуа и Сальдерна. Онъ высказывался, что Панинъ былъ противъ раздѣла, но въ Совѣтѣ по этому вопросу было прошло большинствомъ голосовъ, такъ какъ русскіе весьма желали угодить императрицѣ, давно стремившейся увеличить свои владѣнія." Въ половинѣ іюня 1771 г. проектъ, составленный въ Берлинѣ, былъ отправленъ въ Петербургъ. По этому поводу въ своихъ запискахъ Фридрихъ говоритъ: „императрица русская почувствовала, что ей нужно было согласіе короля. Она разсудила, что дабы ей вполнѣ можно было разсчитывать на этого короля, слѣдовало предоставить ему нѣкоторыя выгоды; поэтому гр. Панинъ объявилъ гр. Сольмсу, что онъ только ожидаетъ проектъ раз-

1). Въ письмѣ Августа Сулковскаго къ брату (1769 г.) прямо говорится, что Фридрихъ II есть „первый двигатель всѣхъ дѣйствій русскихъ; онъ такъ возбуждалъ эту дерзкую, что наконецъ поляки возстали и изгнали диссидентовъ, которые перешли въ ея владѣнія". Тайно онъ поддерживалъ

дѣла изъ Берлина для приступленія къ переговорамъ по этому предмету". (XVIII вѣкъ, I, 256). Австрія опасалась занятія Россіей Молдавіи и Валахіи и такъ какъ сама искала участія въ пріобрѣтеніяхъ на Дунаѣ (часть территоріи съ Бѣлградомъ), то охотно присоединилась къ предложеніямъ Фридриха, въ чемъ и убѣждаетъ дипломатическая переписка между Вѣною и Берлиномъ (ib. 248-55). Но, въ письмѣ къ Вольтеру, король отвергалъ принадлежность ему плана раздѣла, какъ говорили и современныя газеты и все дѣло сваливали на Екатерину, тѣмъ не менѣе и онъ признавалъ раздѣлъ необходимымъ и благоразумнымъ (ib. 248). Ссылаясь на примѣръ Австріи, Фридрихъ доказывалъ петербургскому двору свои права на нѣкоторыя польскія провинціи, на основаніи прусскихъ архивовъ и документовъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія о доходахъ епископства Варминскаго и производствахъ Маріенбурга, Кульма, Померании. Онъ называлъ Сольмсу то, что хочетъ взять изъ этихъ земель для „округленія своихъ владѣній". Онъ увѣрялъ, русское правительство, что для него должно быть все равно, гдѣ бы оно ни вознаградило себя, такъ какъ война съ Турціей началась изъ-за Польши. Это даже необходимо съ политической точки зрѣнія, для поддержанія равновѣсія, нарушеннаго Австріей и въ вознагражденіе ему, При-

---

даже конфедератовъ и позволялъ имъ закупать въ своихъ владѣніяхъ необходимыя военныя принадлежности и т. п. (18 вѣкъ, I, 221-22).

дриху, за субсидіи, выданныя Россіи по договору 1764. Фридрихъ ручался, что требованія Россіи объ Азовѣ, освобожденіи татаръ и торговлѣ на Черномъ морѣ не встрѣтятъ противодѣйствія со стороны Австріи; но камнемъ преткновенія будетъ Молдавія и Валахія, а потому лучше ограничиться пріобрѣтеніями въ Польшѣ, которыя достигались безъ пролитія крови. Панинъ поставилъ рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ Австріи и Фридрихъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Но Кауницъ перехитрилъ Фридриха: онъ предложилъ Россіи и Пруссіи очистить Польшу, обѣщая, что и Австрія послѣдуетъ ихъ примѣру. Тогда Фридрихъ сталъ побуждать Панина приступить къ раздѣлу, но послѣдній въ сношеніяхъ съ Австріей молчалъ о немъ. Австрія заговорила далѣе съ Фридрихомъ о пріобрѣтеніяхъ въ Молдавіи и Валахіи. Послѣ этого соглашеніе состоялось на счетъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей въ Петербургѣ. Итакъ, если Фридрихъ былъ правъ, что дѣло зависѣло отъ Россіи, то это относится къ самому факту и тому обстоятельству, что Екатерина извѣстною настойчивостью старалась предупредить первые шаги Фридриха съ самого начала своего царствованія и въ дѣлѣ избранія самого Понятовскаго, и въ дѣлѣ раздѣла. Фридрихъ былъ тѣмъ злымъ геніемъ, отъ котораго зависѣла мысль и направленіе дѣйствій, котораго не хотѣла Екатерина отдать въ чужія руки. Вскорѣ Фридрихъ ясно назвалъ тѣ земли, которыя были нужны ему. Ека-

терина не интересовалась ими и просила начертать проектъ, не упоминая о Россіи. Фридрихъ предлагалъ даже, въ замѣнъ отдѣльныхъ земель, дать Польшѣ Молдавію и Валахію, такъ какъ еще при свиданіи его съ императоромъ въ 1770 г. въ Нейштадтѣ Кауницъ сказалъ, что Австрія не желаетъ имѣть русскихъ своими сосѣдями. Но въ тоже время (25 іюня 1771 г.) Кауницъ добился заключенія тайнаго договора съ Турціей, выгоднаго для Австріи и обезпечивавшаго цѣлость Турецкой имперіи.

Приготовленія въ Австріи и займы, сдѣланные его въ Генуѣ и Амстердамѣ, показали Россіи, чего можно ожидать въ случаѣ продолженія войны съ Турціей. Фридрихъ, сообщая о томъ въ Петербургъ, изложилъ свои мысли на случай общихъ дѣйствій противъ Австріи и Турціи и обусловливалъ свое содѣйствіе опять пріобрѣтеніемъ въ Польшѣ. Въ концѣ 1771 г. въ Польшѣ прусскія войска стояли уже въ значительномъ количествѣ и распоряжались, какъ въ завоеванной землѣ. По этому поводу даже Жерарь писалъ, что въ теченіе короткаго времени „прусскій король надѣлалъ Польшѣ болѣе зла, чѣмъ русскіе въ 4 года". Онъ наводнилъ Польшу низкопробною монетою, которую обязывалъ принимать. Въ особенности досталось отъ Фридриха Данцигу, на пріобрѣтеніе котораго онъ не разсчитывалъ. Только въ ноябрѣ послѣдовалъ отвѣтъ Панина на предложеніе Фридриха. Россія отказалась отъ занятія Молдавіи и Валахіи и же-

лага получить Бендеры, Очаковъ или Кинбурнъ и вознаграждение за издержки войны. Она настаивала на введении въ Польшу 20,000 прусскихъ войскъ въ случаѣ движения со стороны Австріи, и особенно движения въ самой Австріи. Въ Польшѣ Фридриху были гарантированы вознаграждения за исключеніемъ Данцига. Но Фридрихъ настаивалъ на объявленіи этого города независимымъ отъ Польши. Условившись съ Россіей, онъ рѣшился занять Польшу, чтобы не дать другимъ державамъ предупредить совершеніе факта и предлагалъ осуществить эту диверсію въ маѣ. Но затѣмъ Фридрихъ сталъ отказываться отъ своего содѣйствія Россіи внѣ Польши. Извѣстіе о раздѣлѣ Польши (напечатанное въ утрехтской газетѣ лѣтомъ 1771 г. и перепечатанное въ многочисленныхъ листкахъ, распространенныхъ въ Польшѣ; Солов. XXVIII, 300) взволновало все населеніе. Россія обвиняла въ томъ Австрію. Правда, Марія Терезія по прежнему стояла на своемъ принципѣ, чтобы пріобрѣтенія Австріи не были куплены на счетъ чести и славы монархіи, доброй вѣры и религіи. Тѣмъ не менѣе, она придвигала свои войска изъ Италіи и Нидерландовъ; Турція, обольщаемая Австріей, дѣятельно готовилась къ четвертой кампаніи: этими средствами думали подѣйствовать на Россію, но еще болѣе убѣдительно дѣйствовалъ Кауницъ на совѣсть „старушки-императрицы", доказывая, что медленность въ польскомъ вопросѣ

можетъ причинить массу бѣдствій ея собственнымъ подданнымъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ самый раздѣлъ. Она продолжала упрекать Іосифа II за свиданіе съ Фридрихомъ, внушившимъ ей такія нечестивыя мысли, какъ раздѣлъ; между нею и сыномъ происходили ежедневныя ссоры; но въ концѣ концевъ дѣло обошлось благополучно: когда всѣ усилія побороть политическій предразсудокъ оказались тщетными Іосифъ и Кауницъ прибѣгли къ болѣе дѣйствительному средству — убѣжденіямъ іезуитовъ. Они отвѣчали, что законы, которыми руководятся государства и государи отличны отъ законовъ, которыми руководятся частныя лица и что въ такихъ случаяхъ императрица можетъ руководствоваться только политическими интересами (дѣла прусскія, Солов. XXVIII, 369-370). Послѣ этого Марія Терезія уступила.

<u>Отношенія Россіи къ другимъ державамъ во время переговоровъ о разделѣ.</u> Во Франціи опасались движенія русскихъ на Константинополь, но герцогъ Эгильонъ, креатура Дюбарри, не былъ способенъ на энергическія мѣры. Онъ постарался даже сблизиться съ Россіей: въ концѣ 1772 г. — повѣренный въ дѣлахъ <u>Сабатье де Кабръ</u>[1] былъ за

1). Нерасположеніе къ Сабатье со стороны Екатерины было такъ велико, что она распорядилась просматривать всѣ его письма. Сборн. XIII, 229, 302. Онъ написалъ враждебную ей книгу о состояніи Россіи: „Catherine II, sa cour

В. Исаниковъ

мѣненъ опытнымъ дипломатомъ Дюраномъ, который хорошо былъ принятъ въ Петербургѣ, но въ это время Густавъ III совершилъ политическій переворотъ въ пользу власти, подъ вліяніемъ событій въ Польшѣ и при содѣйствіи Франціи, что вызвало снова вражду къ послѣдней. Фридрихъ II поспѣшилъ однако успокоить императрицу на счетъ шведскихъ событій, изъ опасенія помощи противъ племянника, которую онъ обязанъ былъ подать по договору съ Россіей; а опасенія на счетъ предпріятія Швеціи противъ Россіи побудили Екатерину ускорить переговоры съ Турціею. Съ другой стороны осенью произошелъ переворотъ въ Даніи, такъ печально окончившійся для королевы (сестры англійскаго короля Георга III, бракъ ея былъ расторгнутъ и она уѣхала въ Англію) и ея любимца Струензе, а это подавало надежду на улаженіе политическаго дѣла, которымъ интересовалась Данія, нуждавшаяся въ содѣйствіи Россіи и по прежнему готовая поддерживать послѣднюю въ случаѣ движенія со стороны Швеціи. Въ маѣ 1772 г. прибылъ въ Петербургъ новый представитель Англіи Робертъ Гуннингъ, которому поручено было поддерживать согласіе съ Россіей, не мѣшать ей въ польскомъ

---

et la Russie en 1772. Berlin. 1862. См. о немъ тоже Рус. Арх. 1863, 481-486. Онъ разсказываетъ, что съ пріѣздомъ его въ Петербургъ (въ 1769 г.) Екатерина распространила слухъ, что Франція зачѣла сверженіе ея съ престола и это дѣло поручила ему (ib. 27)

вопросъ, но и не допускать ее до рискованныхъ предпріятій (относительно Швеціи).

Первый раздѣлъ Польши. Въ это время Мерарь писалъ, что наступившее возбужденіе въ Польшѣ можетъ опрокинуть Россію и Пруссію. Но успѣхи русскихъ войскъ въ концѣ 1771 г. въ Турціи сдѣлали эти надежды тщетными. Тогда Кауницъ, чтобы воспрепятствовать требованіямъ Россіи относительно Турціи, рѣшился ускорить рѣшеніе вопроса о раздѣлѣ Польши, а Фридрихъ снова предоставлялъ Россіи первую роль въ этомъ дѣлѣ. Только въ декабрѣ 1771 г. Панинъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Кауницемъ по раздѣлу Польши, что заставило Кауница побудить и Турцію къ соглашенію съ Россіей. Поведеніе Австріи возбудило было безпокойство со стороны Франціи, но уже 6 февраля 1772 г. состоялся окончательный договоръ между Россіей и Пруссией по этому вопросу, подписанный Панинымъ и Сольмсомъ. Въ договорѣ заявлялось о полной и общей анархіи въ Польшѣ, вредной для сосѣднихъ державъ и о правахъ Россіи на древнія области, принадлежащія Польшѣ. По этому договору Россія получала часть Ливоніи, Полоцкаго палатината, по правой сторонѣ Двины и Витебскаго палатината, отъ Двины къ югу до границы палатинатовъ Витебскаго, Полоцкаго и Минскаго, къ верховьямъ Друти, до впаденія ея въ Днѣпръ и по Днѣпру до Сожи, всего 74,799 □ верстъ. Пруссія получила всю Померанію кромѣ Данцига,

объявленнаго со всею его территоріею свободнымъ; часть Польши по правую сторону Нетцы, начиная отъ границъ Новой Маркіи по р. Нетцѣ, такъ что вся эта р. отходила къ Пруссіи, палатинатъ Маріенбургъ съ Эльбингомъ и епископство Варма, палатинатъ Кульмскій, исключая Торна, оставленнаго во владѣніи Польской республики. Въ маѣ 1772 г. обѣ стороны условились объявить о занятіи Польши Россіей и Пруссіей и предложили Австріи принять участіе въ дѣлежѣ. Мы знаемъ уже переговоры ея съ Фридрихомъ. Сначала она хотѣла сдѣлать обмѣнъ польскихъ владѣній на Силезію, потомъ пыталась пріобрѣсти отъ Турціи Бѣлградъ и Бессарабію, не смотря на свой союзъ съ Турціей. Фридрихъ пригрозилъ даже Австріи, если она будетъ сопротивляться и противодѣйствовать Россіи, введеніемъ своихъ войскъ въ ея предѣлы. Но Австрія и здѣсь загросила почти до самой Варшавы, включая при этомъ богатыя соляныя копи въ Бохніи и Величкѣ (до 1 мил. ефим. дохода). Фридрихъ протестовалъ противъ этого[1]. Между тѣмъ въ

1). Когда (въ апр. 1772) вѣнскій дворъ потребовалъ себѣ всю Галицію и Червонную Русь, по которой польскіе короли величали себя русскими государями, то Фридрихъ замѣтилъ фонъ-Свитену: „Чортъ возьми, господа, у васъ я вижу отличный аппетитъ; ваша доля вижу такъ же велика, какъ моя и русская вмѣстѣ; право у васъ отличный аппетитъ". Фонъ-Свитенъ принялся доказывать ему важность его и русской доли въ политическомъ отношеніи,

Польшу вступилъ изъ Австріи корпусъ Эстергази (20,000). Такимъ образомъ были заняты соляныя копи, а чиновники приведены къ присягѣ. Въ это время краковскій монастырь Тынецъ былъ осажденъ Суворовымъ, но генералъ Дальтонъ хитростью занялъ его. Тогда Суворовъ сталъ грозить ему, что онъ овладѣетъ монастыремъ силою; но Гибикъ, получивъ объ этомъ донесеніе, послалъ туда генерала Романіуса съ тѣмъ, чтобы онъ успокоилъ обѣ стороны и не допустилъ ихъ до открытаго столкновенія (донес. Гибик. у Солов. XXVIII, 365-66).

Не смотря на это, Кауницъ продолжалъ отвергать передъ Фридрихомъ возможность раздѣла. Франція думала даже образовать союзъ съ Россіей и Швеціей противъ этой политики. Съ другой стороны тамъ думали очистить Архипелагъ отъ русскаго флота своими морскими силами. Но Фридрихъ смѣялся надъ этими фантазіями. Въ на-

---

но король отвѣчалъ, что нужно обращать вниманіе на плодородіе почвы, количество населенія, а ему пришелся будто бы только песокъ и снова повторилъ фразу объ „австрійскомъ аппетитѣ". Впрочемъ и здѣсь онъ прикидывался незнающимъ, хотя еще прежде предостерегалъ на этотъ счетъ Панина и совѣтовалъ торговаться съ австр. дворомъ „какъ съ купцомъ". Фридр. и ф.-Свитенъ, 71; Солов. XXVIII, 361-62. „Панинъ, говоритъ Фридрихъ, вовсе не былъ приноравленъ къ хитро-сплетеннымъ увертюкамъ австрійскихъ негоціацій. Его необходимо было постоянно предупреждать объ уготовляемыхъ ему западняхъ и не будь за нимъ внимательнаго присмотра, хн Кау-

чалъ мая 1772 г. 40,000 австрійскихъ, 20,000 русскихъ и 20,000 прусскихъ войскъ заняли уже ближайшія области Польши. Попытки Франціи противодѣйствовать этому дѣлу оказались безплодными. Требованія Австріи заставили увеличить требованія и Россіи, и Пруссіи, но наконецъ Австрія удовлетворилась меньшимъ надѣломъ (прибавкою Львова и соляныхъ копей)[1]. По первому разделу Польша лишилась 3,925 □ миль (актъ 25 іюля 1772 г.)

Переговоры въ Рокиланахъ и удаленіе отъ двора гр. Г. Г. Орлова. Между тѣмъ переговоры съ Турціею заставили обѣ стороны быть сговорчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Свиданіе Фридриха съ Іосифомъ въ Нейштадтѣ, гдѣ послѣдній старался отвлечь Фридриха отъ русскаго союза, убѣдило ихъ обоихъ въ необходимости прекратить русскія завоеванія въ Турціи. Фридрихъ видѣлъ въ нихъ отвлеченіе отъ Польши (XVIII вѣкъ, I), Іосифъ опасался сосѣдства съ Россіей. Переговоры Румянцова съ визиремъ тянулись еще съ 1770 г. и привели къ мысли о необходимости перемирія: для Турціи оно было необходимо въ виду сдѣланныхъ Россіею завоеваній, для Россіи – въ виду общаго положенія дѣлъ въ

ницъ мешалъ бы его то въ одну, то въ другую сторону по своему желанію". (18 Вѣкъ, I, 163).

1) Въ рус. Совѣтѣ Львовъ исключался, такъ какъ въ его архивѣ хранились всѣ акты польскаго шляхетства, и соляныя копи, какъ доходная статья Польши. Солов. XXVIII, 363. Австрія обѣщала условиться съ Польшею о цѣнѣ соли и позволить.

Польшъ. Переговоры были приняты на основаніи status quo въ данный моментъ и съ демаркаціонной линіей по Дунаю. Срокомъ перемирія было положено все время переговоровъ. На этомъ основаніи перемиріе было заключено въ Журжѣ, а конгрессъ былъ назначенъ въ Фокшанахъ. Со стороны Россіи уполномоченными были: гр. Г. Орловъ и т. с. А. М. Обрѣзковъ. На конгрессъ должны были присутствовать и посланники прусскій (Цегелинъ) и австрійскій (Тугутъ). Но здѣсь послѣ продолжительныхъ совѣщаній (съ конца іюля по 28 авг.), конгрессъ прервался, вслѣдствіе несогласія Турціи на полную независимость татаръ отъ Турціи (турецкіе уполномоченные требовали покрайней мѣрѣ оставить за султаномъ инвеституру хана. Петровъ, III, 120). Есть указаніе, что гр. Орловъ во что бы то ни стало желалъ нанести Турціи рѣшительный ударъ, который могъ совершиться по переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай, но Румянцовъ возсталъ противъ этого и между ними возникло крупное несогласіе (Рус. Арх. 1877, III, замѣч. Дмитр. Малинова на книгу Кастера и Солов. XXVIII, примѣч. 207). Говорятъ Орловъ думалъ смѣстить Румянцова и пожать плоды его побѣдъ (Солов. XXIX, 192), подобно недавнему торжеству послѣ московской чумы. Но Румянцовъ нашелъ поддержку въ Н. П. Панинѣ. Въ то время опасались даже паденія Панина и замѣны его З. Г. Черныше-

---

перевезти акты изъ Львова въ Люблинъ, 368.

вымъ. По этому поводу Пунинъ писалъ своему двору: „характеръ Панина, не смотря на всѣ его недостатки, безконечно предпочтительнѣе характера Чернышевыхъ, хотя по дѣятельности и быстротѣ гр. Захара съ нимъ въ одинъ часъ можно сдѣлать больше, чѣмъ съ Паниньмъ въ годъ." (Сборн. XIX). Панину много вредило поведеніе его брата, который, послѣ выхода въ отставку, поселился въ Москвѣ и будировалъ тамъ противъ распоряженій и дѣйствій правительства. И Н. П. Панинъ собирался въ отставку, но его удержалъ отъ этого намѣренія пріятель его, датскій министръ Сгрусберъ (Солов. XXIX, 193)

Дѣйствительно въ перерывѣ переговоровъ играло большую роль участіе въ конгрессѣ гр. Орлова. Вызовъ его отправиться для усмиренія бунта въ Москвѣ былъ принятъ весьма благопріятно его врагами, во главѣ которыхъ стоялъ и Панинъ. Орловы были главными виновниками турецкой войны и морской экспедиціи, что такъ не нравилось Панину. Гр. Орловъ былъ на сторонѣ Екатерины по раздѣлу Польши. Но окончаніе чумы въ Москвѣ послужило только новымъ поводомъ къ триумфу Орлова. Современники прямо говорятъ, что посылка Орлова въ Фокшаны была почетнымъ удаленіемъ его изъ Петербурга. Передъ отъѣздомъ Орлову было пожаловано дорогоцѣнное платье (въ 1 мил. р.). Изъ Петербурга онъ получилъ наказъ не разрывать переговоровъ, но, не дожидаясь отвѣта, уѣхалъ оттуда. По по-

воду поѣздки Орлова на конгрессъ Екатерина писала Бельке: „Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицомъ къ лицу съ этими дрянными турецкими бородачами. Гр. Орловъ, который безъ преувеличенія самый красивый человѣкъ своего времени, долженъ казаться дѣйствительно ангеломъ передъ этимъ мужичьемъ; у него свита блестящая и отборная, и мой посолъ не презираетъ великолѣпія и блеска. Я готова, однако, биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человѣкъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное и, что очень важно, все хорошо, потому что прилежно чѣмъ заняться для него труднѣе всего и до 30 лѣтъ ничто не могло его къ этому принудить. А между тѣмъ удивительно сколько онъ знаетъ, и его природная острота простирается такъ далеко, что, слыша о какомъ нибудь предметѣ въ первый разъ, онъ въ минуту подмѣчаетъ сильную и слабую его сторону и далеко оставляетъ за собою того, кто сообщилъ ему объ этомъ предметѣ." (Сборн. Р. И. О. XIII).

Но мы видѣли, что какъ ни колебалось положеніе Панина, Екатерина по многимъ причинамъ не хотѣла промѣнять его на кого либо другаго. Флегматичный и не легко поддававшійся увлеченіямъ, первый министръ былъ весьма

полезнымъ противовѣсомъ ея собственной увлекающейся натурѣ. Естественно, что поступокъ Орлова вызвалъ негодованіе въ Панинѣ, который прямо называлъ его „бѣшенствомъ и колобродствомъ", онъ поручалъ Обрѣзкову продолжать переговоры съ турками и сдѣлать уступку въ вопросѣ объ инвеститурѣ, въ замѣнъ чего потребовалъ отъ Турціи Керчь и Никале (опасаясь движенія со стороны Швеціи). Но какъ въ этомъ случаѣ, такъ и потомъ осуществленію желаній Россіи мѣшала на конгрессѣ Австрія, поддерживавшая турокъ. Тѣмъ не менѣе произвольный поступокъ Орлова остается такимъ же. Онъ объясняется чисто личными мотивами фаворита. Въ его отсутствіе вниманіе Екатерины было отвлечено (по донес. Сольмса) на гвардейскаго офицера Александра Семеновича Василькова, добрѣйшаго, красивѣйшаго, но пустѣйшаго офицера, мѣткому, по выраженію Соловьева (XXIX, 122). Узнавъ объ этомъ Орловъ поспѣшилъ въ Петербургъ, но ему велѣно было предварительно выдержать карантинъ. Тогда Орловъ долженъ былъ поселиться въ Гатчинѣ. Послѣ этого начались переговоры между нимъ и дворомъ; однако Екатерина не согласилась на свиданіе съ нимъ и назначила ему 150,000 пенсію, 100,000 на обзаведеніе, право жить временно въ ея дворцахъ, пользоваться экипажами, 6,000 душъ крестьянъ, драгоцѣн-

ные подарки вещами, сервизомъ[1] и т. п. Орловъ теперь пожелалъ, чтобы былъ утвержденъ за нимъ титулъ князя нѣмецкой имперіи, которымъ онъ не пользовался до сихъ поръ. Въ декабрѣ 1772 г. ему позволено было даже пріѣхать въ Петербургъ и быть во дворцѣ, но затѣмъ онъ выѣхалъ въ Ревель.[2] Новые наѣзды Орлова въ Петербургъ возбуждали только новые толки. Въ 1774 г. Орловъ поднесъ государынѣ драгоцѣнный алмазъ, купленный у армянина-купца (придворный банкиръ) Лазарева (за 400,000 р.), украшающій теперь императорскій скипетръ (подробности въ Рус. Арх. 1866, 644-646), а еще ранѣе (въ 1770 г.) онъ подарилъ казнѣ великолѣпный домъ, занятый тогда подъ арсеналъ (нынѣ окружной судъ). Но въ началѣ 1774 г. Сольмсъ извѣщалъ уже о новомъ придворномъ переворотѣ, который выдвинулъ на видъ извѣстнаго Гр. А. Потемкина, пріѣхавшаго въ это время изъ арміи и назначеннаго тогда же генералъ-адъю-

---

1). Ему былъ отданъ мраморный дворецъ, который строился въ 1770-83 г., но кн. Орловъ умеръ въ 1783 г., не успѣвъ переѣхать въ него, а потому дворецъ былъ опять купленъ въ казну у его наслѣдниковъ (Георги, опис. Петербурга 71; Сборн. XIII, 272). Въ письмѣ Екатерины, по поводу этихъ условій, снова повторяется ея признаніе Орловымъ: „я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана и пр. (ib. 272). Екатерина хлопочала даже, чтобы ему не давали читать газетъ, въ которыхъ говорилось о его положеніи (подробн. въ Сборн. рус. ист. общ. 270-275).

2). Здѣсь онъ думалъ забыться въ шумѣ увеселеній и баловъ,

фаворитомъ императрицы Потемкину, подобно Орлову; удалось на долго утвердить свое вліяніе при дворѣ, не смотря даже на частныя перемѣны любимцевъ. Съ паденіемъ Орлова власть Панина снова укрѣпилась (Рус. Арх. 1873 г. 76-125; Солов. XXIX, 192-93. Castera, II, 107).

Переговоры въ Бухарестѣ. Послѣ отъѣзда Орлова, визирь завязалъ сношенія съ Румянцовымъ. Такимъ образомъ созванъ былъ новый конгрессъ въ Бухарестѣ, въ апрѣлѣ 1772 г. Представителемъ Россіи тамъ оставался Обрѣзковъ. Перемиріе было опредѣлено по 10е марта 1773 г. Въ этотъ разъ Турція согласилась на допущеніе русскихъ купеческихъ кораблей въ Черномъ морѣ; на прощеніе христіанскихъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, и почти полную независимость татаръ, но вопросъ объ уступкѣ Россіи нѣсколькихъ крѣпостей въ Крыму встрѣтилъ новыя затрудненія, которыя заставили отложить дальнѣйшіе переговоры.

Судьба конфедератовъ. Дѣйствія Сальдерна и Бибикова въ Варшавѣ. Между тѣмъ конфедераты въ Польшѣ потерпѣли полнѣйшую неудачу. Честоховъ былъ сданъ послѣ осады Суворову. Пулавскій, Огинскій уѣхали за границу. Заренба передался королю, а потомъ поступилъ въ прусскую службу (Петровъ, 136).

Препятствія Сальдерна съ поляками

дорого стоившихъ его карману. Рус. Вѣстн. 1865, №2, 674-75).

не привели ни къ чему. Въ хлопотахъ съ ними онъ „потерялъ сонъ и аппетитъ" и просилъ увольнить его. Фридрихъ II называетъ Сальдерна человѣкомъ заносчивымъ и самолюбивымъ; ему не нравились его планы о сѣверномъ союзѣ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ на Панина и есть указаніе, что съ отъѣздомъ его въ Варшаву, Панинъ все болѣе подчинялся Фридриху. (Гуннингъ. Сборн. XIX, 326). Сальдернъ говорилъ даже въ Польшѣ, что прусскій король обманулъ императрицу. Потомъ онъ подбивалъ Данцигъ, Торнъ и Эльбингъ дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы избавиться отъ власти короля прусскаго. Есть также свидѣтельство, что онъ стремился сломить власть магнатовъ въ Польшѣ и уравнять имущественныя отношенія между частными лицами, чтобы примирить большинство поляковъ съ раздѣломъ, но Панинъ не согласился на этотъ проектъ (Солов. XXVIII, 375-77).

Незадолго до отъѣзда изъ Варшавы Сальдернъ донесъ въ Петербургъ объ образѣ дѣйствій главнаго военнаго начальника: „Поведеніе Бибикова, писалъ онъ, вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за слабую сторону: имъ управляютъ женщины, жена маршала Любомірскаго, гетмана Огинскаго и др., подставленныя королемъ, чтобы не дать ему прійти въ себя. Канцлеръ Чарторыйскій, эта старая лисица, вызвалъ съ того же цѣлью изъ Литвы дочь Пронездѣцкаго. Бибиковъ дѣлаетъ все, что эти люди внушаютъ ему по-

средствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобы онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлеченія всякаго рода, сопровождаемыя самою низкою лестью и угодничествомъ со стороны поляковъ, держатъ его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у г-жи Огинской, бывать у которой генералъ Веймарнъ запретилъ русскимъ офицерамъ, по причинѣ поведенія мужа и „фамиліи" и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено, Бибиковъ забывается до того, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Чарторыйскіе и братъ короля.... У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ начало въ его образѣ жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ" (дѣла польск. Солов. Ніід. 374-75). Но Бибиковъ въ половинѣ августа 1772 г. извѣщалъ императрицу о покореніи крѣпости Ченстоховской и объ окончаніи польской войны, о чемъ, что Дурини приписывалъ это невѣрію польскаго общества и собирался поскорѣе уѣхать изъ Варшавы, онъ утверждалъ, что ченстоховскіе монахи будутъ жить съ солдатами уланскаго полка въ большемъ мирѣ, чѣмъ капуцины съ францисканами, постоянно воевавшіе за Канонцонъ св. Франциска (Исторія паден. Польши, приложс. 357).[1] Ужее въ по-

1). Въ это время гр. Румянцовъ такъ писалъ о Сальдернѣ гр. И. Г. Чернышеву: „Г. Сальдернъ, если смѣю думать, кажется крупенекъ, разбудилъ онъ и тѣхъ, коихъ кн.

ловинѣ 1773 г. рѣшено было перевести Бибикова въ первую турецкую армію, оставивъ въ Польшѣ генералъ-поручика Романіуса (Солов. XXIX, 15).

Первые результаты раздѣла Польши

Въ то время какъ раздѣлъ Польши уже былъ рѣшенъ въ принципѣ, францъ-Свитенъ и Фридрихъ вступили въ соглашеніе относительно формы манифеста по поводу этого факта. Австрія хотѣла дать объясненіе своему образу дѣйствія, а Фридрихъ по этому поводу писалъ Сольмсу: „Въ политикѣ общее правило, если неопровержимыхъ доказательствъ нѣтъ, то лучше выражаться лаконически и не очень вдаваться въ подробности. Я знаю очень хорошо, что у Россіи много правъ поступить такъ съ Польшею, но нельзя того же сказать о насъ съ Австріею; такъ что по моему мнѣнію лучше сообразоваться съ идеями кн. Кауница". (Солов. XXVIII, 368).

Мѣсто Сальдерна занялъ въ Варшавѣ О. М. Шакельбергъ (переписка котораго съ Екатериною II съ 1773 г. напечатана въ Рус. Стар. т. III). [1] 7 сентября 1772 г., вмѣстѣ съ Бенуа, онъ представилъ министерству декларацію о раздѣлѣ Польши. Тогда король вступилъ въ переговоры съ приближен-

---

М. Н. Волконскій, буде не исправилъ, то кропотливо своею усилилъ". (Чтенія моск. общ. ист. 1865, II, 137). Въ Петербургѣ были недовольны дѣйствіями Сальдерна (Рус. Стар. т. XIX, 356–57).

1). До того онъ состоялъ съ 1766 г. полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ (Е. Каменскій. I, 91).

ными вслѣдствіе чего возникли новыя интриги, въ которыхъ принималъ участіе и самъ король, заставившій этимъ Штакельберга напомнить ему исторію Польши и гр. Понятовскаго и пригрозить вступленіемъ въ Польшу значительнаго войска. Король покорился, но потомъ объявилъ, что онъ намѣренъ протестовать по поводу декларации — въ Парижѣ. Въ его протестѣ указывались причины настоящихъ безпорядковъ въ Польшѣ и невозможность устранить ихъ при такомъ положеніи вещей. Но послы потребовали исполненія постановленія. Бенуа не совѣтовалъ Штакельбергу удерживать короля, возражая ему словами: „тѣмъ лучше для насъ, мы больше возьмемъ". Потерявши голову, король обратился за совѣтомъ и покровительствомъ къ самой Екатеринѣ (янв. 1773 г.). Въ слѣдъ затѣмъ была дана подробная инструкція представителямъ трехъ державъ (Штакельбергу, Бенуа и Ревицкому) относительно короля и предстоящаго сейма, посвященная основаніемъ новаго устройства Польши, а Штакельбергу даны были особыя наставленія для ограниченія замысловъ короля прусскаго и требованій со стороны Австріи и Пруссіи (касательно соли, пошлинъ). Еще раньше рѣшено было отпустить изъ Калуги польскихъ сенаторовъ. По прибытіи въ Варшаву, Солтыкъ былъ встрѣченъ съ торжествомъ и хотя обѣщалъ русскому послу не вмѣшиваться болѣе въ политику, но сталъ дѣйство-

вать совсѣмъ иначе. „Знайте, что я смолоду учился у іезуитовъ", замѣтилъ онъ Штакельбергу. „Я не учился у іезуитовъ и ненавижу макіавелизмъ", отвѣчалъ ему послѣдній, „религію и нравственность никогда не бралъ я предлогомъ для прикрытія интереса моихъ страстей. Фанатизмъ, личный интересъ, интриги, а не соседнія державы причиною несчастія Польши[1]: здравый смыслъ, истинный патріотизмъ и благоразуміе должны его прекратить." На сеймѣ, собранномъ въ апрѣлѣ, была сдѣлана попытка не допустить до обсужденія вопросъ о раздѣлѣ земель и устройствѣ Польши; но и здѣсь Штакельбергъ заявилъ, что если король не приступитъ къ договору въ теченіе 24 часовъ, то дано будетъ приказаніе двинуть войска, а для большей убѣдительности отрядъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ прошелъ даже черезъ Варшаву, что не замедлило оказать свое дѣйствіе на умы поляковъ. Они давно уже чувствовали тяжесть военнаго занятія страны. „Вся Польша изъ провинціи богатой и населенной превратилась почти въ пустыню, вслѣдствіе занятія прусскими войсками, которымъ она доставляетъ фуражъ и контрибуцію на 40,000 талер. въ мѣсяцъ, тогда какъ ея депутаты на сеймѣ дѣлаютъ все возможное въ нашу пользу", писалъ Штакельбергъ

1). Съ такимъ же обвиненіемъ обращается въ своихъ запискахъ Михаловскій (Древн. и Нов. Рос. 1880 г.)

Панину. (Пруссаки заставляли давать себѣ съѣстные припасы и фуражъ на 30,000 человѣкъ, тогда какъ ихъ было всего 5,000, а русскія войска платили дѣйствительно за все). Разсчетливость въ Вѣнѣ и Берлинѣ доходила до того, по его словамъ, что оба двора желали побольше продержать свои войска въ Польшѣ. И когда три министра согласились наконецъ, что всѣ будутъ платить съ 1го іюля, то прусскій и австрійскій генералы настояли, чтобы недоимка за прежнее время была выплачена сполна, а при взысканіи ея австрійскій генералъ далъ превосходствъ прусскаго, такъ что поляки называли русскихъ ангелами, пруссаковъ — копіями съ человѣчества, а австрійцевъ — діаволами. Такъже точно поступали оба двора въ обозначеніи границъ на своихъ картахъ, называя несуществующія рѣки, которыя прямо привели бы ихъ къ Варшавѣ, по выраженію Штакельберга. Чтобы обезпечить для себя большинство въ палатѣ депутатовъ, союзные министры издержали 8,000 черв. Съ особенною настойчивостью противъ короля говорили: епископъ куявскій Островскій и кн. Сулковскій. Они требовали даже, чтобы собраніе обратилось къ русскому послу съ нотою, въ которой просило бы его назвать виновныхъ въ погибели Польши. Теперь Чарторыйскимъ пришлось выслушать много упрековъ и угрозъ, а королю оставалось одно средство — жаловаться гг-те Жофференъ

на недостатокъ денегъ и войска, чтобы поддержать свои требованія. Ему говорили: „если бы вы получили большинство, то вы перестали бы быть королемъ и остальная бы Польша была подѣлена между нами". И король прусскій имѣетъ это постоянно въ виду.... „Я совершенно завишу отъ милости трехъ дворовъ", замѣчаетъ Понятовскій. Въ вопросѣ о диссидентахъ онъ встрѣтилъ однако поддержку въ представителѣ католической Австріи; но условія будущаго устройства Польши были выработаны имъ и Штакельбергомъ согласно съ петербургскими инструкціями. Они состояли въ слѣдующемъ: „1) Польша должна была навсегда удержать избирательную форму правленія; 2) только природный полякъ (Пястъ) могъ быть королемъ; 3) она сохраняла все свое прежнее республиканское устройство; 4) законодательная власть оставалась у сейма, состоявшаго изъ короля, сената и рыцарства; 5) исполнительная власть была въ рукахъ вновь учрежденнаго постояннаго совѣта, состоявшаго изъ короля, 18 сенаторовъ и 18 сеймовыхъ пословъ. Онъ дѣлился на 5 коммиссій: а) иностранныхъ сношеній; в) полиціи; с) военной; д) юстиціи и е) финансовъ. Дѣло о совѣтѣ окончилось въ 1774 г., но споры о диссидентахъ и границахъ затянулись надолго." Чтобы смягчить эти отношенія

---

1). Чтобы судить о политической нравственности общества въ это время, достаточно указать на то, что учредивъ постановленіе о совѣтѣ, король велѣлъ своимъ при-

въ Петербургъ былъ отправленъ великій гетманъ Браницкій, а въ Вѣну и Берлинъ др. повѣренныя лица. Въ то же время король хлопоталъ при всѣхъ дворахъ Европы на счетъ собственныхъ интересовъ и самодержавія, такъ какъ устѣхъ короля шведскаго окончательно вскружилъ ему голову.

Рѣшеніе диссидентскаго вопроса. Католическая партія, поддерживаемая Австріею, настояла, чтобы шляхта греческаго неуніатскаго исповѣданія и диссиденты не могли быть ни въ сенатѣ, ни въ постоянномъ совѣтѣ; на сеймахъ изъ нихъ не могло быть болѣе трехъ пословъ. Русское правительство уступило, такъ какъ масса православнаго населенія принадлежала къ низшимъ сословіямъ и значительной шляхты среди него было очень мало. (Ист. пад. Польши 147-49; Ист. Рос. XXIX 34-60; 103-106).

Домогательство у Екатерины пр. Генриха прусскаго. По раздѣлу Россіи досталась Бѣлоруссія, генералъ-губернаторомъ которой былъ на-

---

вершенцамъ объявить, что онъ ничего не подписывалъ, а они утверждали, что между королемъ и представителями трехъ державъ не было никакого соглашенія по этому дѣлу. „Только въ Польшѣ могутъ дѣлаться подобныя вещи", писалъ Штакельбергъ Панину. Онъ называлъ Варшавскія улицы неразрывною цѣпью желтыхъ домовъ (Ф. Визинъ, кн. Вяземскаго 1880, 55). О его состояніи духа можно судить по его интимнымъ письмамъ къ Фонъ-Визину (св. 55-57, 226-230) Оффиціальныя документы о первомъ раздѣлѣ (изъ архива

значенъ гр. З. Г. Чернышевъ, которому принадлежала инициатива этого дѣла въ совѣтѣ. Но въ тоже время гр. Генрихъ писалъ Сольмсу, что онъ желалъ бы получить отъ императрицы письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ его осуществленію. „Я имѣю право говорить, писалъ онъ, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, повѣдшихъ къ рѣшительному союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательство болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію." Онъ заявлялъ, что онъ будетъ смотрѣть на письмо императрицы, какъ величайшій монументъ своей славы. Екатерина отвѣчала: „По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше величество можете считать первымъ виновникомъ". (Ист. пад. Польши, 148-49).

Общее заключеніе о состояніи Польши. Чтобы показать какъ смотрѣли на западъ болѣе безпристрастные писатели на этотъ вопросъ, приведемъ мнѣніе извѣстнаго аббата Рейналя: „Феодальное устройство Польши, говоритъ онъ, какое существовало въ остальной Европѣ нѣсколько вѣковъ на-

---

Панинымъ) см. въ Рус. Арх. 1871 и 1872, I, 1-97. Собр. трактат. и конвенц. изд. Мартенсомъ, трактаты съ Австріей, т. II

задъ, рабство народа, охраняемаго мнимою свободою; ея политическій строй — вотъ тѣ причины, которыя должны были повести къ паденію государства. Это конституція можетъ разсматриваться не иначе, какъ собраніе деспотовъ противъ народа. Всякій имѣетъ силу, чтобы воспрепятствовать и никто — чтобы дѣйствовать. Тамъ желаніе каждаго можетъ противиться желанію всѣхъ и только тамъ злой человѣкъ и безумецъ можетъ думать, что онъ восторжествовалъ надъ цѣлою націею" (Петровъ, Ист. Турецкой войны III, 136–150). Замѣчательно также, что и Сабатье де-Кабръ, явно враждебный Екатеринѣ и Россіи, не осуждаетъ раздѣла Польши и не находитъ въ немъ ничего безнравственнаго, а считаетъ его вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ польскихъ неустройствъ; но онъ утверждаетъ, что новыя пріобрѣтенія Россіи будутъ только на географической картѣ и принесутъ ей неисчислимыя затрудненія, тогда какъ Австрія и особенно Пруссія пріобрѣтутъ себѣ существенныя выгоды (Catherine II, sa cour etc. p. 65–69).

Сохранивъ прежній строй Польши, державы только отдалили окончательное паденіе этого государства, но не изцѣлили его и не обезопасили себя отъ новыхъ хлопотъ.

Обратимся къ Турціи.

Лекція 30.

Кампанія 1773 года. Въ началѣ 1773 г. (февр.) переговоры въ Бухарестѣ были прерваны и обѣ стороны готовились къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Визирь, подъ страхомъ всеобщаго разоренія, распорядился набрать 70,000 войска изъ болгаръ, сербовъ и арнаутовъ. Екатерина настаивала на немедленномъ перенесеніи войны за предѣлы Дуная и занятіи страны вплоть до Балканъ. Но Румянцовъ находилъ невозможнымъ начать это движеніе ранѣе апрѣля, вслѣдствіе плохаго состоянія арміи (недостатокъ одежды и т.п.). Численность русской арміи въ это время доходила до 77,000, но, за убылью и множествомъ больныхъ, на лицо всего было 50,543 чел. Главныя силы ея были сосредоточены въ Яссахъ, остальныя части были расположены на Верхнемъ и Нижнемъ Дунаѣ и въ Бессарабіи. Турки занимали крѣпости за Дунаемъ отъ Силистріи до Видина, а ставка визиря находилась около Шумлы. Завѣщательства въ Азіи (Алибей) мѣшали туркамъ вызвать азіатскія войска. Несмотря на настоянія императрицы начать немедленно военныя дѣйствія, Румянцовъ до самой половины апрѣля ограничивался мелкими стычками, но 17 апрѣля туркамъ (2,000) было нанесено пораженіе при Табадагѣ, потомъ подъ Журжею и Туртукаемъ (10 мая, Салтыковымъ и

Суворовымъ). Цѣлый рядъ новыхъ удачныхъ дѣйствій позволилъ, 9 іюня, главной арміи перейти Дунай и открыть дѣйствія противъ Силистріи, сильно укрѣпленной. Турецкія войска подъ Силистріей (Османъ-паша) были разсѣяны (здѣсь дѣйствовали Суворовъ и Каменскій), но, не получивъ подкрѣпленія отъ отряда Салтыкова, русскіе не могли овладѣть крѣпостью (30,000 непріятеля). Но пораженіе турокъ при Кучукъ-Кайнарджи (Голицынъ и Вейсманъ, причемъ послѣдній былъ убитъ) заставило визиря оставить Шумлу и уйти въ Румынію. Однако силы турокъ были такъ значительны, что русскія войска должны были перейти на лѣвый берегъ Дуная. Затѣмъ въ октябрѣ отряды барона Унгерна и кн. Долгорукова, снова перейдя Дунай, нанесли туркамъ совершенное пораженіе у Карасу, взяли турецкій лагерь и множество военныхъ припасовъ. Турки потеряли болѣе двухъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ; но они не могли взять Варны и Шумлы и снова вернулись на эту сторону Дуная. Войска Румянцова расположились на зимнія квартиры въ Дунайскихъ княжествахъ.

Неудовольствія противъ Румянцова. Положеніе Румянцова въ это время было крайне тяжелое. Гр. Чернышевъ, управлявшій военною коллегіею, былъ настроенъ противъ него. Орловъ писалъ ему, что публика негодуетъ на его способъ войны. Послѣднему онъ отвѣчалъ: „Если бы такой былъ парламентъ, въ который можно бы позвать общество

на судъ и если бы теперь рѣшали дѣла примѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ ареопага, я бы счелъ говелъ съ нашею публикою: кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ? Вѣкъ провождая въ потѣ и трудахъ, не вкусилъ я той радости, что ощущаемъ, получа воздаяніе своимъ заслугамъ... Пускай забыты дѣла прежнія, я ихъ не вспоминаю, но неужели настоящее положеніе мое не трогаетъ публику, когда торжествуютъ войска надъ отоманами, гдѣ ни сражаются въ помощь водныя стихіи (намекъ на гр. Орлова), но все учреждаетъ непрерывный трудъ. Изъ Рима и изъ Греціи неудовольство публики прогоняло лучшихъ полководцевъ, ихъ заслуги припоминали только въ нуждѣ, а иногда и поздно. Но мой жребій по видимому къ тому же преклоняетъ мое отечество"(1)... Поэтому онъ ставилъ милость и дружбу Орлова „стѣною", о которую сокрушатся всѣ ухищренія ищущихъ ему зла. По словамъ Гуннинга Екатерина также находилась въ большомъ горѣ. Она тяготилась предстоящимъ шестымъ наборомъ (съ 1767 г.), такъ какъ за все это время было взято уже 300,000 рекрутъ. Утвердивъ его, она предложила озаботиться сохраненіемъ здоровья новобранцевъ и прекращеніемъ злоупотребленій при наборахъ (Сборн. XIII, 354-355). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Совѣтѣ - снова былъ возбужденъ вопросъ о мирѣ, къ которому склонялось большинство

1). Результатомъ этихъ слуховъ и жалобъ Румянцова было обширное письмо къ нему Екатерины II, Сборн., XIII, 349-351.

но, по прежнему, рѣшительнымъ противникомъ его былъ гр. Орловъ. Состояніе флота, какъ кораблей, такъ и людей, по заявленію Ал. Орлова, оказывалось недостаточнымъ для новаго предпріятія. По этому поводу Екатерина выразила неудовольствіе на ходъ какъ сухопутной, такъ и морской войны. Но уже въ октябрѣ того же года изъ Кронштадта была отправлена новая эскадра, подъ начальствомъ Грейга

Перемѣна въ Крыму. Положеніе Крыма требовало также вниманія. Мечты Калги Шагинъ-Гирея, хотѣвшаго образовать одну державу изъ крымскихъ татаръ и прикавказскихъ народовъ, при содѣйствіи Россіи, и привить къ нимъ плоды европейской цивилизаціи, оказались неосуществимыми на дѣлѣ. Отчетъ Шагина о его пребываніи въ Россіи, данный предъ собраніемъ знатнѣйшихъ лицъ, не нравился татарамъ. Послѣ этого онъ сложилъ съ себя званіе, а императрица позволила ему поселиться въ Полтавѣ и назначила на содержаніе его по 1,000 р. въ мѣсяцъ (Солов. XXIX, 18-33).

Политика Фридриха II и отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Вѣрный до конца своей политикѣ, Фридрихъ продолжалъ удерживать Россію отъ рѣшительнаго движенія за Дунай и указывалъ на замыслы Австріи относительно Турціи. Онъ совѣтовалъ Россіи смягчить условія мира. Австрія стремилась утвердить свое вліяніе въ Польшѣ, а съ другой стороны захватить что нибудь и у Турціи, для чего (1774 г.) она ввела да-

же отрядъ войска въ Молдавію (именно въ Буковину). Переворотъ въ Швеціи побудилъ Россію принять мѣры на случай нападенія на сѣверѣ, но военныя приготовленія удержали на этотъ разъ короля отъ рискованнаго предпріятія. Переворотъ же, происшедшій въ Даніи, и замѣна министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Остена гр. Бернсторфомъ (племянникомъ преемника) ускорила разрѣшеніе вопроса объ обмѣнѣ Даніи голштинскихъ владѣній на Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Въ это время представителемъ Россіи въ Копенгагенѣ былъ уже Ив. Матв. Симолинъ[1]. Хлопоты Россіи о заключеніи Англіею субсидіарнаго договора съ Даніей - неудались. Въ половинѣ 1773г. постъ русскаго посланника въ Парижѣ занялъ кн. И. С. Барятинскій (Арх. Госуд. Сов. I, 254)[2], которому бы-

1). Онъ былъ сынъ шведскаго проповѣдника въ Ревелѣ и вступилъ на службу въ иностранную коллегію въ 1743г., а затѣмъ служилъ при Корфѣ и Н. И. Панинѣ въ Копенгагенѣ; въ 1758г. пожалованъ резиденторомъ къ имперскому собранію въ Регенсбургѣ, гдѣ оставался по 1768г. Въ 1774г. онъ замѣнилъ И. А. Остермана въ Стокгольмѣ. Особенными дипломатическими качествами онъ не отличался. Въ этомъ отношеніи отдаютъ предпочтеніе его старшему брату Карлу Густаву, бывшему 18 лѣтъ представителемъ Россіи въ Митавѣ, извѣстному знатоку нѣсколькихъ языковъ. Б. Каменскій, I, 44-48. Ольденбургъ и Дельменгорстъ были отданы во владѣніе младшей линіи голштинскаго дома. Арх. Госуд. Сов, II, 763-764.

2). Въ началѣ турецкой войны кн. Д. А. Голицынъ былъ перемѣщенъ въ Гагу, а въ Парижѣ оставался повѣренный въ дѣ-

ла дана подробная инструкція о русской политикѣ, причемъ ясно было высказано, что Франція есть главный врагъ могущества Россіи. Но вскорѣ затѣмъ умеръ Людовикъ XV, а съ нимъ сошелъ со сцены и герц. Эгильонъ. Мѣсто его занялъ гр. Верженъ (изъ Швеціи), но король на первыхъ же порахъ обнаружилъ намѣреніе прекратить всякія субсидіи, напрасно расточаемыя Франціею другимъ державамъ, а это равнялось обезпеченію Россіи отъ французскихъ интригъ въ Польшѣ и Швеціи. Таково было положеніе политическаго міра Европы, когда долженъ былъ разрѣшиться вопросъ о мирѣ съ Турціею (Солов. XXIX, 60-90, 108-116).

Переговоры о мирѣ и условія мира.

Уже въ началѣ 1774 г. рѣшено было въ Совѣтѣ смягчить условія мира до послѣдней степени, съ чѣмъ опять не согласился гр. Гр. Орловъ; предполагалось даже оставить вопросъ о Молдавіи и Валахіи, а жителей ихъ переселить въ Россію, но съ подобнымъ азіатскимъ средствомъ не могъ согласиться гр. Румянцовъ. Онъ рѣшился еще разъ попытаться счастья въ интересахъ болѣе обезпеченнаго мира. Но слухъ, объ оставленіи Дунайскихъ княжествъ въ подданствѣ Турціи, измѣнилъ настроеніе жителей въ отношеніи къ Россіи. Видя постоянную свою слабость въ полѣ, турки въ 1774 г. старались сосредоточиться въ крѣпостяхъ, въ которыхъ и заключалась

гахъ - Хотинскій (о немъ Арх. Госуд. Сов. I, 42, 65, 74, 78, 191, 374).

ихъ собственная сила: Русскія же войска, удаленныя отъ границъ, не могли пользоваться своевременною доставкою всегомогательныхъ средствъ и др. потребностей. Въ тоже время Румянцовъ предлагалъ снова открыть дѣйствія въ Архипелагѣ, усилить русскую флотилію въ Азовскомъ морѣ и предпринять осаду Очакова, для отвлеченія турокъ отъ главной сцены дѣйствія. Между тѣмъ умеръ Мустафа и султаномъ былъ провозглашенъ Абдулъ-Гамидъ. Тогда, при посредствѣ прусскаго посланника Цегелина, были начаты новые переговоры о мирѣ. Условія, поставленныя для переговоровъ о мирѣ Россіею, были слѣдующія: возстановленіе мира и общая амнистія; независимость Грузіи и уничтоженіе подати, доставлявшейся оттуда мальчиками и дѣвочками; обѣ Кабарды должны были отойти къ Россіи; выдача дезертировъ; неприкосновенность русскихъ министровъ въ Константинополѣ; право свободнаго посѣщенія православными святыхъ мѣстъ; взаимное право построенія селеній и крѣпостей — это были пункты, принятые въ Бухарестѣ, другіе были приняты, но не были подписаны (объ Азовѣ, свободѣ крымскихъ татаръ, постройка русскихъ церквей въ Константинополѣ, свобода плаванія въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, о признаніи титула за русскою императрицею). Спорными пунктами представлялись: уступка Россіи Керчи и Еникале съ уѣздами и свободное плаваніе руc-

скихъ кораблей по Черному морю, не ограничивая ихъ торговыми. Но тогда императрица потребовала уступки Очакова и Кинбурна, а въ крайности послѣдняго. Главною цѣлью въ этихъ уступкахъ было - соглашеніе по вопросу о крымскихъ татарахъ. Екатерина предписывала Румянцову не щадить средствъ для достиженія этой цѣли. По обыкновенію переговоры затянулись вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ, но турки желали совсѣмъ избавиться отъ невыгодныхъ условій. Между тѣмъ въ маѣ корпусъ Каменскаго перешелъ Дунай, отрядъ Суворова дѣйствовалъ на Нижнемъ Дунаѣ, другіе - подъ Шумлою, Силистріею и Рущукомъ (Салтыковы и Румянцовъ). Крѣпостямъ грозила уже сдача. Наконецъ отрядъ войскъ былъ отправленъ за Балканы, какъ желала императрица. Все это побудило (24 іюня) визиря хлопотать объ открытіи новыхъ переговоровъ. Теперь Румянцовъ заявилъ, что онъ готовъ вести ~~ихъ~~ только на условіяхъ полнаго мира. Когда уполномоченные прибыли въ лагерь Румянцова, (со стороны Россіи былъ назначенъ кн. Н. В. Репнинъ), онъ назначилъ имъ 5-дневный срокъ до конца переговоровъ. Такъ были рѣшены вопросы о вольности татаръ, объ уступкѣ Россіи Керчи и Еникале съ уѣздами, Кинбурна и Азова и о свободномъ плаваніи русскихъ коммерческихъ судовъ, объ уплатѣ Россіи 7½ мил. піастровъ (4½ мил. руб.). 10 іюня состоялось заключеніе мира въ деревнѣ Кучукъ - Кайнарджи. Вопросъ о татарахъ и объ амнистіи, о святыхъ

мѣстахъ и о равноправности русскихъ подданныхъ въ Турціи съ французскими, о русскихъ консулахъ не встрѣтили болѣе сопротивленія. Порта обѣщала теперь „твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго (арт. 3.) а получая обратно Бессарабію и оба Дунайскія княжества, она гарантировала имъ свободное исповѣданіе вѣры, свободное владѣніе собственностью, правильное взиманіе податей и т. п. (арт. 7). (П. Собр. Зак. и Договоры Россіи съ Востокомъ, изд. П. Юзефовичемъ, Спб. 1869). Румянцову дарованъ былъ титулъ Задунайскаго, а Долгорукову - Крымскаго.

Дѣйствія русскаго флота въ 1773-74 г.г. Русскій флотъ въ теченіе 1773-74 г.г., подъ начальствомъ Орлова и Спиридова, ограничивался блокадою береговъ въ Архипелагѣ. Узнавъ о мирѣ, Австрія пыталась захватить Дунайскія княжества, но она встрѣтила ужесточоръ со стороны Россіи.[1] Это обстоятельство послужило предлогомъ для замедленія ратификаціи трактата въ Константинополѣ. Была сдѣлана даже попытка, при помощи хана Сагибъ-Гирея, захватить и Крымъ. Все это приходилось улаживать Румянцову, лежа въ постели, въ мучительной болѣзни. Тогда на помощь ему снова былъ присланъ Репнинъ.[2]

---

1). О происках Австріи въ Валахіи въ 1774 г. см. письма Румянцова, Рус. Арх. 1865, стр. 869.

2). Бумаги его за время переговоровъ и посольства въ Константинополь въ Сборн. Рус. Ист. Общ. т. V и VI. Въ промежуткѣ до его назначенія состоялъ повѣреннымъ въ Константинополѣ

Вмѣстѣ съ тѣмъ относительно Крыма было сдѣлано существенное ограниченіе, имѣвшее весьма важныя политическія послѣдствія — это право инвеституры хана султаномъ, утвержденіе судей константинопольскимъ каді и провозглашеніе имени султана на молитвахъ въ мечетяхъ. Попытка татаръ втянуть въ свои интересы и ногаевъ, поселившихся на Кубани, не удалась. Начальство надъ ними теперь было ввѣрено Шагинъ-Гирею, причемъ отпущено на его расходы до 30,000 р; но при немъ былъ назначенъ приставомъ полковникъ Бринкъ. Шагинъ-Гирей же съ своей стороны предложилъ проектъ объ утвержденіи его на крымскомъ престолѣ, для чего просилъ прислать ему войско и денегъ (100,000 р.) Планъ этотъ былъ одобренъ, но отклоненъ Румянцовымъ вслѣдствіе ратификаціи договора съ Турціею. Впослѣдствіи намъ снова придется встрѣчаться съ предпріимчивымъ ханомъ (Солов. XXIX, 96-103). Въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ждали окончанія турецкой войны, въ виду грознаго внутренняго потрясенія, разразившагося на восточной Украинѣ. Мы разумѣемъ Пугачевскій бунтъ. Но только въ началѣ 1775 г., когда Турція исполнила всѣ обязательства, русскія войска выступили изъ княжествъ.

полковникъ Петерсонъ. Журналъ его за время переговоровъ въ Чтен. Московск. общ. ист. 1865, II, 300, 313-330. Турецкимъ посломъ въ Петербургѣ былъ назначенъ Бегиеръ-бей. Арх. Госуд. Сов. I, 292.

Бунтъ Беніовскаго. Время турецкой войны не обошлось безъ опасныхъ политическихъ движеній внутри и внѣ Россіи. Мы разумѣемъ бунтъ Беніовскаго въ отдаленной части Сибири и появленіе самозванки Таракановой за границею. Оба они думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи въ слѣдствіе турецкой войны и находились въ тѣсной связи съ событіями происходившими въ Польшѣ.

Беніовскій былъ родомъ венгерецъ, участвовалъ въ польской конфедераціи 1768 г., былъ взятъ въ плѣнъ и обязался не участвовать болѣе противъ русскихъ, но снова принялъ участіе въ конфедераціи и захваченъ вторично въ началѣ 1769 г., сосланъ въ Казань, но бѣжалъ въ Петербургъ, желая уѣхать на кораблѣ изъ Россіи; въ ноябрѣ снова попался и былъ сосланъ въ Камчатку. Тамъ находились уже политическіе арестанты прежняго времени: Пановъ, Степановъ, Батуринъ, жившіе въ Большерѣцкомъ острогѣ[1], въ которомъ было всего 70 чел. гарнизона. Въ томъ же острогѣ встрѣтились они съ С. Гурьевымъ, Хрущевымъ и др. Сговорившись между собою,

---

1) Сосланные недавно: первые два за порицаніе правительства, разговоры о смерти Петра III, о неудовольствіи народа противъ Орловыхъ и въ защиту правъ вел. кн. Павла Петровича. Батуринъ былъ сторонникъ правъ Петра III и предсказывалъ его появленіе. Другіе два ихъ собесѣдника Жилинъ и Озеровъ были сосланы въ Нерчинскъ. Солов., т. XXIX, 181-189; о Батуринѣ статья Барсукова въ Древн.

они убѣдили жителей, что страдаютъ невинно за права вел. кн. Павла Петровича; въ 1771 г. бросились на стражу, истребили нѣкоторыхъ, убили капитана, захватили военные запасы и привели остальныхъ къ присягѣ на имя великаго князя. Затѣмъ, завладѣвъ стоявшими въ заливѣ водахъ судами, эта эскадра (болѣе 100 чел.) сѣла на нихъ и отправилась въ море; у береговъ Японіи ихъ не приняли; на о-въ Формозѣ ихъ встрѣтили открытою силою; тогда они пристали къ берегамъ Китая, гдѣ выдали себя за русскихъ купцовъ. Но деспотизмъ Беніовскаго, запрещавшаго русскимъ даже молиться по своему, вызвалъ заговоръ противъ него, который онъ усмирилъ при помощи китайцевъ, выдавъ виновныхъ, какъ бунтовщиковъ противъ мѣстной власти. Въ дальнѣйшемъ плаваніи многіе изъ этой эскадры погибли[1], а Беніовскій съ остальными на двухъ фрегатахъ прибылъ во Францію и напечаталъ въ Парижѣ пышную реляцію о своемъ путешествіи, порицая въ ней дѣйствія русскаго правительства. Онъ представилъ французскому правительству проектъ завоеванія острововъ Формозы и Мадагаскара, но русскіе спутники, при посредствѣ русскаго посольства, возвратились въ Россію, были прощены императрицею и поселились уже въ сибирскихъ городахъ на свободное жительство.

и Нов. Россіи, 1876 г.

1). Пановъ, Турчаниновъ, Бантышъ

Беніовскій же вступилъ въ австрійскую службу и потомъ былъ убитъ на Мадагаскарѣ въ спорѣ съ французами. Жители Бельцерыцка подвергись было допросамъ по этому дѣлу, но затѣмъ оно было совсѣмъ прекращено (Рус. Арх. 1865 г, Соловь. XXIX, 181-85; Рус. Стар., XVI, Бунтъ Беніовскаго, Стибнева, Графъ Блудовъ и его время, Ковалевскаго, приложенія). Вниманіе правительства вскорѣ было отвлечено болѣе серьезнымъ предпріятіемъ, чѣмъ похожденія авантюриста — появленіемъ за границею самозванки, выдавшей себя за дочь императрицы Елисаветы и законную наслѣдницу русскаго престола.

Самозванка Таракановa. Современники называютъ ее то дочерью прагскаго трактирщика, то дочерью нюренбергскаго булочника, то наконецъ дочерью султана или одного знатнаго поляка. Она знала французскій и нѣмецкій языки, отчасти англійскій и итальянскій, но по русски и по польски не говорила. 1772 и 73 г.г. она провела въ странствованіи по Германіи, Швейцаріи, Франціи и даже Англіи. Въ Парижѣ она сошлась съ Мих. Огинскимъ, надольнымъ гетманомъ литовскимъ, членомъ польской конфедераціи, посланнымъ въ Парижъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ къ Людовику XV съ протестомъ противъ намѣреній трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Связи ея съ владѣтельными особами Германіи и французскими вельможами придавали ей таинственность. Уже въ это время, съ цѣлью поль-

зоваться вліяніемъ и кредитомъ, она выдала себя за Елисавету, дочь императрицы Елисаветы Петровны.[1] Поляки питали надежды на свои сношенія съ авантюристкою. Но окончательно роль ея опредѣлилась, когда она сошлась съ К. Радзивиломъ, коронным маршаломъ генеральной конфедераціи, обладавшимъ громадными богатствами, идоломъ шляхты, извѣстнымъ тогда подъ именемъ „пана коханка". Онъ жилъ преимущественно въ прусскомъ краѣ и по временамъ наѣзжалъ въ Парижъ. Говорятъ, что Радзивилъ еще въ 1767 г. взялъ къ себѣ на воспитаніе какую-то дѣвочку подъ именемъ дочери Елисаветы Петровны. (Касдера, II, 80). Впослѣдствіи самозванка заявила, что о своемъ происхожденіи она ничего не знаетъ и смутно помнитъ свое дѣтство. Она отличалась рѣдкою красотою, имѣла много поклонниковъ, проживала большія деньги. Она жила подъ разными именами, но въ Парижѣ стала выдавать себя за русскую и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ принцессы Владимірской. Въ Пейсѣ же она согласилась выйти замужъ за владѣтельнаго князя Лимбурга (іюль 1773 г.), гдѣ по прежнему мистифицировала относительно

---

1). Императрица Елисавета находилась въ тайномъ бракѣ съ гр. А. Г. Разумовскимъ (Разсказъ объ этомъ гр. С.С. Уварова, который былъ женатъ на послѣдней въ родѣ Разумовскихъ — Екатеринѣ Алексѣевнѣ Разумовской, въ

своихъ правъ, получила отъ князя графство Оберштейнъ, вступила въ связь съ знатнымъ русскимъ (по намекамъ гр. А. Орлова, это былъ И. И. Шуваловъ). Отбросивши отъ себя кн. Лимбурга, авантюристка вступила (осенью 1773 г.) въ сношенія съ агентомъ Радзивила. Политическія затрудненія Россіи, движеніе на Яикѣ, недовольствіе на Екатерину Орловыхъ и семейныя несогласія, вслѣдствіе отношеній къ императрицѣ первой супруги Павла Петровича подавали надежду политическимъ врагамъ Екатерины на возможность и успѣхъ серьезной смуты въ Россіи. Уже въ концѣ 1773 г. въ Оберштейнѣ распространился слухъ о пребываніи тамъ Елисаветы, дочери императрицы, а въ началѣ 1774 г. состоялось свиданіе ея съ Радзивиломъ въ Цвейбрюкенѣ. Послѣ этого въ одномъ изъ своихъ писемъ Радзивилъ писалъ самозванкѣ: „Я смотрю на предпріятіе вашего величества, какъ на чудо Провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страною. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню". Теперь у нихъ созрѣлъ планъ опереться на поддержку Турціи, недовольной Россіею, обратиться съ манифестомъ къ русской арміи, находившейся въ турецкихъ областяхъ, въ которомъ заявить о правахъ дочери Елисаветы на русскій престолъ, свергнуть съ пре-

---

Чт. М. О. И. 1863, III).

стола Екатерину и Станислава Понятовскаго, а Польшу возстановить въ томъ видѣ, въ какомъ она была при саксонской династіи. Самозванка увѣдомила кн. Лимбурга, что Людовикъ XV одобрилъ этотъ планъ, а также поѣздку ея и кн. Радзивила въ Венецію и Константинополь. Но Огинскій уклонился отъ этого приглашенія. Въ это время мѣсто польскаго посла при версальскомъ дворѣ занялъ гр. М. Віельгорскій. Въ Венеціи ее ожидалъ кн. Радзивилъ. Но его денежныя дѣла были теперь въ критическомъ положеніи, такъ какъ онъ отказался возвратиться въ Польшу и на его имѣнія было наложено запрещеніе. Въ нѣмецкихъ газетахъ печатали уже о Пугачевѣ, какъ союзникѣ принцессы. Въ Венеціи для нея приготовленъ былъ домъ французскаго посольства. Въ свитѣ принцессы здѣсь появились гр. Потоцкій, сдѣлавшій во главѣ польской генеральной конфедераціи, гр. Пржездецкій, староста гинскій и многіе другіе. Ее посѣщали другіе иностранцы. Отсюда они отправились въ Константинополь, но противные вѣтры пригнали корабль къ Рагузѣ (въ іюлѣ 1774 г.). Рагуза, враждебно относившаяся къ Екатеринѣ, приняла ихъ съ распростертыми объятіями, а домъ французскаго консула сталъ центромъ польско-французской экспедиціи. Отсюда самозванка писала письма къ султану, гр. Ал. Орлову и Н. И. Панину. Въ Рагузѣ вполнѣ

созрѣлъ планъ ея дѣйствій. Здѣсь были составлены: воззваніе къ русскому флоту, стоявшему въ Ливорно, и подложенныя завѣщанія Петра I и Елисаветы съ экстрактомъ изъ дѣйствительнаго завѣщанія Екатерины I. Были распущены нелѣпыя басни о прежней судьбѣ принцессы и будущихъ ея планахъ, объ отношеніяхъ ея къ персидскому шаху и Пугачеву. Когда стало извѣстнымъ объ этомъ въ Петербургѣ, то гр. Ал. Орлову поручено было (въ ноябрѣ 1774 г.) слѣдить за нею, а онъ разослалъ своихъ агентовъ: Воиновича и Рибаса[1]. Послѣдній поѣхалъ по ея слѣдамъ, въ Неаполь и Римъ (нач. 1775). Заключеніе мира и усмиреніе пугачевскаго бунта произвели охлаждающее впечатлѣніе на участниковъ авантюристки. Французскій дворъ отрекся отъ всякаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, а Радзивилъ оставилъ ее на произволъ судьбы въ Рагузѣ; у нея обнаружились признаки чахотки. Тѣмъ не менѣе она не унывала еще. Въ Римѣ она вошла въ близкія сношенія съ іезуитами и папскимъ дворомъ (черезъ аббата Рокопани, оставившаго о ней записку);

---

1). Іосифъ де-Рибасъ, въ послѣдствіи адмиралъ, родомъ итальянецъ, вступилъ въ 1772 г. въ русскую службу. Вскорѣ онъ женился на воспитанницѣ И. И. Бецкаго и успѣлъ такимъ образомъ обезпечить свое положеніе въ Россіи. Онъ прославился своими интригами, такъ что Суворовъ, говоря объ умѣ и интригахъ другихъ, любилъ повторять:

получила денежную помощь и, отказавшись отъ связи съ конфедератами, рѣшилась дѣйствовать уже въ пользу Станислава Понятовскаго; думала повидаться съ нимъ и отправиться въ Константинополь. Въ домѣ ея собирался небольшой кружокъ-друзей, причемъ сама принцесса доставляла имъ удовольствіе своею прекрасною игрою на арфѣ; она обозрѣвала картинныя галлереи и памятники искусства; она прекрасно рисовала и имѣла свѣдѣнія въ архитектурѣ. Но при этомъ она очень нуждалась въ деньгахъ. Въ такое-то время (въ нач. февр.) агенту Орлова легко удалось обмануть принцессу и доставить ее въ Пизу, гдѣ находился уже Орловъ. Онъ представился ей, оказывая ей должное почтеніе, выѣзжалъ съ нею открыто и даже сдѣлалъ ей предложеніе, но она отклонила его до тѣхъ поръ, когда она будетъ на своемъ мѣстѣ. Отсюда они поѣхали въ Ливорно, гдѣ стояла русская эскадра. При этомъ важную услугу оказалъ Орлову англійскій консулъ сэръ Дэсонъ-Дикъ. Ливорнцамъ Орловъ былъ извѣстенъ своими великолѣпными и чудовищными зрѣлищами; такъ, еще недавно, заказавъ одному художнику картину Чесменскаго боя, онъ устроилъ на рейдѣ блистательныя эволюціи русскаго флота, причемъ даже сожженъ былъ одинъ корабль. Теперь онъ предложилъ русской княжнѣ сдѣлать смотръ своей

„Его и Рибасъ не проведетъ". (Б. Каменскій, 313).

эскадръ, гдѣ, послѣ торжественнаго пріема и завтрака, она была арестована съ двумя поляками, ее сопровождавшими, и отправлена съ контръ-адмираломъ Грейгомъ въ Петербургъ. Всѣ протесты ея оставались тщетными, ее увѣрили, что Орловъ также арестованъ. Вмѣстѣ съ вещами принцессы были конфискованы и бумаги польской генеральной конфедераціи.

Во время плаванія она была окружена всевозможнымъ попеченіемъ; но тосканскій дворъ былъ сильно раздраженъ поступкомъ Орлова. Въ городѣ онъ произвелъ общее негодованіе. 11 мая корабли прибыли въ кронштадскій рейдъ; Грейгъ былъ произведенъ за это въ вице-адмиралы[1]; Орлова ожидали большія почести по случаю мира: онъ получилъ серебряный сервизъ въ 60,000р, въ честь его воздвигнутъ былъ памятникъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора (въ Царскомъ Селѣ), а возлѣ Петербурга построенъ былъ дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ, названный „Чесма". Тѣмъ не менѣе Орловъ не пользовался уже большимъ значеніемъ: онъ поселился въ Москвѣ и велъ тамъ разгульную жизнь (женившись на А. Н. Лопухи-

1). Сам. Карл. Грейгъ, родомъ шотландецъ, вступилъ въ русскую службу въ 1769 г., а по заключеніи мира съ Портою, былъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадта. Журналъ его о первомъ походѣ русскаго флота въ Архипелагъ напеч. въ Отеч. Зап., т. XIII - XV, XVIII. Въ русскомъ флотѣ находилось также много англ. лоцмановъ

ной[1].

Плѣнница была помѣщена въ Петропавловской крѣпости, гдѣ съ нея и ея спутниковъ были сняты показанія фельдмаршаломъ Голицынымъ.

<u>Ея показанія</u>. Изъ ея бумагъ и показаній нельзя было извлечь опредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ она не могла сообщить точныхъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи и главныхъ виновникахъ ея настоящей роли. Она показала, что была крещена по греко-восточному обряду и провела дѣтство въ Киль; но прибавляла, что въ жизни своей никогда не исповѣдывалась. Въ письмахъ къ императрицѣ она подписывалась лаконически: Elisabeth, что такъ возмущало Екатерину, видѣвшую въ этомъ обманъ и упрямство. Чтобы вынудить у нея признаніе, были употреблены въ дѣло угрозы, но она ничего не прибавила новаго. Болѣе всего отъ нея добивались показаній относительно полученія ею завѣщаній Петра I, Екатерины I и Елисаветы. Она отвѣчала, что всѣ документы и письма, которыя она имѣла и посылала, сообщены ей готовыми. Ея спутники сообщали свѣдѣнія о ея личныхъ связяхъ и отношеніяхъ, которыя мы привели выше. Въ это время ей было всего

Арх. Госуд. Сов., I, 263.

1). Нѣкоторые считаютъ матерью погибшаго сына его Андрея Ал. <u>Чесменскаго</u>, служившаго въ гвардіи, — самозванку.

23 года; но бурная жизнь и приключенія молодости совершенно растроили ея здоровье. Она умерла отъ родовъ, въ чахоткѣ, въ Алексѣевскомъ гдѣ и была погребена, въ декабрѣ 1775 г., слѣдовательно задолго до наводненія, бывшаго въ Петербургѣ (1777 г.) и послужившаго, въ связи съ ея судьбою, сюжетомъ извѣстной картины Флавіцкаго (княжна Тараканова, 1863 г), вполнѣ невѣрной исторически. Преданіе гласитъ, что Орловъ посѣтилъ ее передъ смертью но долженъ былъ уйти отъ ея проклятій. Кн. Радзивилъ жилъ въ это время спокойно въ своемъ Несвижѣ, примирившись съ королемъ и императрицей. Огинскій также воспользовался благоволеніемъ Екатерины; строилъ извѣстный каналъ, названный по его имени, и по временамъ посѣщалъ Петербургъ. Поляки и прислуга, взятые съ самозванкой въ Петербургъ, были теперь отпущены и получили деньги на дорогу. (Матер. и документы, сообщенные гр. В. Н. Панинымъ. Сп. М. О. И. 1867, т. I; бумаги, сообщ. К. К. Злобинымъ, Сборн. Р. И. О. т. I, Свѣдѣнія о ней въ Рус. Арх. 1865 г; записка Блудова въ соч. Ковалевскаго: „гр. Блудовъ и его время"; матер. въ Рус. Бесѣдѣ 1859 г., II, съ запискою аб. Рокотани; статьи Лонгинова въ Рус. Вѣстн. 1859, т. XXIV и Мельникова, въ Рус. Вѣстн. №№ 5, 6, 8, и отдѣльно).

У нѣкоторыхъ современниковъ (Шлецеръ, Кастера, Гельбигъ) сохранились извѣстія о дѣтяхъ императрицы Елисаветы, носившихъ

фамилію Тараканових, по имѣнью гр. Разумовскаго въ Малороссіи, но такого имѣнія вовсе не существовало тамъ (Мельниковъ, ib № 5), а весьма вѣроятно, что здѣсь дѣло идетъ о племянникахъ Разумовскаго Дарганъ (въ капиръ фурьер. журналахъ Дарагановыхъ), находившихся на попеченіи гр. Алексѣя Кириллыча. Поэтому нѣкоторые отвергаютъ и самыя предположенія о существованіи дѣтей императрицы Елисаветы Петровны (Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, I, 280–288).

Лекція 31.

Внутреннее состояніе Россіи во время первой турецкой войны. Учрежденіе при дворѣ Совѣта. По случаю объявленія войны Россіи Турціею, въ 1768 г., императрица учредила при Дворѣ Совѣтъ, для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны. Сначала Совѣтъ имѣлъ характеръ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала сама императрица и своими устными или письменными предложеніями назначала предметы для разсужденія Совѣта. Такихъ собраній было 10. Но ужѣ въ началѣ 1769 г. Совѣту былъ данъ характеръ постояннаго учрежденія, засѣданія котораго въ такомъ видѣ начались съ 22 января. Такимъ образомъ въ кругъ занятій Совѣта вошли всѣ важнѣйшія мѣропріятія

правительства, относящіяся къ ходу военныхъ дѣйствій сухопутныхъ и морскихъ, внутреннія распоряженія, дипломатическія сношенія и переговоры съ иностранными дворами, чрезвычайные налоги, внѣшніе займы, разсмотрѣніе бюджета, учрежденіе и устройство банковъ; мѣры къ прекращенію моровой язвы, пугачевскаго бунта; наблюденія за образомъ дѣйствій и движеній сопредѣльныхъ съ Россіею магометанскихъ народовъ, постоянно возбуждаемыхъ Портою къ нападенію на Россію; торговыя сношенія съ Бухарою Ташкентомъ, Китаемъ и Японіей; дѣла, относящіяся къ государственнымъ и губернскимъ учрежденіямъ; къ разнымъ состояніямъ, къ государственному благоустройству, благочинію и уголовному праву. 1 декабря 1774 г. въ Совѣтѣ читалось присланное императрицею письмо кн. Шаховскаго о способѣ прекратить въ Имперіи несправедливости; въ 1779 г. императрица передала для прочтенія въ Совѣтъ „краткое начертаніе дѣлъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ государыни императрицы Екатерины II" по выслушаніи котораго оно было взято членами по домамъ для составленія примѣчаній. Въ первое время письменныя записки императрицы передавались иногда въ Совѣтъ на имя правителя канцеляріи Стрекалова. Въ ея отсутствіе протоколы Совѣта представлялись на ея утвержденіе („быть по сему"). Но императрица очень часто сама при-

существовала въ Совѣтѣ и предлагала вопросы для обсужденія. Въ совѣтѣ она выразила желаніе, чтобы члены не только свободно изъясняли свое мнѣніе, но и оспаривали ея мысли. Высочайшія повелѣнія по предметамъ, подлежавшимъ обсужденію или уже обсужденнымъ въ Совѣтѣ, объявлялись послѣднему гр. Н. И. Панинымъ, кн. А. А. Вяземскимъ, кн. Г. С. Потемкинымъ и другими начальниками отдѣльныхъ управленій, но съ 1781 г. почти исключительно гр. А. А. Безбородкомъ. Проекты манифестовъ, инструкцій посламъ, рескриптовъ главнокомандующимъ, дипломатическихъ сообщеній и отвѣтовъ иностраннымъ дворамъ, а также проекты указовъ по внутреннимъ дѣламъ обыкновенно прочитывались и исправлялись въ Сенатѣ. Въ засѣданіи 16 августа 1770 г. былъ поднятъ вопросъ о недостаткахъ „положенія о Совѣтѣ", причемъ Екатерина предложила представить ей необходимыя измѣненія, но этотъ вопросъ остался безъ дальнѣйшаго движенія.

Уже въ самомъ началѣ положено было членамъ Совѣта собираться два раза въ недѣлю (понедѣльникъ и четвергъ), но иногда онъ созывался и въ другіе дни. Совѣтъ собирался то въ мѣстѣ резиденціи императрицы (Царское Село[1], Петергофъ), то въ Петербургѣ. Но когда члены Совѣта

---

1). Въ то время оно называлось еще Сарскимъ (П. С. Зак. № 13834-13835) Исторія его написана Ив. Яковкинымъ (Спб), 3 ч. 1829-31 г.

замѣтили, что нарочныя собранія его обращаютъ на себя вниманіе, то постановили назначить еще одинъ день для постоянныхъ собраній (въ субботу). Въ случаѣ путешествія императрицы, Совѣтъ или слѣдовалъ за нею, или вовсе прекращалъ свои занятія, а министерскія донесенія отправлялись къ императрицѣ. Мы знаемъ уже составъ Совѣта (см. лекцію 26) въ первое время его существованія, причемъ нѣкоторые изъ членовъ не принимали участія въ его засѣданіяхъ по случаю другихъ порученій, возложенныхъ на нихъ (кн. А. М. Голицынъ и П. И. Панинъ, назначенные главнокомандующими во время войны; кн. М. Н. Волконскій, состоявшій посломъ въ Польшѣ). Въ 1770 г. императрица назначила членомъ Совѣта вице-президента адмиралъ-коллегіи гр. И. Г. Чернышева; а въ 1774 г. повелѣно было присутствовать въ немъ генералъ-поручику А. Г. Потемкину.

Члены Совѣта давали особую присягу, обѣщая всѣ дѣла, поступающія на его разсмотрѣніе, „хранить въ наиглубочайшей тайнѣ." (Сов. въ царств. имп. Екатерины II, Арх. Госуд. Сов. т. I; I–XVI).

Сенатъ. Такимъ образомъ сенатъ уступилъ первенствующее значеніе Совѣту. Присутствуя весьма часто въ засѣданіяхъ послѣдняго, императрица не присутствуетъ болѣе въ сенатѣ, а объявляетъ ему свою волю письменно или черезъ генералъ-прокурора. Впрочемъ и теперь черезъ сенатъ проходятъ отчеты и проекты всѣхъ коллегій (объ учрежд. горнаго учил. при берг-коллегіи), не исключая даже синода (объ-

ты о доходахъ и расходахъ); отъ губернаторовъ и начальниковъ отдѣльныхъ управленій (по воспит. учрежденіямъ Бецкаго). (Градовскій Высшая администрація въ Рос. въ XVIII стол., 219-220).

Въ концѣ 1774 г. президентъ главнаго магистрата гр. Толстой и прокуроръ Сушковъ были отрѣшены сенатомъ отъ своихъ должностей за неправильное баллотированіе членовъ въ московскій магистратъ (журн. сената, Солов. XXIX, 117-20). Онъ смягчаетъ наказаніе лицамъ, осужденнымъ юстиц-коллегіей за подлогъ Луганской станицы (св. 118). Но по прежнему дѣла въ низшихъ инстанціяхъ тянутся весьма долго (напр. объ убійствѣ поручикомъ Дубасовымъ приказчика граф. Разумовской - 10 лѣтъ, причемъ подсудимый содержался все это время въ тюрьмѣ), а императрицѣ приходится напоминать сенату объ его обязанностяхъ (св. 117-118). По прежнему, сенату предоставлено было тѣ дѣла, по которымъ существуютъ ясные законы, рѣшать безъ доклада императрицѣ (П. С. Зак. № 13,555). Въ 1774 г. сенатъ повторилъ постановленіе 1767 г. (11 дек.) о введеніи во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ дневныхъ журналовъ и докладныхъ реестровъ съ точными резолюціями, которыя всегда могли бы быть подкрѣплены законами (№ 13,022; 14,150). Онъ требовалъ отъ нихъ ежемѣсячныхъ донесеній о ревизіи денежной казны (14,169, о наказаніи за взятки ассес. Шишкова № 14,170). Въ предупрежденіе невѣрныхъ свѣдѣній онъ подтвердилъ, что по всѣмъ дѣламъ касающимся общенароднаго свѣдѣнія и всей Имперіи, имѣютъ силу только одни печатные указы (14,047,

ср. 13,782). Но главною заботою сената въ разсматриваемый періодъ были — приведеніе къ окончанію государственного межеванія и наблюденіе за правосудіемъ. Такъ въ случаѣ неявки владѣльца, планы и книги подлежали все таки утвержденію и отсылались въ межевую экспедицію (П.С.З. 13, 179); назначены были строгія наказанія за противодѣйствіе и насиліе землемѣрамъ, какъ со стороны владѣльцевъ, такъ и крестьянъ (14,187 и 14,191); межевыя канцеляріи и конторы должны были наблюдать за скорѣйшимъ обмежеваніемъ земель и представлять ежегодно о количествѣ обмежеванныхъ дачъ и сочиненныхъ плановъ (14,185); наконецъ онѣ должны были представить въ экспедицію генеральныя карты на каждый уѣздъ особо и общія для каждой провинціи (14,213). Уже въ 1774 г. генералъ прокуроръ заявилъ сенату, что не существуетъ точныхъ извѣстій о разстояніи мѣстъ отъ каждаго города до другихъ сосѣднихъ мѣстъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ, а равно свѣдѣній о направленіи дорогъ, рѣкъ, мостовъ, встрѣчающихся на нихъ, и сенатъ распорядился послать во всѣ канцеляріи губернскія, провинціальныя и воеводскія, чтобы оттуда были высланы означенныя свѣдѣнія (Солов. XXII, 121).

Въ отношеніи судопроизводства сенатъ заботился объ ускореніи рѣшеніи въ юстицъ-коллегіи и др. судебныхъ мѣстахъ по дѣламъ, касающимся заключенныхъ (14,092; 14,155)[1];

1). Интересный рескриптъ Екатерины II противъ волокитъ

о незаключеніи подъ арестъ оговоренныхъ преступниками прежде снятія допросовъ (13,776; 13,870); о замѣнѣ для ссыльныхъ женщинъ отдаленной ссылки мѣстными работами (14,142), и о назначеніи для больныхъ и привилегированныхъ состояній другихъ способовъ содержанія (13,975; 14,167 и 14,203). Сенатъ распорядился опубликовать тѣ постановленія Уложенія (11 и 12 гл.), которыми опредѣлялось наказаніе за насиліе и причиненіе побоевъ (13,055).[1] Сенатъ воспретилъ консисторіямъ вмѣшиваться

юстицъ-коллегіи на имя президента ея А. А. Яковлева (1774) въ Сборн. Р. И. О., XIII, 411.

Въ другой современной записки Екатерина напоминаетъ, чтобы мѣстная администрація и генералъ-губернаторы не мѣшались въ дѣло суда. Ibid. 355-356.

1). Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи указъ Екатерины придворной и конюшенной конторамъ (6 мая 1771 г): „Хотя мы, говоритъ она тамъ, съ начала нашего царствованія уже запретили, чтобы никто при дворѣ нашемъ изъ ливрейныхъ нашихъ служителей, какого бы званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ; но нынѣ увѣдомились мы, къ нашему удивленію, что, не смотря на сіе наше повелѣніе, воля наша не исполняется и паки при дворѣ нашемъ возобновилась злая привычка ливрейныхъ нашихъ служителей бить. Мы, имѣвъ въ омерзеніи всѣ суровости, отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя, накрѣпко запрещаемъ, подъ опасеніемъ нашего гнѣва, всѣмъ до кого надлежитъ отнюдь никого и ничѣмъ не бить"..... Взамѣнъ этого она предложила виновныхъ наказывать:

въ дѣла гражданскаго суда (13, 797). Въ Малороссіи святотатство должно было наказываться по Литовскому статуту (14, 140). Въ 1769 г. сенатъ разсматривалъ весьма интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло о колдунахъ, появившихся въ печерской волости г. Яренска. По заявленію синода въ числѣ ихъ были мужчины и женщины и они заражали другихъ не только отвращеніемъ отъ православія, но и разными болѣзнями посредствомъ червей. Сенатъ, принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, постановилъ: отдать мужчинъ въ солдаты, оставя при нихъ женъ ихъ, а незамужнихъ женщинъ и дѣвицъ велѣлъ сослать на поселеніе въ Сибирь. Но, прежде чѣмъ рѣшеніе достигло Яренска, колдуны, сознавшіеся въ своемъ отпаденіи отъ вѣры и сношеніяхъ съ дьяволомъ, который, по ихъ словамъ, приносилъ имъ червей и этими червями они портили людей, были отправлены въ сенатъ[1]. Здѣсь они заявили, что они схвачены сотскимъ по злобѣ къ нимъ кликушъ и что въ яренской канцеляріи ихъ нещадно били и тѣмъ вызвали сознаніе въ ихъ винѣ, которой они не признавали теперь за собою. Поэтому яренскій

выговоромъ, арестомъ и содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе 2 сутокъ, а въ случаѣ неисполненія и др. преступленій предавать суду. Указъ этотъ былъ объявленъ также служителямъ. Рус. Арх. 1878, I, 133. Тоже въ П. С. З. 13, 603.

1). Замѣчательно, что въ показаніяхъ колдуновъ объ ихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчаются черты, общія подобнымъ же процессамъ на Западѣ. Соловьев. XXIX, пр. 26.

воевода и его товарищъ были отрѣшены сенатомъ отъ должности, а мнимыхъ чародѣевъ велѣлъ отпустить. Въ 1770 г. сенатъ издалъ предостереженіе судьямъ отъ неправильныхъ слѣдствій и рѣшеній по дѣламъ о колдовствѣ и чародѣйствѣ и о наказаніяхъ кликушъ плетьями, какъ обманщицъ (А13, 427). Въ 1772 г. состоялось постановленіе, чтобы архіереи и другія духовныя лица не вступались въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ и волшебствахъ, такъ какъ эти дѣла подлежатъ гражданскому суду (Журн. сената у Солов. XXIX, 119-120). Не менѣе характерно для исторіи нравовъ и отношеній сената къ подобнымъ дѣламъ дѣло о многократно слышанномъ звонѣ въ соборной церкви въ Уфѣ. Сенатъ, находя въ этомъ какую нибудь естественную причину, поручилъ, въ 1771 г., изслѣдовать это дѣло оренбургскому губернатору. Шумъ, происходившій въ колокольнѣ, по донесенію архитектора, напоминалъ собою шумъ отъ пчелинаго роя, а при ломкѣ купола оказалось, что причиною его былъ желѣзный крестъ въ главѣ колокольни съ проволокою, и сенатъ сдѣлалъ заключеніе, что воевода въ этомъ случаѣ сдѣлалъ донесеніе по легкомыслію и суевѣрію, и велѣлъ изыскать причину только для того, чтобы тамошній народъ вывести изъ заблужденія, а потому и впередъ сенатъ рекомендовалъ въ подобныхъ случаяхъ поступать осмотрительнѣе (тв., 119).

Такимъ элементарнымъ требованіямъ приходилось сенату наставлять мѣстную администрацію. Дѣятельность новгородскаго губернатора Сивер-

ся сенатъ ставилъ въ образецъ другимъ. Въ 1769 г. онъ прислалъ свѣдѣнія о числѣ родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ за прошлый годъ, а сенатъ рѣшилъ потребовать подобныя же свѣдѣнія и о другихъ губерніяхъ (Солов. 121).[1]

Привилегированныя провинціи. Въ провинціяхъ, находившихся на особыхъ положеніяхъ, по прежнему правительство встрѣчало открытое противодѣйствіе и нежеланіе подчиниться общимъ законамъ. Такъ лифляндскій

---

1). Составъ сената въ теченіе разсмотрѣннаго періода значительно измѣнился (см. 1-е вып. стр. 114-115). Еще въ 1764 въ него вошли: А. В. Олсуфьевъ, кн. А. С. Козловскій, ген. пор. Ѳ. Ѳ. Муравьевъ, Ѳ. С. Милославскій, Ѳ. И. Соймоновъ, В. В. Абадуровъ, Никита Желябужскій, С. Ѳ. Протасовъ (Сборн. Р. И. О. VII, 339-340). Затѣмъ были назначены: ген. пор. П. Д. Еропкинъ (1765), ген. аншефъ И. Ѳ. Глѣбовъ (1766 г., управлявшій столицею въ 1767 г., во время путешествія Екатерины по Волгѣ, переписка съ нимъ, Рус. Арх. 1867, 342-363, (Ср. Сборн. X, 170). Д. В. Волковъ (1770 г.), ген. пор. А. П. Мельгуновъ (съ 1773, презид. камеръ-коллегіи), ген. рекс-мейстеръ Н. И. Масловъ (1773, до него эту должность исполнялъ И. И. Козловъ, Сборн. рус. Ист. Общ. X, ср. Б. Камен), президентъ коммерцъ-коллегіи гр. А. Р. Воронцовъ (1773), фельдмарш. кн. А. М. Голицынъ (съ 1774, Сборн. рус. ист. общ. XXVIII, 16), И. П. Елагинъ и Г. Н. Теплов (съ 1768 г. Полн. Собр. Зак. XVIII, 13, 150; Сбор. X, 321); М. Г. Собакинъ, членъ иностранн. коллегіи и управлявшій московск. архивомъ, написавшій соч. о старинныхъ чинахъ и должностяхъ, 1773 г, Б. Камен. V, 70), генер.-

генер. губернаторъ Брогунъ доносилъ, что лифляндское дворянство не поспѣшало выбрать предводителя по окончаніи двухлѣтняго срока (съ 1766 г.), и сенатъ долженъ былъ напомнить, чтобы дворяне немедленно приступили къ избранію, а иначе съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ (№ 121). Сенатъ сдѣлалъ также напоминаніе, чтобы служащіе въ рижской, ревельской и выборгской канцеляріяхъ старались пріобрѣсти совершенное знаніе русскаго языка и что такимъ будетъ отдаваться предпочтеніе при замѣщеніи высшихъ должностей. При этомъ сенатъ требовалъ, чтобы, при представленіи о кандидатахъ на послѣднія, обозначалось, кто изъ нихъ знаетъ и кто не знаетъ русскаго языка (П.С.З. № 13, 376). Въ это время произошло переименованіе украинскихъ и заканскихъ ландмилицкихъ полковъ въ драгунскіе и пѣхотные полки и сра-

---

аншефъ, графъ Я. А. Брюсъ (Сборн. X, Б. Камен.), ген. поруч. Ник. Ив. Чичеринъ (X), генер. пор. Ив. А. Бекеровъ (бывшій астраханск. губерн. съ 1773, Б. Кам.), московск. губернат. О. И. Остерманъ (Б. Кам.). Мѣста Щеглова и Елагина (у принятія прошеній) заняли ген. майоръ Стрекаловъ и Козицкій, лишившій себя жизни въ концѣ 1775 г. (Сборн. X, 321).

Въ то же время выбыли изъ сената И. И. Неплюевъ, ум. въ ноябрѣ 1773; гр. Бестужев.-Рюминъ 10 апр. 1766 г., А. Б. Бутурлинъ въ 1767 г., гр. М. Л. Воронцовъ въ 1767 г., А. И. Шуваловъ въ 1769, А. С. Сумароковъ, увол. въ янв. 1766 (Сборн. III, 235),

вненіе ихъ съ полевыми полками (13,230; 13,532), вызвавшее неудовольствіе какъ въ западной, такъ и восточной Украйнѣ, вслѣдствіе чего казаки яицкаго войска были освобождены отъ легіонной службы (13,538).

Бѣлоруссія. Въ 1772 г. къ Россіи присоединена была Бѣлоруссія. Эти земли были раздѣлены на 2 губерніи, причемъ къ одной изъ нихъ была присоединена часть Новгородской. Новыя губерніи были названы Псковскою (5 провинцій: 2 великорусскія - псковская и великолуцкая и три присоединенныя отъ Польши - двинская, полоцкая и витебская) и Могилевскою (3 провинціи - могилевская, оршанская и рогачевская). Губернскими городами въ нихъ были назначены: Опочка и Могилевъ, а губернаторами (2 мая 1772 г. П. С. 3, 13,807 - 13,808): генер. майоръ Кречетниковъ и Коховскій, генер.-губернаторомъ же обѣихъ губерній - гр. З. Г. Чернышевъ. При самомъ принятіи этихъ земель въ русское подданство, сенатъ высказалъ мысль, чтобы сначала сколько можно, уравнять жителей въ правахъ съ прочими русскими подданными, дабы такимъ образомъ пресѣчь имъ поводъ къ притязанію какого либо особаго права на будущее время въ видѣ вѣчной привилегіи, какъ это дѣлали Лифляндія, Эст-

---

П. Г. Чернышевъ † въ авг. 1773, кн. Алексѣй Дм. Голицынъ † янв. 1768, кн. Як. П. Шаховской, увол. въ 1766 г. († въ 1777), генер.-адмир. кн. М. М. Голицынъ († въ мае 1764), Н. А. Корфъ († апр. 1766).

ляндія и Финляндія, причиняя большія затрудненія правительству. Поэтому сенатъ полагалъ необходимымъ подчинить ихъ юстицъ-коллегіи, вотчинной коллегіи и др. общимъ учрежденіямъ, но учредить въ нихъ департаменту и назначить въ послѣдніе необходимое число переводчиковъ польскаго языка, такъ какъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство совершается еще на этомъ послѣднемъ. (Солов. кн. 121–122). Эти основанія были утверждены императрицею (глава генер. губ. и наказъ губернаторамъ, см. моск. общ. ист. 1862, и П.С.З. № 13,888). Жители новыхъ провинцій были переписаны и подчинены поголовной подати (13,865)[1], но съ освобожденіемъ отъ нея на полгода (13,923), а съ 1774 г. еще на полгода; введены русскія мѣры и вѣсы (Рус. Вѣстн. 1870 г., № 10, 417), учреждены новыя почты (13,911); право принятія подданства по принесеніи присяги отсрочено до 15 янв. 1773 (13,912); православное населеніе подчинено управленію псковской и могилевской епархіи (13,921), уніаты – своему архіепископу, а католики во всѣхъ русскихъ городахъ – католическому епископу, причемъ папскія буллы не могли быть обнародованы безъ разрѣшенія императрицы (13,922 и жалованная гра-

1). По 70 коп. съ души. Съ евреевъ же положено было брать по 1 р., что доставляло въ годъ 12,509 р. Въ 1779 г. подать съ крестьянъ была уменьшена до 35 к., а съ евреевъ до 50 к. Города платили больше. Рус. Вѣстн. 1870, № 10, 384, 416–18, П.С.З. № 14,892.

мѣта на установленіе Бѣлорусской католической епархіи, 2 ноября 1773 г. № 14,122); преступники, приговоренные къ ссылкѣ, подвергались работамъ на мѣстѣ (14,126). Жителямъ бѣлорусскихъ губерній дозволялось выбрать предводителей дворянства, городскихъ головъ и депутатовъ къ сочиненію проекта новаго Уложенія (13,938). Лица, принесшія присягу, сохранили за собою аренды и староства, пожалованныя имъ польскими королями или полученныя по наслѣдству, а староства, оставшіяся свободными отъ владѣльцевъ, подлежали продажѣ съ публичнаго торга; причемъ деньги, вырученныя за нихъ, присоединялись къ камеральнымъ доходамъ (13,957, ср. Арх. госуд. Сов. II,370). Въ новыхъ губерніяхъ были учреждены губернскіе, провинціальные и земскіе суды, установленъ порядокъ выбора судей и дѣлопроизводства (13,977). Допущена была вольная продажа вина (Арх. госуд. Сов. II,287). Наконецъ правительство озаботилось устройствомъ крѣпостей въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерніяхъ (13,826; Нѣкоторые акты перепечатаны также въ Рус. Арх. 1863 г.).

Впрочемъ администрація не вездѣ стояла на высотѣ своего призванія въ новомъ краѣ. Такъ въ мстиславской провинціи происходили въ самомъ началѣ весьма печальныя несогласія между властями и жителями сопровождавшіяся нерѣдко убійствомъ, а насе-

А. Ихонинъ

леніе не могло найти защиты; воеводы рѣдко являлись въ канцелярію и дѣла рѣшали на дому; помѣщики польскіе не хотѣли подчиняться требованій канцеляріи и возбуждали крестьянъ противъ военныхъ командъ; наносили обиды солдатамъ и даже умерщвляли ихъ (Соловь., XXIX, 122-123).

Устройство бѣлорусской церкви. Положеніе римско-католической церкви въ присоединенномъ краѣ обратило на себя особенное вниманіе императрицы. Во главѣ католическаго духовенства въ Россіи былъ поставленъ бѣлорусскій епископъ Станиславъ Сестринцевичъ. Въ консисторіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ сосредоточены были всѣ дѣла внутренняго церковнаго управленія, причемъ, какъ епископъ, такъ и канцелярія были непосредственно подчинены правительствующему сенату, сношенія же съ Римъ правительство предоставляло исключительно себѣ, строго подтвердивъ епископу и всему духовенству не принимать никакихъ папскихъ буллъ, а всѣ такія буллы и посланія препровождать прямо въ сенатъ. Затѣмъ, въ 1773 г., императрица, при личномъ свиданіи съ Сестринцевичемъ, словесно приказала ему не обнародовать въ Россіи папской буллы Климента XIV (21 іюля 1773 г) объ упраздненіи ордена іезуитовъ, а въ началѣ слѣдующаго года она объявила, чтобы находящіеся въ бѣлорусскихъ губерніяхъ іезуиты оставались

тамъ по прежнему и продолжали преподавать науки въ коллегіяхъ мѣстнымъ уроженцамъ католическаго исповѣданія. Вскорѣ затѣмъ (в февр. 1774 г.) обнародована была жалованная грамота на учрежденіе бѣлорусской католической епархіи, послѣ чего отъ Сестринцевича неоднократно требовалось, чтобы онъ открылъ новиціатъ для ордена іезуитовъ, но онъ постоянно уклонялся. Только въ августѣ 1778 г. утверждена была грамота папою Піемъ VI на имя епископа, по которой все монашествующее духовенство Бѣлоруссіи подчинялось епископскому управленію, а въ слѣдующемъ году Сестринцевичъ, по желанію императрицы, подписалъ окружное посланіе о разрѣшеніи іезуитамъ принимать въ свое общество новиціатовъ. Однако, еще въ 1772 г. въ своемъ указѣ бѣлорусскимъ губернаторамъ, Екатерина признавала іезуитовъ за вѣроломнѣйшихъ изъ всѣхъ католическихъ монашескихъ орденовъ и потому воспретила этому обществу въ Бѣлоруссіи всякую непосредственную зависимость отъ его генераловъ и ихъ распоряженій, несогласныхъ съ законами Имперіи. Цѣль эта должна была достигаться означеннымъ устройствомъ католической церкви въ Россіи. Долгая же существованіе іезуитскаго ордена въ предѣлахъ Имперіи вопреки папскому опредѣленію и желанію католическихъ державъ, Екатерина хотѣла воспользоваться іезуитами на соль-

ко, на сколько они, по своей дѣятельности, были полезнѣе, чѣмъ прочіе, впавшіе въ совершенную лѣность, католическіе монашескіе ордена (Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуит. новиціата кн. М. А. Оболенскаго, Сборн. Р. И. О. I; Самаринъ и Мороскинъ, Іезуиты въ Россіи)[1]. Съ этимъ вопросомъ намъ предстоитъ еще встрѣтиться въ своемъ мѣстѣ.

Распоряженія относительно иновѣрцевъ и иностранныхъ колонистовъ. Въ тоже время Екатерина дала жалованную грамоту и регламентъ петербургской католической церкви (13, 251; 13, 252); распорядилась отвести мѣсто въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ для постройки армянской церкви (13, 464);

---

1). Въ Совѣтѣ было выражено мнѣніе, что оставлять училища въ вѣдѣніи іезуитовъ вредно правленію, но высылка ихъ изъ Бѣлоруссіи или запрещеніе имъ имѣть училища могутъ однако-же огорчить тамошнихъ жителей и поэтому должно оставить ихъ до времени въ нынѣшнемъ состояніи. Арх. госуд. Сов, II, 206-207. Еще въ 1769 г. Екатерина оправдывала іезуитовъ въ письмѣ къ Вольтеру; она считала ихъ невинными, а изгнаніе ихъ изъ Португаліи, Испаніи и Франціи несправедливымъ. Поэтому уже тогда она готова была принять тѣхъ изъ нихъ, кто пожелалъ жениться и поселиться въ Россіи (Сборн. X, 248). Совершенно такое смотрѣлъ на іезуитовъ и Фридрихъ II, не захотѣвшій изгнать ихъ изъ своихъ владѣній послѣ

армянамъ разрѣшено было строить церкви въ Петербургѣ и Москвѣ и исправлять прошенія, вопреки указамъ Елисаветы объ иновѣрныхъ храмахъ (13, 525). Чтобы устранить при этомъ всякое участіе прозелитизма, она распорядилась объявить (черезъ синодъ) о терпимости всѣхъ вѣроисповѣданій и о запрещеніи архіереямъ вступать въ дѣла, касающіяся иновѣрныхъ исповѣданій и строенія по ихъ закону молитвенныхъ домовъ, предоставляя завѣдываніе этими дѣлами гражданской власти (13, 996).[1] Въ томъ же смыслѣ она опредѣлила и отношенія духовенства къ инородцамъ въ Россіи.

Проповѣдникамъ воспрещено было ѣздить къ нимъ безъ дозволенія гражданской власти (въ

буллы 1773 г. „Я считаю жестокостью наказывать невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, сказалъ онъ... кто знаетъ! можетъ быть когда нибудь снова понадобятся господа іезуиты и тогда у меня будетъ ихъ разсадникъ. Von den Seerennen bis zur Newa. Ein Beitrag zur Gesch. des 18 Jahrhunderts. Wien 1879 (дневникъ Фрейнда, 168).

1). По поводу Казанскихъ татаръ, Екатерина писала Вольтеру (1772): „Наше духовенство стѣсняло ихъ въ богомольи и даже хотѣло представить многочисленныя собранія татаръ на этомъ мѣстѣ (въ Болгарахъ) вредными для государства, но я держусь противнаго мнѣнія: пусть лучше они тамъ справляютъ свое богомолье, нежели отправляются въ Мекку; я запретила безпокоить ихъ, и они за это

Сибири), магометанамъ разрѣшено было вновь строить мечети только вдали отъ крещеныхъ инородцевъ (13,336). Точно также, какъ мы видѣли, она поступила въ Оренбургскомъ краѣ, преслѣдуя здѣсь политическія цѣли, возникшія вслѣдствіе турецкой войны. Только новокрещеные мурзы и татары переводились въ другія селенія, для удаленія ихъ отъ послѣдователей магометанскаго закона (13,490). Иностранные колонисты продолжаютъ выселяться въ Россію. Такъ въ 1769 г. были поселены колонисты по берегу р. Невы, противъ Рыбной слободы (13,325). Притомъ Изенбургу разрѣшено было выписать и заселить колонистовъ на землѣ, пріобрѣтенной имъ въ Выборгской губерніи (13,819). Валахамъ, грекамъ, армянамъ и раскольникамъ, присланнымъ изъ дѣйствующей арміи, позволено было избирать мѣсто для жительства въ Россіи или вступить въ службу по ихъ желаніямъ, а евреямъ (въ 1769 г.) - селиться лишь въ одной Новороссійской губерніи (13,383).[1] Плѣннымъ туркамъ

очень благодарны. Мы видѣли тому ясныя доказательства въ эту войну". (Сборн. XIII, 286).

1). Въ это время колонизація почти исключительно направлялась въ Малороссію, Новороссійскій край, а нѣсколько позже и въ Крымъ, Клаусъ, Наши колоніи, 14.... Въ 1770 г. Гуттерская община, въ слѣдствіе религіознаго преслѣдованія въ Австріи, перешла въ Россію и была поселена гр. П. А. Румянцовымъ въ его имѣніи

и татарамъ, принявшимъ православную вѣру предоставлено было оставаться вольными людьми и избрать родъ жизни (13, 450). Польскихъ конфедератовъ, принявшихъ православіе велѣно было не посылать на поселеніе, а оставить въ свободномъ состояніи (13, 945). Турецкимъ же татарамъ и польскимъ конфедератамъ, которые, по принятіи православія, пожелали бы поселиться въ Сибири, велѣно было выдать вспомоществованіе на обзаведеніе (14, 095).

Русская колонизація. Отдаленныя окраины заселялись русскими невольными и свободными колонистами. Пространство между Тобольскомъ и Нерчинскомъ предоставлено было колодникамъ, отправляемымъ въ Сибирь (13, 506). Присланные въ Сибирь поселенцы освобождались отъ рекрутскаго набора на 20 лѣтъ (13, 475). Земли, лежащія по Ирбитской линіи, на которыхъ производило-сь казенное хлѣбопашество, предоставлены были въ распоряженіе тамошнихъ казаковъ и поселенцевъ, въ размѣрѣ по 6 десятинъ на каждую

Черниговъ. губ., Кролевецкаго уѣзда (колонія Ридичевъ, ib, 32). Въ 1773 г. изъ-подъ Силистріи переселилось до 400 семействъ, поселившіяся близъ Ольвіополя, Херсонск. губ. (ib. 296).

Впрочемъ въ той части управленія были злоупотребленія нерѣдки. Такимъ образомъ изъ 100,000 иностр. поселенцевъ, стоивш. казнѣ по 1772 г. слишкомъ 6 мил. р., отъ безпорядковъ и злоупотребленій чиновниковъ, уцѣлѣло едва 40,000 (De-Кабръ).

бущу мужескаго пола (13, 267).[1] Обращено было вниманіе на заселеніе военныхъ линій: такъ устроена была линія по р.р. Бердъ и Московкѣ, на пространствѣ которой назначено было 7 крѣпостей, занятыхъ казачьими полками (13, 460); устроена линія крѣпостей отъ Бердъ до Днѣпра (13, 504); усилена Азовская крѣпость (13, 476); приведена въ оборонительное состояніе Моздокская крѣпость (1770 г.), въ окрестностяхъ которой, для безопасности Кавказа, поселены были горцы и волжскіе казаки (13, 404). На сѣверѣ были открыты новые острова и собраны свѣдѣнія о живущихъ тамъ людяхъ (13, 320).

Лекція 32.

Устройство городовъ. Обновленіе городовъ и преобразованіе ихъ внѣшняго вида, не смотря ни войну съ турками, продолжается. Такъ въ это время были утверждены новые планы городовъ: Астрахани (13, 274), Алексина (13, 278), Бѣлаго, Смоленской губ. (13, 302), Ярославля (13, 348), Н.-Новгорода и Ельца (13, 447 и 48),

1) Еще въ 1770 г. Екатерина предложила Сенату, озаботиться, чтобы заблаговременно были осмотрѣны свободныя мѣста въ Казанской и Оренбургской губ., для поселенія оставленныхъ солдатъ послѣ турецкой войны, гдѣ бы они нашли готовые дома и земли для обработки; Сборн. рус. ист. общ. X, 403.

Тверги (13, 473), Тихвина (13, 484), Чебоксаръ (14, 027), Оточки (14, 228), Оренбурга (13, 434)[1]. Вновь были устроены города: Вышний Волчекъ, Валдай Боровичи и Остащковъ, входившіе въ составъ Новгородской губ. (1772 г. № 13, 780). Въ нѣкоторыхъ военныхъ городахъ введено было гражданское управленіе: въ Кизляръ, Царицынѣ, Дмитріевкѣ; въ крѣпостяхъ: Черноярской, Красноярской Енотаевской, причемъ они были подчинены астраханскому губернатору (13, 389). Послѣ занятія Азовской и Таганрогской крѣпостей сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ туда купцовъ и ремесленниковъ (13, 436) и о поселеніи около Таганрога хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ (13, 466). Правительство хлопочетъ, чтобы жители городовъ и селеній, прилегающихъ къ р. Дону, не возили и не бросали въ рѣку никакого сору и помету (13, 430).

Печальныя слѣдствія чумы, разразившейся въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, заставили обратить вниманіе на предохранительныя средства отъ заразы (окуриваніе церквей, присутственныхъ мѣстъ, зданій, очищеніе товаровъ, содержаніе скота, запрещеніе провозить овчины и шубы, прекращеніе обмѣна ассигнацій и т. п., запрещеніе хоронить умершихъ въ садахъ, домахъ и

1). Въ 1770 г. въ Петербургѣ дозволено было ремесленникамъ и художникамъ имѣть квартиры на главныхъ улицахъ и выставлять на домахъ вывѣски (П. С. З. № 13, 421).

В. Ивановъ

церквяхъ. Тогда же былъ изданъ рядъ постановленій для предохраненій жителей отъ заразы и употребленія нѣкоторыхъ средствъ (№ 13,715–14,181), составленныхъ докторомъ Мерхомъ и особою коммиссіею; сдѣлано было распоряженіе объ отводѣ въ городахъ особенныхъ мѣстъ для кладбищъ (13,724), отстоящихъ отъ городскаго жилья не менѣе 100 саженей (13,803), на счетъ купечества и городскихъ жителей (13,201).[1] Это наставленіе было распространено на Выборгскую и Остзейскія губерніи (13,927). Священники, погребавшіе умершихъ при церквяхъ, подвергались штрафамъ (13,931). Мы знаемъ уже, что въ этотъ періодъ появляется воспитательный домъ въ Петербургѣ (13,429; 13,554; 13,930; 13,862 – до 5-ти лѣтъ возраста) и далѣе въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ (напр. въ Осташковѣ, Историко-статистич. описаніе города Осташкова, Тверь 1820), что къ этому періоду относится главнымъ образомъ распространеніе оспопрививанія далѣе въ предѣлахъ Сибири (13,445; 13,755), учрежденіе госпиталя въ Оренбургѣ (13,463). Правительство дѣлаетъ распоряженіе о постоянномъ освѣщеніи столицъ фонарями (13,451); объ устройствѣ на улицахъ и площадяхъ каминовъ и карауленъ (13,282), для обогрѣванія.

На сколько порядокъ въ городахъ не былъ еще обез-

---

1). Сенатъ распорядился о доставленіи ему свѣдѣній объ умершихъ и больныхъ во время чумы. П.С.З. 13,753. Описан. мѣрѣ. язвы въ Москвѣ, съ прилож. всѣхъ распоряж. М. 1775.

печенъ въ это время видно изъ распоряженій правительства въ 1771 и 72 г.г. о сформированіи полицейскаго баталіона въ Москвѣ изъ праздношатающихся вольныхъ людей (13,643; 13,837); вотъ въ какія руки отдавалось охраненіе порядка въ столицѣ въ весьма опасное время — развитія чумы и пугачевщины. 25 сентября 1771 г. состоялось постановленіе объ избраніи на будущее время дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ по прошествіи 2-хъ годичнаго срока, безъ особаго каждый разъ указа (13,600; 13,661).

Недостатокъ городскаго благоустройства проявлялся весьма печальными фактами. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ неразъ сообщалъ сенату о побояхъ и убійствахъ, причиняемыхъ помѣщикамъ тихвинскими жителями. Изъ этихъ донесеній видно также, что подобныя сцены вызывались нерѣдко старымъ обычаемъ созывать народъ посредствомъ набата. Поэтому употребленіе набата при дракахъ и ссорахъ было воспрещено (13,328). Въ Сызрани, Вязьмѣ происходили серьезныя столкновенія между военными командами и жителями, между магистратомъ и губернаторомъ. Сенатъ принялъ сторону (по вѣнному дѣлу) губернатора и велѣлъ главному магистрату смѣнить весь составъ вязьмскаго магистрата и назначить надъ нимъ слѣдствіе. Въ этомъ случаѣ сенатъ придавалъ большое значеніе нанесенію обидъ губернатору, какъ „хозяину губерніи".

Но, въ столкновеніи бѣлогородскаго губернатора съ членами курскаго магистрата, сенатъ высказался въ пользу послѣдняго, по дѣлу о недозволеніи вписаться въ цехъ однодворцамъ, устроившимъ конные заводы, сапожное и др. ремесла. Исключивъ ихъ изъ цеха, сенатъ призналъ, что подобныя дѣла вполнѣ принадлежатъ магистратамъ и губернаторы не должны въ нихъ вступаться. Въ Каргополѣ и Рыльскѣ нечистыя дѣла купцовъ по винному откупу привели даже къ тайному убійству коммисара, къ сопротивленію при поддержкѣ даже военной командѣ. Въ Бѣжецкѣ и Тамбовѣ обнаруживаются большія злоупотребленія въ торговлѣ, въ выдачѣ магистратами неправильныхъ аттестатовъ (Солов. XXIX, 143-146).

<u>Военныя издержки.</u> Военныя событія требовали значительныхъ затратъ. Всего въ теченіе 1768-74 г.г. военные издержки было израсходовано 47,512,260 р., изъ которыхъ до 20 мил. было собрано чрезвычайными налогами, часть ихъ была покрыта сбереженіями, а часть внѣшними займами. Датскій заемъ былъ предпочтенъ голландскому. Въ Генуѣ было занято 200,000 червонц. на 3%. Кромѣ того предположено было отправить въ Голландію 1 или 2 мил. руб., „для утвержденія тамъ нашего кредита и возвышенія здѣсь денежнаго курса" (Арх. госуд. Сов., I, 406 и д.; II, 411-414). Изъ вѣдомости же о расходахъ на войну видно, что въ 1773 и 74 г.г. расходовалось

до 239,000 р. ежегодно на платежъ процентовъ „съ голландской и генуэзской негоціаціи" (Рус. Вѣстн. 1870, № 10, стр. 388). По окончаніи турецкой войны, императрица повелѣла сдѣлать сокращенія въ тѣхъ доходахъ, которые по ихъ тягости необходимо сложить немедленно. Поэтому сенатъ рѣшилъ сложить: 1) всѣ чрезвычайныя подати, какъ контрибуцію съ Лифляндіи, прибавочныя подушныя подати, налогъ съ фабрикъ и заводовъ; 2) нѣкоторые мѣстные сборы (съ красильнаго промысла, съ харчевенъ, цирюленъ, кузницъ, камней и полокъ, постоялыхъ дворовъ и пр.); 3) уменьшить на половину пошлину съ паспортовъ, выдаваемыхъ купечеству и крестьянству. На основаніи этого постановленія пошлинъ уменьшилось на 807,683 р. (Журн. сената, Солов. XXIX, 128).

Соляная часть. Въ это же время правительство обратило вниманіе на безпорядки по соляной части. Изъ нѣкоторыхъ городовъ счеты не были представлены съ 1762 г. Поэтому сенатъ подтвердилъ (въ 1771 г.) губернскимъ, провинціальнымъ и городовымъ канцеляріямъ, чтобы онѣ выслали въ соляную контору счеты за прежніе годы и впредь высылали ихъ не позже, какъ черезъ полгода по заключеніи счетнаго года, поручивъ соляной конторѣ наблюдать за этимъ и налагать штрафы на тѣ мѣста, которыя не исполняютъ означеннаго постановленія (П.С.З. 13, 439). Однако и послѣ этого отчет-

ность по соляной части велась небрежно. Тогда (въ 1771 г., 13, 784), императрица поручила президенту ревизіонной коллегіи, сенатору Маслову обревизовать дѣла соляной конторы за 1769 - 71 г.г; но соляная контора, какъ оказалось не только не имѣла вѣрнаго свѣдѣнія о своихъ доходахъ, но и запутывалась въ своихъ распоряженіяхъ; нѣкоторыя мѣста были переполнены солью, другія оставались вовсе безъ соли. Деньги лежали мертвымъ капиталомъ или находились на рукахъ у иностранцевъ, безъ всякаго контроля. Поэтому на основаніи доклада сената, прежняя контора была обращена въ департаментъ, которому поручено было окончить старые счеты, а для введенія новаго порядка была учреждена главная соляная контора, подъ предсѣдательствомъ Маслова, которая обязана была ввести строгую отчетность, сдѣлать распредѣленіе соляной продажи въ разныхъ мѣстностяхъ и т.п. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличено было число варницъ при Дедюхинскихъ соляныхъ промыслахъ, возобновлены Солигаличскія варницы, закрытыя въ 1753 г., обращено было вниманіе на соляные промыслы, издавна существовавшіе на отдаленномъ сѣверѣ Россіи (въ Архангельск. и Каргопольскомъ уѣздахъ). Въ 1772 г. возобновлены были старорусскія варницы и еще ранѣе открыты соляныя ломки въ Борзинскомъ озерѣ Иркутской губ. Въ этой мѣстности

для ломки соли были поселены 55 чел. разночинцевъ мужескаго пола и 42 чел. посадскихъ и цеховыхъ, причемъ имъ выдано было 30-40 р. на семью, назначена плата по 1 к. за пудъ соли и оказано содѣйствіе для заведенія хлѣбопашества. Воронежской торговой компаніи, образовавшейся въ 1772 г. для торговли хлѣбомъ съ Крымомъ и др. татарскими селеніями, дозволено было привозить изъ Крыма соль на ея судахъ и заключенъ былъ контрактъ о поставкѣ соли въ казну. Продажа казенной соли въ Кіевъ была предоставлена великорусскимъ купцамъ и помѣщикамъ[1]. Въ двухъ бѣлорусскихъ губ. была оставлена вольная продажа соли, но для избѣжанія недостатка иностранной соли и притѣсненія со стороны монополистовъ, были учреждены въ 10 городахъ казенные запасы соли, причемъ она продавались по 10 к. за пудъ, т.е. на 15 к. дешевле противъ первой (Рус. Вѣстн. 1870 г. № 10 и П.С.З. т. XVIII-XIX).

Таможенное управленіе. Въ таможенномъ управленіи также были открыты большія злоупотребленія, однако сенатъ не согласился перейти къ откупной системѣ, находя, что казенное управленіе все таки гораздо выгоднѣе, чѣмъ отдача таможенъ на откупъ. (ib.). Проектъ гр. Миниха (сына) о свидѣтель-

1). На пристаняхъ Дашкинской и Острой-Лукъ были устроены магазины, въ которыхъ содержалось 600 у.

ствованіи товаровъ во внутреннихъ городахъ сенатъ совсѣмъ отвергъ, какъ убыточный и неудобный для купцовъ (Соловь. XXIX, 125–28).

Введеніе окладныхъ книгъ. Въ 1770 г. была заведена „окладная книга" для всѣхъ государственныхъ доходовъ, введены были однообразныя вѣдомости о доходахъ, разосланныя въ провинціи, доходы распредѣлены были на опредѣленныя группы (окладные непремѣнные, окладные перемѣняющіеся, неокладные и неокладные временно вступающіе. См образцы такихъ вѣдомостей въ Р. И. О. V). Такимъ образомъ окладныя книги представляютъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ приведенія государственныхъ доходовъ въ порядокъ и единство. Въ нихъ не встрѣчается уже раздѣленія доходовъ по вѣдомствамъ, чрезъ которыя они поступали, напротивъ это раздѣленіе (на окладные и неокладные) приближаетъ ихъ къ нынѣшней системѣ. Хотя каждая изъ означенныхъ (четырехъ) статей заключаетъ множество подраздѣленій (отъ 22 до 63 наименованій), характеризующихъ податную систему того времени. Впрочемъ,

---

пудовъ соли для Малороссіи № 13; 362.

1). Окладныя книги хранятся въ Спб. госуд. арх. мин. ин. дѣлъ. Окладная книга за 1769 напечатана въ Сборн. мин. финанс. кн. X, 1869 г; Извлеченіе изъ окладныхъ книгъ 1773, 1776, 1777 - въ V т. Сб. Р. И. О. Вѣдомости хранящіяся въ москв. арх. мин. ин. дѣлъ и арх. департ. госуд. казначейства на

окладныя книги не представляютъ полныхъ свѣдѣній о доходахъ Имперіи. Въ этомъ случаѣ гораздо обстоятельныя представляются вѣдомости о доходахъ и расходахъ. Съ 1773 г. завѣдываніе всѣми статьями доходовъ было поручено экспедиціи о государственныхъ доходахъ (Финанс. управл. въ царств. Екатерины II, Куломзина, Юридич. Вѣстникъ 1869, № 1 и 2).

Общее состояніе финансовъ. Въ 1768 г. количество доходовъ простиралось до 21,683,178 р., а съ недоимками до 22½ мил. руб., въ 1770 г. - болѣе 26½ мил. руб., въ 1771-73 г.г. - 27½ - 28 мил., а слѣдовательно противъ 1766 и 67 г.г. доходы представляютъ увеличеніе на 3⅞. Возрастаніе это объясняется военными событіями; затѣмъ замѣчается возрастаніе косвенныхъ налоговъ (доходы съ питей поднялись отъ 5 мил. до 6,641,000, причемъ росла и недоимка въ 1773 г. - до 2,979,000 р. и т. д.). Таможенныя сборы также значительно увеличились: въ 1768 г. - 2,823,000 р., въ 1773 г. - 3,614,000. Соляной доходъ въ 1767 г. давалъ 1,699,000 р., а въ началѣ 70-х годовъ - 1,909,000 р. За вычетомъ недоимки въ 1773 г., общій доходъ равнялся 26,446,855 р., подушной подати - 12,634,048 р. (45% общей суммы), питейный таможенный и соляной сборы - 11,500,295 р. (около 43% каждый), на всѣ же остальные сборы (числомъ 140) приходилось всего - 3,579,792. Но количество этихъ сборовъ значительно падаетъ послѣ

печ. въ Сборн. Р. И. Общ., V,

войны (1773 - 171, 1776 - 159, 1777 - 133)

Быстрое возрастаніе расходовъ въ этотъ періодъ объясняется военными потребностями.

	1770 г.	1773 г.
Дворъ	2,482,405	2,213,808
Расходы на воен. сухоп. вѣдом.	8,204,467	9,612,272
Флотъ и адмиралтейство	771,546	759,558.
Шуатс. конторск. расходы	7,083,831	10,098,014.
Центр. и мѣстн. администр.	2,719,573	2,672,516
Пути сообщенія	717,796	58,703
Постройки	97,598	60,000
Богоугодныя заведенія	5,163	" — "
Заводы и Берг-коллегія	213,111	123,010
Ак. худож; Ак наукъ и универс.	67,136	64,000
Банки	58,784	" — "
Коллегія иностр. дѣлъ	97,193	" — "
Колонизація	200,000	200,000.
Жалованныя	60,000	60,000
Дѣланіе монеты	303,455	" — "
Итого	22,482,063	25,921,881.
Чрезвыч. расходовъ	1,558,822	2,515,251.
За вино и соль	1,314,161	—.—
Недоборъ	—.—	940,621.
Итого	25,355,047	29,377,753.

(Рус. Вѣстн. 1870 г. № 10, Финансы при Екатеринѣ II, Кулонзина).

Ассигнаціонный банкъ. Мы уже знаемъ, что въ самый критическій моментъ разрыва съ Турціей, правительство рѣшилось прибѣгнуть къ выпуску ассигнацій. Но изъ запи-

ски, представленной по этому вопросу императрицѣ и хранящейся въ моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ (полагаютъ, что авторомъ ея былъ Сиверсъ), видно, что мотивами для введенія ассигнацій въ Россіи служили потребности денежнаго обращенія и выгоды торговыхъ сдѣлокъ. Еще прежде были допущены переводы казенныхъ суммъ чрезъ купеческія руки и наоборотъ.[1] Въ частныхъ дѣлахъ употреблялись уже векселя (точно также въ арміи во время турецкой войны, П.С.З. 13, 308).[2]

---

1). Амстердамскій банкъ былъ первымъ выпустившимъ билеты, въ XVII вѣкѣ.

2). При недостаткѣ кредита, деньги давались нерѣдко за 60% (Де-Кабръ). Для предотвращенія неплатежа денегъ по векселямъ, императрица распорядилась, чтобы съ января 1774 года въ Петербургѣ и Москвѣ ежемѣсячно выставлялись публично и раздавались съ прейс-курантомъ реестры протестованнымъ векселямъ, „дабы публика извѣститься могла кому вѣру подавать надлежитъ или нѣтъ и менѣе обманута была худыми плательщиками". Сборн. XIII, 376. По словамъ Шерера, торговый классъ въ Россіи состоялъ, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, находившихся на оброкѣ. Въ Петербургѣ всѣ лавки принадлежали крестьянамъ Шереметева, Чернышова и другихъ вельможъ. Выкупы на свободу были трудны и требовали, смотря по богатству купца, иногда чрезвычайныхъ жертвъ. Между тѣмъ, наживаться крестьянамъ было легко, стоило получить паспортъ и поладить съ

Но переводъ казенныхъ денегъ посредствомъ купцовъ не разъ приводилъ къ убыткамъ. Для облегченія обращенія служили также печатные указы, выдававшіеся отъ коммиссаріата на 2 года, съ уплатою по нимъ 6%. Предлагая введеніе цетелей, авторъ записки указываетъ на необходимость гарантировать довѣріе къ нимъ вкладомъ въ банкъ равной суммы мѣдныхъ денегъ и пріемомъ ихъ во всѣхъ казенныхъ сдѣлкахъ. Но когда довѣріе уже установится, то деньги, находящіяся въ банкѣ, могутъ быть пущены во оборотъ за проценты. Та-

---

администраціею. Заработавши сколько нибудь денегъ, крестьянинъ открывалъ обыкновенно лавку и и старался войти въ кредитъ, особенно къ иностранцамъ; этого легко было достигнуть, такъ какъ иностранцы, благодаря англичанамъ, только и могли сбывать свои товары, отдавая ихъ русскимъ купцамъ въ кредитъ на 6, 8 и 12 мѣсяцевъ. Все это заканчивалось обыкновенно злостнымъ банкротствомъ; если банкротъ ладилъ съ администраціею, то съ него ничего нельзя было взять, такъ какъ онъ крестьянинъ, и еще при Екатеринѣ подтверждено, чтобы подлымъ людямъ ни въ чемъ не вѣрить... Вообще обманъ считался между русскими купцами дѣломъ самымъ нормальнымъ." Главною причиною низкаго умственнаго и нравств. уровня торговаго класса Шерръ считаетъ крѣпостное право, которое убійственно вліяло на русскую торговлю. Schever, Histoire raisonnée du commerce de la Rus-

кимъ образомъ первоначальный проектъ учрежденія ассигнацій, не имѣлъ въ виду доставить, посредствомъ этой мѣры, всемогущественнаго государственному казначейству. Но вспыхнувшая затѣмъ турецкая война и нужда въ деньгахъ побудила кн. Вяземскаго предложить выпустить ихъ на 1 мил. подъ гарантію мѣднаго капитала, положеннаго въ петербургскій и московскій банки и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ довести общую сумму ихъ до 3 мил. Размѣненныя ассигнаціи банки должны были отсылать въ комиссаріатъ, провіантскую канцелярію или штатсъ-контору, для выдачи ихъ вмѣсто денегъ, а мѣста эти должны были передавать въ банки количество денегъ, равное суммѣ полученныхъ ассигнацій. Въ случаѣ довѣрія къ этой операціи, къ концу года предполагалось, при денежномъ фондѣ въ 2 мил. руб., выпустить ассигнацій на 2½ мил. На основаніи манифеста 29 дек. 1768 г. въ Петербургѣ и Москвѣ учреждались отдѣленія ассигнаціоннаго банка, назначеніе которыхъ состояло въ облегченіи денежныхъ оборотовъ въ государствѣ и замѣнѣ тяжеловѣсныхъ мѣдныхъ денегъ болѣе удобными знаками. При этомъ объявлялся свободный размѣнъ денегъ и гарантировалась неприкосновенность капитала, положеннаго въ банки

---

ne, Paris, 1788, I, 83.

даже со стороны правительства. Пригнать денегъ изъ казенныхъ вѣдомствъ только $\frac{1}{4}$ суммы выдавалось ассигнаціями. Каждое частное лицо могло обмѣнивать металлическія деньги на ассигнаціи, для чего былъ сдѣланъ запасъ ихъ на $\frac{1}{2}$ мил. руб., но требованія на нихъ такъ возросли (иногда въ недѣлю до 100,000), что пришлось вскорѣ увеличить этотъ запасъ. Въ 1770 г. сдѣлано было распоряженіе объ обмѣнѣ ихъ во всѣхъ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Однако же въ половинѣ 1771 г. число ассигнацій такъ увеличилось, а мелкой монеты уменьшилось, что купцы стали заявлять правительству, при выдачѣ векселей на переводъ денегъ, требованіе на полученіе денегъ серебряною и золотою монетою. Для облегченія свободнаго размѣна ассигнацій, правительство учредило рядъ конторъ (1772–73 г.г.) – въ Ярославлѣ, Устюгѣ, Смоленскѣ, Астрахани, Н. Новгородѣ, В. Волочкѣ, съ капиталами 150–250,000 р. мѣдными деньгами. Кромѣ того, Совѣтъ назначилъ открыть конторы въ Архангельскѣ, Ригѣ, Ревелѣ и др. торговыхъ мѣстахъ, числомъ до 15 (Арх. госуд. Сов. II, 530). Директоромъ ассигнаціоннаго банка былъ назначенъ гр. А. П. Шуваловъ. Въ теченіе турецкой войны (1769–74 г.), на потребности государственной казны было выпущено 12,714,750 р. ассигнацій. Такимъ образомъ мѣра выпуска ихъ вскорѣ превзошла сумму, назначенную при учрежденіи банка. Это обстоятельство и исчезновеніе

мелкой монеты, обыкновенно сопровождающее излишний выпускъ ассигнацій, сдѣлалось уже на столько чувствительнымъ, что правительство 10 янв. 1774 г. объявило не выпускать ихъ свыше 20 мил. руб., а разнымъ вѣдомствамъ воспрещено было требовать изъ банковъ больше, чѣмъ могли они представить въ замѣнъ денегъ, но эти заявленія оказались тщетными и государственный долгъ возрастал изъ года въ годъ. (Ассигнаціи въ царств. екат. II, Куломзина, Рус. Вѣстн. 1869, № 5 и П.С.З. № 13,277–14,096).

<u>Поддѣлка ассигнацій</u> Введеніе ассигнацій въ Россіи сопровождалось обычнымъ явленіемъ – поддѣлкою ихъ. Въ половинѣ іюня 1771 г. Панинъ получилъ записку отъ императрицы, въ которой она поручала ему вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и гр. Шуваловымъ обсудить это „приключеніе", чтобы банковый кредитъ не былъ поврежденъ фальшивыми ассигнаціями. Поддѣлка ихъ состояла въ передѣлкѣ 25ти рублевыхъ ассигнацій въ 75ти рублевыя. Но это дѣло было открыто въ самомъ началѣ (Сб. Р. И. Общ. XIII, 116–117).[1] Въ 1772 г. производилось опять дѣло о двухъ братьяхъ (Серг. и Мих.) Пушкиныхъ, изъ

---

1). Для предохраненія отъ обмановъ образцы ассигнацій должны были храниться въ особыхъ ящикахъ на судейскомъ столѣ (П.С.З. 13,277); ассигнаціи были 100, 75, 50, 25 руб. достоинства (13,628), но вслѣдствіе поддѣлки послѣднія были уничтожены (13,629; 13,671; 13,945; 14,099). Въ то время ассигнаціи выпускались только за подписью ди-

которыхъ одинъ (Сергѣй) ѣздилъ за границу и привезъ оттуда штемпеля и литеры для фальшивыхъ ассигнацій, но былъ схваченъ на границѣ. Къ этому дѣлу былъ прикосновенъ также В. Сукинъ. По приговору сената Серг. Пушкинъ былъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ дальнія мѣста Сибири, Сукинъ - лишенъ чиновъ и сосланъ въ Оренбургскую губ. Имѣнія ихъ были отданы родственникамъ (Сборн. XIII, 219, 222, 228 -29; XVIII вѣкъ, I, 69-76, 390-95; П.С.З. 13, 889).[1]

Судныя кассы при воспитательномъ домѣ. Отчасти финансовымъ, отчасти благотворительнымъ цѣлямъ должны были удовлетворять вдовья, ссудная и сохранныя казны, учрежденныя, по докладу Бецкаго въ 1772 году, при воспитательномъ домѣ. Вдовья казна предназначалась для вспомоществованія вдовамъ всякаго званія, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ подданнымъ, и раздѣлялась на четыре класса, по количеству суммы, вносимой въ казну мужьями. Пенсіи же равнялись 25-100 р. Сохранная касса, за ввѣренные ей на сохраненіе капиталы, получала 1%, а тѣмъ изъ вкладчиковъ, которые вносили свои деньги на извѣстное время, но не менѣе.

ректора или совѣтника (13, 294). Средняя цѣна ассигнаціоннаго рубля на серебряную монету была въ 1769 и 70 г.г. 0,99 коп., въ 1771 -0,98 к., 1772 - 0,97 к., 1773 -0,98, 1774 -100 к. (Лефортъ, Ист. царствов. II, III, 98, примѣч. 142).

1). Въ 1772 г. Совѣтъ получилъ также свѣдѣнія о поддѣлкѣ

года, выдавала проценты, количество которыхъ зависѣло отъ условій съ вкладчикомъ. Ссудная казна имѣла цѣлью доставить всемогущество-вованіе лицамъ, нуждавшимся въ наличныхъ деньгахъ. Ссуды отъ 10 до 100 руб. производились подъ залогъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, драгоцѣнныхъ камней, разныхъ матерій, платья и т. п. срокомъ на 3-12 мѣсяцевъ съ вычетомъ при займѣ суммы по 6% въ годъ (П.С.З. 13, 909). Первую мысль объ учрежденіи ссудной казны въ Россіи подалъ правительству въ 1771 г. Прок. Ак. Демидовъ, по возвращеніи изъ-за границы (Б. Камен. II, 210), который также много содѣйствовалъ ей своимъ всемогуществованіемъ (Головщиковъ, Родъ Демидовыхъ, III).

Торговля и промыслы. Въ 1770 г. былъ продолженъ срокъ вывоза хлѣба за границу изъ Архангельска на 10 лѣтъ (П.С.З. 13, 529) и разрѣшенъ безпошлинный вывозъ въ Швецію хлѣба, пеньки, льна изъ балтійскихъ портовъ (13, 480); но въ 1772 г., по предложенію Панина, въ разсужденіе враждебныхъ шведскихъ намѣреній, отпускъ хлѣба въ Швецію былъ запрещенъ (Арх. Гос. Сов. II, 601); дозволено было всѣмъ желающимъ заводить ткацкіе станы съ платежемъ извѣстной пошлины (13, 374); къ откупамъ были допущены не только дворяне и разночинцы, но и

бенегъ бѣглыми русскими солдатами въ Польшѣ. Арх. Госуд. Сов., I, 157.

крѣпостные люди и крестьяне (14, 123); аттестаты купцамъ, желающимъ вступить въ подряды и откупа, велѣно было выдавать только отъ магистратовъ и ратушъ, не предоставляя на одобреніе губернаторовъ (14, 226); крестьянамъ астрабенскихъ шелковыхъ заводовъ предоставлено было производить работы въ свою пользу, причемъ велѣно было отмежевать имъ земли въ собственность и предоставить право рыбной ловли въ ближайшихъ рѣкахъ и озерахъ (13, 460). Въ 1773 г. возлѣ Царицына были поселены съ цѣлью развитія шелководства, 1,300 семействъ экономическихъ крестьянъ, которымъ также назначены были земли для хлѣбопашества и разведенія тутовыхъ деревьевъ (14, 050). Отъ Ланобыло распоряженіе о разведеніи шелководства въ Слободской (14, 051) и Новороссійской (14, 093) губ; на кяхтинскомъ форпостѣ положено было устроить (въ 1774 г.) магистратъ или ратушу (14, 179).[1]

---

1) Еще въ 1771 г. Екатерина писала Вольтеру, что прежнія затрудненія съ Китаемъ устранены, торговля возобновилась и въ первые 4 мѣсяца произошелъ обмѣнъ товаровъ на 3 мил. руб. Дворцовыя фабрики китайскаго императора были заняты выдѣлкою для нея обоевъ, а въ Китаѣ появился спросъ на русскій хлѣбъ и барановъ. Сборн. XIII, 71.

Въ началѣ 60-хъ годовъ торговля съ Китаемъ обнаружила: такъ промѣнено русскихъ и иностранныхъ товаровъ въ 1760-на 299, 940 р., въ 1761 – 391, 469, въ 1762 – 101, 642 р.;

Въ 1771 г. воспрещенъ былъ вывозъ изъ-за границы золотыхъ и серебряныхъ парчей кромѣ гладкихъ глазетовъ (13, 608); на бразильскій табакъ, привозимый изъ Португаліи, была назначена пошлина (по 1 р. 56½ к. съ пуда). Запрещено было ввозить иностранныя водки въ Камчатку (13, 944). Въ 1773 г. Совѣтъ, съ согласія императрицы дозволилъ купцу Куку завести канатную фабрику въ Кронштадтѣ, вопреки домогательствамъ др. заводчиковъ, видѣвшихъ въ этомъ подрывъ ихъ торговлѣ, мотивируя это распоряженіе тѣмъ, что „свобода въ заведеніи фабрикъ весьма полезна" (Арх. госуд. Сов., II, 678)[1]. Галицкому купечеству разрѣшено было устроить пѣшую почту между Галичемъ и Вологдою. (13, 527).

вымѣнено китайскихъ: въ 1760 г. - на 65ъ, 331 р., въ 1761 - 619, 597, въ 1762 - 37, 672 р... Историч. и статистич. изслѣд. о кяхт. торговлѣ Л. М. Сапойлова, Зап. рус. геогр. общ. II, 7.

Въ то же время (1769) нѣмецкій графъ Редернъ представилъ Екатеринѣ планъ обширной кампаніи морской торговли Россіи съ Индіей и Китаемъ и съ этою цѣлью пріѣзжалъ въ Петербургъ; но онъ оказался пустымъ проэктеромъ и желалъ устроить собственныя дѣла. „Онъ предлагалъ не больше какъ управленіе государствами чрезъ мечтателей и математиковъ, замѣчаетъ Екатерина. Что касается меня, то я отказываюсь на вѣчныя времена отъ всякихъ земель и владѣній въ Восточной Индіи и въ Америкѣ". Сборн. X, 359 - 360, 383 - 386.

1). Цѣны въ то время въ Москвѣ на разные предметы

Заботы о продовольствіи населенія. Заведеніе хлѣбныхъ магазиновъ продолжалось (въ Смоленской губ. № 13,491; обязательно полагалась 5-я часть изъ отпускаемаго за границу хлѣба въ Арханг. портъ № 13,787) и правительство признавало всю пользу ихъ во время неурожаевъ (№ 13,238; Арх. госуд. Сов. II, 711, 714). Дороговизна на съѣстные припасы, въ 1772 г., побудила императрицу учредить особый комитетъ, изъ 4 сенаторовъ, для изысканія необходимыхъ средствъ къ ея устраненію (13,836). Вообще съ 1765 г., какъ и въ западной Европѣ, начинаются въ Россіи частые неурожаи, дороговизна хлѣба и сильныя колебанія цѣнъ. Такъ въ 1760 г. на Гжатской пристани Московской губ. четверть ржи продавалась по 86 к., въ 1763 — 95 к., а въ 1773 г. уже по 2 р. 9 к. (Патлаевскій, Денежный рынокъ въ Россіи, Одесса, 1868, 219).

Постановленія о крестьянахъ. Въ разсматриваемый нами періодъ вышло нѣсколько правительственныхъ актовъ, касающихся крестьянъ.

были слѣдующіе: два колеса подъ телѣгу стоили 2,70 к., пудъ свѣчей 2,40 к., караульная будка 4 р.; фунтъ сургучу 1 р. 45 к., лошадь 14-15 р., телѣга 1 р. 20 к., сани 95 к., ковка лошади 1 р. 4 к. хомутъ 75 к., ведро уксусу 17-45 к., возъ можжевельника 40 к., гробъ — 78 к.; могила 35-40 к., стопа бумаги 1 р., шуба и кафтанъ 5 р. 26 к. Получали жалованье: регистраторъ 10 р. въ мѣсяцъ, поваръ съ женою (прачкою) 3 р. въ мѣсяцъ, сержантъ гвардіи 10 к. въ сутки, фабричный 6 к.; солдатъ гвардіи 5 к.; подъячій 4-10 к. ночные солдаты 3-4 к., каторжнымъ за погребеніе въ церкви платили 6 к., погребателямъ 4-5 к. Рус. Арх. 1866 г., 338-339.

Такъ, крестьяне, назначенные для военныхъ работъ, получали за нихъ вознаграждение, а умиравшие на работахъ засчитывались за рекрутовъ (№13, 258, 13, 319); но крестьяне, записавшиеся въ купечество или поступившие въ духовное звание, должны были внести свои повинности (№ 13, 326). Указомъ 13 февр. 1774 г. былъ отмѣненъ законъ Елисаветы, запрещавшій крестьянамъ вступать въ подряды и откупа, не исключая и крѣпостныхъ людей, но эти послѣдние обязаны были представить поручительство помѣщиковъ въ исправномъ платежѣ или откупной суммы (14, 123). Разводъ помѣщичьихъ крестьянъ въ ихъ земляхъ не могъ быть произведенъ безъ воли ихъ владѣльцевъ (13, 235). Въ 1771 г. повелѣно было сенату сдѣлать запрещение какъ коммиссіи конфискацій, такъ и всѣмъ аукціонистамъ, чтобы они отнюдь однихъ людей, <u>безъ земли</u>, <u>съ молотка</u> не продавали, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе закона (13, 634).[1] Впрочемъ въ указѣ 7 окт. 1792 г. было объяснено, что здѣсь запрещалась не самая продажа крѣпостныхъ людей безъ земли, а только лишь форма продажи <u>съ молотка</u> какъ предосудительная для <u>европейскаго государства</u> и неприличная при продажѣ людей (№ 13, 634). Еще въ 1768 г. была воспрещена торговля крѣпостными людьми во время рекрутскихъ наборовъ (13, 103), имѣв-

---

1) Узнавъ объ этомъ случаѣ, Екатерина распорядилась приписать крестьянъ къ дворцовымъ волостямъ и дать имъ землю или паспорты по ихъ желанію (Сборн. XIII, 143).

щая также постыдный характеръ. Въ 1773г. сенатъ сдѣлалъ докладъ Совѣту о пріостановкѣ, по причинѣ злоупотребленій, пріема крестьянъ и дворовыхъ людей для высылки на поселеніе, и совѣтъ согласился съ этимъ. (Арх. госуд. Сов., II, 359). По поводу распространенія на Ахтубенскихъ шелковыхъ заводахъ ложнаго указа, правительство подтвердило, чтобы крестьяне не вѣрили ему и всякую работу исполняли безпрекословно (13,655), но продолжительныя волненія на олонецкихъ заводахъ побудили правительство заняться устройствомъ этихъ заводовъ и удовлетворить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя требованія тамошнихъ крестьянъ (№ 13,712). Оно должно было обратить также вниманіе на частые случаи убійства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (№ 13,373). Нѣсколько далѣе мы коснемся подробнѣе этихъ явленій въ связи съ общимъ положеніемъ крестьянъ и движеніемъ ихъ во время пугачевщины. Наконецъ упомянемъ, что въ концѣ 1774г. (19 дек. № 14,231) была издана инструкція сотскому и его товарищамъ, устанавливающая порядокъ сельскаго управленія.

Лекція 33.

Заботы объ образованіи. Правительство старалось вліять на общество посредствомъ старыхъ и новыхъ школъ. Въ 1774г. былъ изданъ рядъ постановленій объ опредѣленіи малолѣтнихъ дѣтей неимущихъ дворянъ, по просьбамъ ихъ роди-

телей и родственниковъ, въ гарнизонныя школы (14,105) и назначено было число дворянскихъ дѣтей, какое въ каждой губерніи должно содержаться въ этихъ школахъ (14,130). Подтверждено было приказнымъ служителямъ, чтобы они заботились объ обученіи дѣтей своихъ грамотѣ и неопредѣленіи незнающихъ грамоты ни въ какую службу (14,157). Мы упоминали уже, что въ 1770 г. въ Петербургѣ было открыто отдѣленіе московскаго воспитательнаго дома. Въ 1772 г. было учреждено коммерческое училище для купеческихъ дѣтей (13,916), на счетъ Прокофія Акинѣевича Демидова, пожертвовавшаго на содержаніе въ немъ 100 мальчиковъ 205,000 р.[1] Оно состояло въ вѣдѣніи опекунскаго совѣта при московскомъ воспитательномъ домѣ (а въ 1799 г. переведено въ Петербургъ, Болотовъ, II, 82-84) и имѣло весьма полный курсъ преподаванія. Кромѣ общихъ предметовъ, коммерческихъ наукъ, художествъ и мастерствъ, въ немъ преподавалось право и политическая экономія. По окончаніи курса воспитанники посылались за границу для обученія въ иностранныхъ университетахъ и пользовались правами воспитанниковъ Академіи наукъ. Сверхъ назначеннаго комплекта, желающіе могли воспитывать своихъ дѣтей на свой

---

1). Изъ суммы 1 мил. 107 тыс., пожертвованной имъ на Воспитательный домъ въ Москвѣ; онъ же пожертвовалъ 20,000 р. на учрежденіе при Спб. воспитательномъ домѣ госпиталя для бѣдныхъ родильницъ. Б. Каменскій, II, 209 Родъ Демидовыхъ

счетъ. Въ 1773 г. для спеціальнаго изученія горной части въ Россіи, учреждено было при берг-коллегіи горное училище. (14,048). Еще въ 1770 г., для увеличенія состава медиковъ, правительство распорядилось отредѣлить въ морскіе госпитали для употребленія во флотѣ, въ качествѣ лекарскихъ учениковъ, школьниковъ адмиралтейскаго вѣдомства. (13,482), но и въ 1772 г. вице президентъ адмиралъ коллегіи, гр. И. Г. Чернышовъ сообщилъ Совѣту о большомъ недостаткѣ въ адмиралтейскихъ командахъ лекарей и что по сношенію его съ президентомъ медицинской коллегіи ихъ не оказывается и въ его вѣдомствѣ (Арх. Госуд. Сов. II, 115). Сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи изученія русскимъ юношествомъ нѣмецкаго языка, а гражданскими чиновниками въ нѣмецкихъ провинціяхъ — русскаго языка. (14,636). При Иркутской канцеляріи назначены были состоять одинъ переводчикъ для китайскаго и монгольскаго яз. и два переводчика для бурятскаго и тунгузскаго, къ которымъ отредѣлено было 10 учениковъ (14,000). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ проектъ обширной школы и типографіи въ Астрахани, представленный на утвержденіе императрицы губернаторомъ Н. А. Бекетовымъ въ 1772 г. Она должна была состоять изъ 324 солдатскихъ дѣтей и 200 дѣтей купеческихъ и разночинцевъ, неимѣющихъ средствъ, а также служить высшею школою для гарнизонныхъ школъ

Головщиковъ, Яр. 1861, 105–109.

въ такомъ краѣ. Въ ней положено было преподавать русскій, нѣмецкій и восточные языки, математику, военныя науки, навигацію, рисованіе, исторію, географію и разныя ремесла. Школа имѣла цѣлью подготовить къ военной службѣ, торговлѣ, мастерствамъ и должна была состоять въ вѣдѣніи губернатора и сената. Но Екатерина, на представленіи Бекетова, написала: „обождать до генеральнаго положенія о школахъ во всѣхъ губерніяхъ" (Сборн. рус. ист. общ. XIII, 294–297). Такимъ образомъ уже въ это время вырабатывался общій планъ народныхъ училищъ. Между тѣмъ политическія обстоятельства указывали и на другую сторону этого вопроса. Такъ въ ноябрѣ 1774 г. Екатерина рѣшила учредить въ Россіи гимназію для греческаго юношества. Сюда должны были поступать греческіе мальчики, набранные гр. Орловымъ въ Архипелагѣ (до 200 чел.) и въ апрѣлѣ 1775 г. она была открыта при артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ, подъ начальствомъ генералъ-инженера и директора строенія государств. дорогъ М. И. Мордвинова. На содержаніе этого училища было назначено по 41,613 р. въ годъ (П. С. З. XX, 14,299; 14,300. Сборн. XXVII, 5, 25 и Глѣбовъ, Арчил. журн. 1863 г.). Идея этого училища была подана Орлову гр. Моценигo и имѣла въ своемъ основаніи чисто политическій характеръ.

Изъ другихъ распоряженій, имѣющихъ значеніе для просвѣщенія, заслуживаютъ вниманія: выдача (1771 г.) иностранцу Горнгуну привиле-

гіи на заведеніе въ Петербургѣ вольной типографіи и словолитной для иностранныхъ языковъ (13,572), а купцу Поте (1770 г.) на учрежденіе французскаго театра въ Петербургѣ (13,477). При межеваніи и составленіи плановъ велѣно было включать въ экономическіе журналы замѣчанія о древнихъ курганахъ, развалинахъ, пещерахъ, острогахъ и др. признакахъ древностей (13,593). Въ тоже время, по распоряженію новороссійскаго губернатора Мельгунова, разрыты были могилы на западномъ берегу Днѣпра, а найденныя въ нихъ золотыя и серебряныя вещи, принадлежавшія древнимъ народамъ, доставлены имъ въ Академію наукъ. (Б. Каменскій, 365). Въ 1772 г. было учреждено два комитета для составленія исторіи медалей со времени Петра В. (13,798)[1]. Правительство желало, чтобы при сенатѣ постоянно печатались реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ и разсылались во всѣ губерніи провинціи и города для общаго свѣдѣнія. Въ 1773 г. положено было устроить въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани опредѣленныя мѣста для содержанія безумныхъ (14,061), въ замѣнъ помѣщенія ихъ при монастыряхъ.

---

1). Подробныя свѣдѣнія о нихъ въ Зап. Археол. общ. т. III, 160–204... Членами перваго комитета были гофмейстеръ кн. М. М. Щербатовъ (историкъ) членъ монетнаго департам. берг-коллегіи А. А. Нартовъ и вице-презид. берг-коллегіи М. М. Херасковъ (поэтъ).

Слѣды дѣятельности комиссіи Уложенія. Мы знаемъ уже, что дѣйствія членовъ комиссіи Уложенія, оставшихся въ Петербургѣ послѣ распущенія послѣдней, продолжались. Были опредѣлены дни, въ которые они собирались, въ 1 департаментѣ сената (13, 437), составлена особая канцелярія при комиссіи (13, 299); но засѣданія послѣдней не разъ откладывались (17 янв. 1771 г., по 1 мая 1772, 13, 740; затѣмъ по 1 авг., 13, 793; по 1 ноября, 13, 845; по 1 февр. 1773., 13, 893; 16 янв. 1773 г. разрѣшено было выбрать депутатовъ отъ бѣлорусскихъ губерній, 13, 938; о наборахъ депутатовъ съ ихъ избирателей (13, 953). Въ февралѣ 1772 г. по поводу извѣстнаго дѣла вдовы генералъ-майора Этчингеръ, было отправлено въ комиссію предложеніе о сочиненіи особаго положенія о томъ, какъ поступать съ такими лицами, которыя употребляютъ суровость противъ человѣка (13, 758). Екатерина старалась проводить въ жизнь нѣкоторыя начала, выраженныя ею въ Наказѣ. Такъ, она напоминала сенату о незаключеніи подъ арестъ людей, оговоренныхъ преступниками, прежде снятія съ нихъ допроса (13, 776). Далее по поводу привлеченія Ведоравцу-

---

Членами второго (исполнительнаго) комитета: Я. Я. Шемлинъ (директоръ отдѣленія изящныхъ искусствъ въ Ак. наукъ), профессоръ историч. живописи акад. худ. Г. Козловъ и Себастіанъ Де-Вильеръ, французъ, извѣстный медальеръ своего времени. Медали доведены до 1782 года.

кина къ дѣлу о подлѣлкѣ ассигнацій и арестованнаго по показанію на него С. Пушкина, она писала: „Ему, Сукину, не сдѣлано по призыву его въ московскій сенатъ, никакого допроса, слѣдовательно онъ сталъ арестованъ, не зная причины ареста... Прилично впредь будетъ сенату, въ случаяхъ подобныхъ по призывѣ допросить, а потомъ, если дѣло того требуетъ, арестъ слѣдовать можетъ, гдѣ оный правительствомъ законный почтенъ будетъ; теперь же арестъ Сукина видъ имѣть можетъ насилія, въ чемъ смѣюсь (ссылаюсь) на правила большаго Наказа X главы... и мы желаемъ, чтобы и въ сенатѣ впредь посему поступлено было". Вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлала распоряженіе обратить арестъ Сукина въ присмотръ до тѣхъ поръ, пока дѣло объяснится и сенатъ заблагоразсудитъ опредѣлить иначе (Сборн. Р. И. О. XIII, 228-29). Точно также, въ своихъ наставленіяхъ губернаторамъ бѣлорусскихъ губерній, недавно присоединенныхъ къ Россіи, по вопросамъ о неприкосновенности собственности и веротерпимости, Екатерина предлагаетъ руководствоваться цѣлымъ рядомъ статей своего Наказа Комиссіи Уложенія (П. С. З. № 13,808, Рус. Арх. 1863, 503-504).

Такимъ образомъ, гуманныя начала Наказа все таки проникали въ законодательство и получали обязательную силу путемъ частныхъ постановленій и общаго напра-

вленія внутренней политики Екатерины. Независимо отъ того въ началѣ 70-хъ годовъ (1771–73) занимался, по порученію Екатерины, уголовнымъ кодексомъ Францъ Беперъ, вызванный изъ Берлина и состоявшій въ званіи вице-президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ (Сборн. XIII, 81, 385).

Разборы духовенства. Мы знаемъ, что военные обстоятельства заставили правительство усилить наборъ рекрутъ въ средѣ духовенства. Но мѣра эта по обыкновенію вызвала множество жалобъ и злоупотребленій, вслѣдствіе чего одинъ архіерей Феодосій, (тамбовскій) лишился епархіи, а въ московскихъ кремлевскихъ церквахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ мастерской и оружейной конторы, оказалось весьма много церковнослужителей, не имѣвшихъ даже письменныхъ видовъ. Сенатъ постановилъ всѣхъ ихъ записать въ военную службу (ib XXIX, 128–29). Мало этого, сенатъ требовалъ отъ губернаторовъ прислать изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вѣдомости о дѣтяхъ церковнослужителей, поступившихъ въ свѣтскую службу, и объ отдачѣ въ рекруты всѣхъ тѣхъ, которые безъ увольненія изъ церковнаго причта, были отведены въ означенныя мѣста (П.С.З. 13, 306).

Мѣры касательно церковнаго благочинія. По прежнему сенатъ издаетъ указъ противъ обидъ и притѣсненій духо-

венства (13, 286); освобождение священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія и присрасныхъ допросовъ со стороны духовныхъ властей (13, 609) распространяетъ теперь и на дьяконовъ; запрещаетъ строить близъ монастырей и церквей питейные дома и лавки; производить продажу во время церковной службы и крестныхъ ходовъ (13, 877, 13, 864); онъ назначаетъ лишеніе духовнаго сана за пьянство и безчинства, а причетниковъ за эти пороки - въ солдаты, на поселеніе и въ крестьянство (13, 908). Въ 1772 г. синодъ лишилъ сана одного священника за вымогательство излишней платы за погребеніе умершаго и долговременное оставленіе тѣла безъ погребенія (13, 910). Синодъ запрещаетъ крестные ходы въ Москвѣ, совершаемые духовенствомъ самовольно (13, 720). Синодъ требовалъ ежегодныхъ вѣдомостей о числѣ домовыхъ церквей (№ 13, 625). Священникамъ воспрещалось вѣнчать въ часовняхъ (13, 334), также молодыхъ женниховъ съ взрослыми невѣстами (14, 229). Но въ особенности подобныя ограниченія направлены были противъ монашествующаго духовенства. Во всѣхъ монастыряхъ требовалось завести правильныя описи всему церковному и монастырскому имуществу (13, 621) и доставлять въ синодъ изъ всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстъ вѣдомости о доходахъ и расходахъ (13, 639). Напоминалось, чтобы никого

не постригали въ монахи безъ указа синода (13,721; 13,405; 13,752), а перебѣжчиковъ, принявшихъ монашество за границею и возвратившихся въ Россію, лишать сановъ (14,141). Это распоряженіе, по фискальнымъ соображеніямъ, болѣе строго соблюдалось относительно податныхъ сословій (13,453). По политическимъ соображеніямъ, имѣвшимъ теперь мѣсто, былъ запрещенъ переходъ монаховъ изъ Турціи и Польши въ Россію (13,372). Самимъ насоятелямъ монастырей запрещено было выводить изъ нихъ, безъ дозволенія, далѣе 20 верстъ (14,187). Назначеніе архимандрита Кіево-печерской лавры подчинено было синоду (13,248). Для выбора въ архіереи достойныхъ лицъ постановлено было ежегодно вызывать въ Петербургъ очередныхъ архимандритовъ (13,331).

Съ присоединеніемъ къ Россіи Азовской и Таганрогской крѣпостей, онѣ были подчинены Воронежской епархіи (13,523). Въ 1771 г. была назначена изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ съ миссіонерскою цѣлью „осетинская коммиссія" (13,566; 13,592).

<u>Расколъ и ереси</u> Въ отношеніи къ расколу и ереси правительство держалось начала терпимости, но на практикѣ они разбивались отчасти о противодѣйствіе духовенства, отчасти о политическія соображенія, которыми привыкла въ религіозныхъ вопросахъ руководствоваться даже свѣтская

власть. Раскольниковъ дозволено было допускать къ присягѣ и свидѣтельству по судебнымъ дѣламъ (13, 255; Солов. XXIX, 129), но въ 1769. нѣсколько раскольническихъ учителей были сосланы въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости и обращены въ военную службу, причемъ имъ объявлено было, чтобы они не имѣли между собою никакого сообщенія и не разсѣвали своей прелести. Но одинъ изъ сосланныхъ, солдатъ Степанъ Кузнецовъ, отлучаясь часто въ Воронежъ, распространилъ здѣсь расколъ, а самыми усердными его послѣдователями оказались двѣ крестьянки, которыя стали торжественно проповѣдывать на площади ученіе о двуперстномъ знаменіи (Варвара Ерилова и Акулина Овчинникова). При обыскѣ у нихъ нашли четыре псалма, которые онѣ пѣли въ своихъ собраніяхъ. Сенатъ передалъ свѣдѣнія объ этихъ раскольницахъ въ синодъ, но прибавилъ, чтобы духовный судъ, которому поручено будетъ разсмотрѣть это дѣло, не дѣлалъ никому ни малѣйшаго притѣсненія, дабы „не произвесть существительнаго вида инквизиціи" (Солов. 131–132). Узнавъ же, что на обѣихъ рѣкахъ Иргизахъ образовались раскольничьи скиты, куда стекаются многіе бѣглые, сенатъ приказалъ казанскому губернатору Бранту отправить туда команду и осмотрѣть вдругъ всѣ скиты, чтобы раскольники не могли скрыться. Та-

кимъ образомъ въ нихъ было найдено 44 бѣглыхъ мужчинъ и женщинъ (ib. 132).

Въ половинѣ 1772 г. была открыта болѣе опасная ересь – скопчество. Она появилась въ Орловскомъ уѣздѣ. По этому поводу въ инструкціи полковнику Волкову, отправленному для слѣдствія и суда надъ скопцами, было выражено: „Въ таковыхъ случаяхъ ничего нужнѣе не бываетъ, какъ съ одной стороны упущеніе въ самомъ началѣ подобныхъ безразсудныхъ глупостей, а съ другой – сохраненіе и безопасность множества людей отъ прицѣпокъ и забираній въ какомъ ни есть нижнемъ судебномъ мѣстѣ, паче же отъ всякихъ иногда невинныхъ людямъ бѣдъ могущимъ привязокъ и притѣсненій. Предоставляя слѣдователю пользоваться осторожно своимъ полномочіемъ, императрица положила раздѣлить всѣхъ виновныхъ на три категоріи: 1) зачинщиковъ, которые другихъ изуродовали, 2) тѣ, которые, бывъ уговоренными, другихъ къ тому приводили и 3) простаковъ, которые слѣпо повиновались безумнымъ наставникамъ. Первые подлежали наказанію кнутомъ и ссылкѣ навсегда въ Нерчинскъ; вторые наказанію батогами и ссылкѣ на фортификаціонныя работы въ Ригу; а третьи должны были быть возвращены въ свои жилища. Вмѣстѣ съ тѣмъ Волкову приказывалось производить разысканія безъ всякихъ истязаній и самымъ кроткимъ образомъ, какъ обы

новенное гражданское дѣло, а неиначе, и наказания положены были бы какъ за гражданскія преступленія. Послѣ этого жены 12 потерпѣвшихъ крестьянъ обратились въ синодъ съ просьбою разрѣшить имъ вступить въ новый бракъ и синодъ согласился удовлетворить ихъ просьбу. Относительно же самихъ скопцевъ, онъ постановилъ: семь лѣтъ не допускать ихъ къ причастію и исповѣдываться раз в годъ (П. С.З. 13, 838, Сборн. постан. о расколѣ, I, 655-663). Вообще, нераскаявшіеся еретики отсылались теперь въ гражданскій судъ. (П.С.З. 13, 948).

Отношеніе къ магометанамъ. Но синодъ продолжалъ жаловаться, что въ Казани вновь построенныя мечети находятся возлѣ православныхъ храмовъ. Императрица велѣла отвѣчать на это слѣдующее: „какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она, изъ тѣхъ же правилъ, согласно Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобы между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали". При этомъ она велѣла напомнить, что дозволеніе строить каменныя мечети сдѣлано соотвѣтственно большому Наказу (ст. 494, 495 и 496). Однако синодъ не молчалъ и спустя 2 мѣсяца сообщилъ сенату, что магометане, пріѣзжая въ Барабинскую, стали обращать въ свою вѣру недавно перешедшихъ въ христіанство идолопоклонниковъ и строятъ тамъ мечети, ссылаясь на раз-

рѣшение сената. Сенатъ поручилъ наблюдать за обращенными въ христіанство тобольскому губернатору, но прибавилъ, что отъ наказанія кнутомъ совратившихся въ магометанство слѣдуетъ удерживаться и стараться приводить ихъ къ благочестію посредствомъ духовныхъ лицъ, одними увѣщаніями и ласкою, а не наказаніемъ. Тѣмъ не менѣе, постройка мечетей здѣсь была воспрещена (Журн. сената за 1773 г., Солов. XXIX, 132-133).

<u>Протестъ по поводу вѣротерпимости.</u> Отношеніе правительства къ нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ и начала терпимости, выраженныя въ правительственныхъ актахъ въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ, продолжали питать недовольствіе въ той средѣ, которая привыкла изъяснять историческія явленія съ исключительно религіозной точки зрѣнія. Монастырская братія толковала, что монахамъ можно теперь ѣсть мясо, потому что у монастырей всѣ вотчины отняты. Плодомъ подобныхъ толковъ явилось въ 1771 г. подметное письмо, написанное устюжскимъ купцомъ <u>Алексѣемъ Смолинымъ</u>, прямо обращенное къ императрицѣ и рѣзко порицавшее (пляшаніе Иродіады) ея образъ дѣйствій въ отношеніи къ церковнымъ вопросамъ и другимъ, тѣсно связанным съ ними. Онъ нападаетъ здѣсь на „разореніе святыхъ монастырей", на покровительство незаконнорожденнымъ дѣтямъ (воспитательные

бона), вмѣсто котораго авторъ предлагаетъ налагать на виновныхъ матерей публичное духовное наказаніе, по правиламъ святыхъ отцевъ; за разрѣшеніе лютеранамъ и кальвинамъ строить церкви; за послабленіе раскольникамъ за отпускъ хлѣба за границу и т. п. Свои угрозы авторъ заключаетъ внушительнымъ требованіемъ: „ежели ты на прежнихъ основаніяхъ не утвердишь, не избѣгнешь рукъ, озлобленныхъ тобою и раздраженныхъ!" При этомъ онъ обвиняетъ Екатерину въ смерти „государя Іоанна Антоновича" и печальной участи Арсенія Мацѣевича, который будто бы потерпѣлъ за то, что выставилъ предъ всѣми ея погрѣшности.

Смолинъ былъ приговоренъ къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости на пять лѣтъ, а въ 1776 г. ему разрѣшено было принять монашество. Въ такихъ чертахъ проявлялся иногда религіозный фанатизмъ, возбуждаемый современными событіями. Въ своемъ „Антидотѣ" Екатерина выразилась о фанатизмѣ такъ: „Въ Россіи фанатиковъ не поощряются и не терпятся; съ ними обходятся, какъ съ одержимыми душевною болѣзнію" (XVIII вѣкъ, 337). Но въ этомъ случаѣ она поступила строже: душевно больные обыкновенно отправлялись въ монастыри (Дѣло Смолина, Памятники Нов. рус. ист., I, 123 – 138). Нѣкоторыя политическія напоминанія могли оказать здѣсь свое вліяніе.

Семейныя дѣла Екатерины II. Женитьба вел. кн. Павла Петровича. Чтобы закончить обозрѣніе событій настоящаго періода, намъ остается сказать о семейныхъ отношеніяхъ Екатерины въ это время.

Съ приближеніемъ совершеннолѣтія (18 іюня, 29 сент. 1773 г.) вел. князя Павла Петровича, Екатерина стала помышлять о выборѣ ему невѣсты и, конечно, обратилась за этимъ прямо въ Германію. Миссія эта была возложена на извѣстнаго уже намъ Ассебурга, перешедшаго изъ датской въ русскую службу (въ 1771 г.), человѣка вполнѣ преданнаго Панину (Сборн. 82-94)[1]. Съ этою цѣлью онъ поселился во Франкфуртѣ (Сборн. XIII, 312). Императрица имѣла въ виду принцессъ: виртембергскую, саксенъ-готскую (приглашенную даже въ Петербургъ) и гессенъ-дармштадскихъ, дочерей извѣстной ландграфини Каролины. Ихъ было три: Амалія, 18 лѣтъ (въ 1773 г.), Вильгельмина 17, Луиза — 15 (Сборн. 82-94, 310-311). Фридрихъ II, какъ и въ избраніи самой Екатерины, постѣшилъ также принять участіе въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя черезъ Ассебурга и Панина (Лебедевъ, 138) и употребляя, по обыкновенію, происки и интриги. Но вотъ что писала Екатерина въ одной запискѣ по поводу выбора Фридриха II: „Я не очень останавливаюсь на похвалахъ короля прусскаго старшей изъ принцессъ гессенскихъ, потому что знаю какъ

---

1) О немъ у Шлоссера, Ист. XVIII сол., т. III.

онъ ихъ выбираетъ и какія ему нужны; то, что ему нравится, едва ли бы насъ удовлетворило. Для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше, я видѣла и знавала выбранныхъ имъ". На путешествіе принцессъ съ матерью было назначено 80,000 голланд. флориновъ (Сборн., XIII, 311). Ассебургъ сообщилъ Панину весьма подробную характеристику всѣхъ трехъ принцессъ; но Панинъ предполагавшій и послѣ брака сохранить вліяніе на вел. князя, скрылъ эту записку отъ императрицы; однако Екатерина, при посредствѣ своихъ агентовъ, добыла копію съ нея и не подала даже вида, что знаетъ его планъ. Она рѣшилась предоставить выборъ самому вел. князю, хотя не сомнѣвалась, на основаніи отзыва Ассебурга, что выборъ его падетъ на среднюю изъ нихъ. Прочитавъ портретъ ея у Ассебурга, она приписала внизу: „Я увѣрена, что она честолюбивѣе всѣхъ другихъ, кто не имѣетъ ни къ чему влеченія и ничѣмъ не забавляется, тонъ снѣдаемъ честолюбіемъ — это безошибочное правило". Послѣ этого мы легко поймемъ извѣстную инструкцію Екатерины, въ которой она требовала отъ будущей супруги вел. князя - <u>уваженія къ нацiи, преданности супругу и безусловаго подчиненія ей, какъ императрицѣ</u> (см. выше, 214 -215). Для встрѣчи ея и наставленія былъ посланъ въ Ревель любимецъ императрицы бар. <u>А.И. Черкасовъ</u>, съ которымъ она вела обширную переписку (36 писемъ) по этому дѣлу. Шуточный тонъ ея переписки пока-

зываетъ какъ относилась Екатерина въ своихъ дѣлахъ къ людямъ, вполнѣ ей преданнымъ. Она не щадитъ здѣсь Панина за его поступокъ. Такъ, въ частномъ письмѣ Ассебургъ увѣряетъ его, что ландграфиня, вслѣдствіе стараній его, Ассебурга, такъ хорошо вымуштрована, что будетъ слѣдовать совѣтамъ одного Панина и во всемъ будетъ съ нимъ за одно. „Съ другой стороны, прибавляетъ императрица, я получила въ тотъ же день прилагаемый экстрактъ изъ посланія короля прусскаго къ гр. Сольмсу. Изъ подчеркнутыхъ мною строкъ вы увидите, что и онъ предлагаетъ графу наставлять ландграфиню! Поэтому императрица пишетъ Черкасову, чтобы онъ заявилъ мачери, что если она хочетъ, чтобы ей вѣрили, то ей слѣдуетъ удалить всѣхъ конкурентовъ, которые хотятъ заставить ее дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ, что она желаетъ, чтобы ландграфиня соединила, а не раздѣлила умы. Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: „Впрочемъ я не намѣрена завести у ландграфини и ея дочерей никакого рода тайной канцеляріи (рус. текстъ). Если онѣ не захочутъ слушать отъ меня добрыхъ совѣтовъ, то могутъ убираться къ чорту". (нѣмец. текстъ, Рус. Вѣстн. 1871 г., №2, 545). И Фридрихъ былъ весьма недоволенъ поѣздкою своей родственницы въ Петербургъ, до объявленія которой либо изъ дочерей невѣсту вел. кн. и желалъ, чтобы Панинъ сдѣлалъ предварительно выборъ гласнымъ. Черкасовъ удивлялся смѣлости Панина въ этомъ случаѣ.

Вообще въ это время Екатерина была крайне раздражена противъ Паниныхъ: до нея доходили непріятные слухи о поведеніи П. И. Панина въ Москвѣ, который сильно фрондировалъ противъ нея въ то время, когда уже на востокѣ готовъ былъ разразиться пугачевскій бунтъ, а другіе распускали даже слухи, что онъ содѣйствовалъ народному возмущенію въ Москвѣ въ 1771 г., желая возвести на престолъ вел. князя Павла Петровича (XVIII вѣкъ, I, 81, 97–117). Поэтому Екатерина учредила за П. И. Панинымъ тайный надзоръ. Черкасовъ, напротивъ, во всемъ обращался за совѣтомъ къ императрицѣ, не желая сдѣлать ничего лишняго въ этикетѣ при пріемѣ ландграфини[1]. „По глупымъ, дѣлаемымъ вами вопросамъ, замѣчала Екатерина, я узнаю моихъ, которые затрудняются каждою бездѣлицею; продолжайте меня спрашивать, если что затруднитъ васъ: отвѣты мнѣ ничего не стоютъ и я съ точностью удовлетворю васъ." На его-же вопросы Екатерина отвѣчала ему: „Вы не должны давать ландграфинѣ и ея дочерямъ иного титула, какъ свѣтлость; я ничѣмъ не связала себя относительно ея, а просто пригласила пріѣхать въ Россію, а потому вы примите ее, какъ владѣтельную германскую принцессу.

1). При ландграфинѣ назначенъ былъ состоять генер. майоръ Ребиндеръ (Рус. Вѣстн. 1870, № 10, 519 и др.)

Въ особенности не должно происходить цѣлованіе руки. Когда я была помолвлена, мнѣ дали пингуль вел. княжны, мать же моя оставалась свѣтлостью. Со мною было поступлено по старому этикету, установленному съ давнихъ поръ въ Россіи. Благоразумный человѣкъ знаетъ всему мѣру; вы же благоразумны!" (Рус. Вѣстн. 1870, № 10, 528). Потомъ Екатерина снова повторяетъ, чтобы не было цѣлованія руки (531). Въ другомъ письмѣ она помѣщаетъ въ утѣшеніе Черкасова такой каламбуръ: „Прощайте, будьте здоровы, а я кутаюсь пойду на ваше здоровье. Прощайте мое сердце! Что скажетъ потомство, когда увидитъ это письмо. Оно сдѣлаетъ предположенія — и обманется".

Екатерина не ошиблась въ выборѣ вел. князя. Въ сент. 1773 г. состоялся бракъ послѣдняго съ принцессою Вильгельминою, принявшею, по переходѣ въ православіе имя вел. княгини Наталіи Алексѣевны[1]. Панинъ же, какъ воспитатель вел. князя, по случаю этого торжества, получилъ: званіе перваго класса въ рангѣ фельдмаршала, съ жалованьемъ и суммами, получаемыми по должности канцле

1). Младшая ея сестра отказалась перемѣнить исповѣданіе. Бюлеръ, Рус. Вѣстн. 1871, № 9, 208. Ландграфиня получила въ подарокъ 100,000 р. и 20,000 р. на дорогу, каждая изъ принцессъ по 50,000 р., каждый кавалеръ и дама

ра; 4,512 душъ въ Смоленской губ., 3,900 — въ Псковской, 100,000 р. на заведеніе дома, серебряный сервизъ въ 50,000 р., 25,000 ежегодной пенсіи, сверхъ получаемыхъ имъ 5,000 р., ежегодное жалованье по 14,000 р; любой домъ въ Петербургѣ; провизіи и вина на цѣлый годъ, придворный экипажъ и ливрею[1] (Лебедевъ, 135 — 174, Сборн. XIII, 64-82; 90-92; 318-324, 327-336, 346-353, 378. Два эпизода изъ царств. Екатер. II, Бюлера, Рус. Вѣстн. 1870, № 10; 1871 г., № 1, 2, 3, 9. Невѣсты вел. кн. Павла Петровича, Рус. Старина 1877 г. т. XIX, стр. 165 и 341). На содержаніе вел. князя было назначено ежегодно 50,000 р. (П.С.З. 14,024). Въ исторіи своего времени (т. VI, 119) Фридрихъ II по-

---

изъ свиты по 3,000 р. Рус. Стар. XIX, 359.

1). Чтобы охарактеризовать тогдашнія отношенія императрицы къ Панину приведемъ слѣдующій разсказъ. Получивъ такую щедрую награду за свои труды, Панинъ считалъ нужнымъ подарить 4,000 душъ крестьянъ своимъ 4 секретарямъ. Враги Панина истолковали этотъ поступокъ въ дурномъ смыслѣ. Екатерина встрѣтила его съ такими словами: „Я слышала графъ, что вы вчера расточали свои щедроты подчиненнымъ?" „Не понимаю о чемъ изволите говорить в. в.", отвѣчалъ Панинъ. „Какъ, спросила съ удивленіемъ императрица, развѣ вы не подарили нѣсколько тысячъ душъ своимъ секретарямъ?" „Такъ это вы называете многими щедротами? Ваши собственныя, государыня, возразилъ онъ: Награждая подданныхъ, В. И. В. столь обильно на нихъ изливаете свои милости,

здравляетъ себя съ тѣмъ, что ему вполнѣ посчастливилось породнить принца прусскаго съ наслѣдникомъ россійскаго престола, направивъ выборъ Екатерины II именно на принцессу Вильгельмину, которая получила яблоко.[1] (Въ своей запискѣ Панину Ассебургъ видимо отшатнулся отъ прежней рекомендаціи Вильгельмины — и это обстоятельство не могло не подѣйствовать на Екатерину, которая могла увидѣть здѣсь прусскую интригу (Рус. Вѣстн. 1871, №10, 211). Мать отзывалась Фридриху о ней: „она осторожна не по годамъ" (ib 217). Поведеніемъ ландграфини Екатерина оставалась довольна, но при дворѣ произошли недовольствія, повлекшія за собою удаленіе нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ великому князю (Сборн. XIII, 361). По возвращеніи же Сальдерна изъ Даніи (незадолго до того), гдѣ онъ велъ переговоры объ уступкѣ ей правъ на Голштинію (ib. примѣч.), Гр. Орловъ задумалъ отпере-

---

что представляется имъ всегда способъ увѣнчать часть изъ полученнаго содѣйствовавшимъ въ снисканіи вашего благоволенія". Е. Каменскій, II, 105-106. Говорятъ Панинъ не хотѣлъ принять эти 4,000 душъ крестьянъ потому, что они находились во вновь пріобрѣтенныхъ польск. областяхъ, а онъ былъ противникъ раздѣла Польши. Рус. Стар. XIX, 360.

1). Между ландграфинею и Ассебургомъ существовала дипломатич. переписка, въ которой Екатерина наз. книгопродавцемъ, женитьба — подпиской на сочиненія, приготовленныя къ изданію, а дочери ландграфини —

ться на него, чтобы низвергнуть Панина, и снова утвердить свое вліяніе; но замыселъ Сальдерна, человѣка въ высшей степени честолюбиваго и раздражительнаго, шелъ глубже, будучи раскрытъ во время, послужилъ предлогомъ къ его удаленію изъ Россіи[1]. Послѣ этого между императрицею и вел. княземъ снова водворилось согласіе. Полагаютъ, что это произошло не безъ участія новаго любимца ея — Потемкина (Лебедевъ, 176).

Положеніе молодаго двора. Тѣмъ не менѣе, вел. князь сохранялъ полное довѣріе только къ Панину, какъ человѣку, всегда стоявшему за его интересы. Вскорѣ высказалось и честолюбіе вел. княгини, нежелавшей безусловно подчиняться волѣ императрицы. Есть указаніе, что молодой дворъ сталъ хлопотать даже о популярности. Въ это время (1774 г.) вел. князь представилъ императрицѣ „разсужденіе о государствѣ вообще относительно войскъ для защиты онаго", въ которомъ онъ критически относится къ состоянію имперіи, не одобряетъ завоевательной политики правительства и настаиваетъ на необходимости мира для облегченія народа. „Нашъ народъ таковъ, говоритъ онъ, что малѣйшее удовольствіе заставитъ

томами сочиненія. Рус. Вѣстн. 1871, № 9, 210.

1). Сальдернъ сблизился съ вел. княземъ и сталъ внушать ему о его правахъ „по рожденію". „Если бы ему удалось, прибавляетъ Сальдернъ, онъ произвелъ бы революцію". (Рус. Стар. XIX, 354–358).

его забыть годы неудовольствія и самое бѣдствіе... Пора помышлять о сохраненіи сего драгоцѣннаго его и рѣдкаго расположенія." [1] Записка эта не была одобрена императрицею. Павелъ былъ безусловно защитникомъ прусскаго союза. Въ бытность же двора въ Москвѣ, по случаю празднованія мира (1775 г.), императрица выразила даже свое неудовольствіе вел. княгинѣ за ея поведеніе, а вел. князь позволилъ себѣ войти въ толпу и бесѣдовать съ народомъ, на что также посѣтители указать императрицѣ. Но уже въ апрѣлѣ 1776 г. молодая цесаревна скончалась отъ родовъ. Приходилось думать о новыхъ отношеніяхъ и связяхъ (Лебедевъ, 181-212). Кромѣ непреодолимой страсти ко всему военному, вел. князь Павелъ Петровичъ наслѣдовалъ отъ Петра III болѣзненное сложеніе, окрѣпшее лишь въ годы зрѣлости. Видѣвшіе его во время первой женитьбы находили его привлекательной наружности, обладающимъ прекрасными глазами и умнымъ выраженіемъ лица, а его характерный носъ (приподнятый къ верху), судя по отзывамъ, и по современнымъ портретамъ, напоминалъ отца Екатерины II. Вел. князь былъ застѣнчивъ, но веселаго нрава. И онъ, подобно Петру III, тяготился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ (см. записку его у Лебедева).

---

1). Въ декабрѣ 1774 г. неудовольствие вел. князя выразилось въ прискорбномъ подозрѣніи по поводу дурно поданнаго ему блюда. Сборн. XIX, 389-390.

Г. А. Потемкинъ. Въ предыдущемъ разсказѣ мы упоминали уже имя Потемкина, который въ это время получаетъ преобладающее вліяніе на дѣла при дворѣ. Познакомимся пока нѣсколько съ этою личностью.

Фамилія Потемкиныхъ довольно извѣстна въ русской исторіи. Одинъ изъ предковъ любимца Екатерины II (Петръ Ив.) былъ послѣдне въ 1668-81 г. въ Мадридѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Копенгагенѣ. Отецъ его участвовалъ во многихъ сраженіяхъ при Петрѣ В., но вышелъ въ отставку въ чинѣ подполковника и жилъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи. Онъ былъ двоеженецъ и отъ второй жены его, красавицы-вдовы, Дарьи Васильевны Скуратовой (урожденной Кондыревой) родился въ 1739 г. въ Смоленской губ. сынъ Григорій (второй или третій). Чтобы узаконить бракъ, первая жена Потемкина, не жившая съ нимъ, склонилась на мольбы второй жены — и пошла въ монастырь. Но неравенство лѣтъ привело къ печальнымъ послѣдствіямъ молодую жену Потемкина: мужъ держалъ ее взаперти и обращался съ нею деспотически. Первоначально Гр. Потемкинъ воспитывался съ сыномъ своего крестнаго отца (президентъ камеръ-коллегіи Гр. Матв. Козловскій) въ заведеніи Лимкина въ Нѣмецкой слободѣ, а въ 1755 г. былъ записанъ въ рейтары конной гвардіи, числясь и посѣщая лекціи въ московскомъ университетѣ. По праздникамъ онъ бывалъ въ домѣ своего милостивца — бар. Строгонова, а въ свободное

время посѣщалъ іеродіакона греч. монастыря Дороѳея, гдѣ прилежно занимался греческимъ языкомъ, расположеніе къ которому сохранилось у него и потомъ. Но теперь же Потемкинъ усвоилъ еще одну особенность: страсть къ бесѣдамъ о церковныхъ вопросахъ и обрядахъ. Онъ присутствовалъ даже въ одной церкви. Науками Потемкинъ занимался охотно, но любилъ писать сатиры и эпиграммы. Не разъ онъ говаривалъ: „буду министромъ или архіереемъ"; „начну военной службой, а не то стану командовать попами". Въ 1756 г. онъ былъ удостоенъ золотой медали, а въ 1757 г., въ числѣ 12 лучшихъ студентовъ, былъ отправленъ въ Петербургъ и представленъ императрицѣ Елисаветѣ. Свѣдѣнія Потемкина въ греческомъ яз. и богословіи обратили на него вниманіе. Тѣмъ не менѣе, послѣ этой поѣздки, онъ совершенно пересталъ заниматься въ университетѣ, все время водился съ монахами и въ 1760 г. былъ исключенъ „за лѣность и нехожденіе въ классы" вмѣстѣ съ извѣстнымъ потомъ писателемъ Новиковымъ. Однако онъ не вступилъ и въ духовное званіе, а, получивъ отъ архіеп. Амвросія 500 р. въ займы, отправился въ Петербургъ и поступилъ въ военную службу. Рослый и статный юноша обратилъ на себя вниманіе принца Георга и былъ взятъ къ нему ординарцемъ. Вскорѣ за чѣмъ онъ былъ вовлеченъ Гр. Орловымъ въ заговоръ противъ Петра III, за что былъ награжденъ чиномъ подпоручика и 400 душъ крестьянъ и пожалованъ

въ камеръ-юнкеры. Въ то время какъ императрица заговаривала съ нимъ по французски, онъ отвѣчалъ ей по русски; онъ позволялъ себѣ дѣлать разныя сумасбродныя выходки, которыя обращали на него общее вниманіе. О своихъ восторженныхъ чувствахъ къ Екатеринѣ онъ говорилъ открыто. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ, съ весьма обширными правами, а это было въ то время, когда рѣшался такой важный вопросъ, какъ секуляризація церковныхъ имуществъ. Неосторожное обращеніе во время болѣзни съ глазомъ сдѣлало Потемкина кривымъ и это такъ подѣйствовало на него, что онъ чуть не лишился было разсудка, отростилъ себѣ бороду и снова сталъ собираться въ духовное званіе. Однако послѣ 18 мѣсяцевъ отшельничества, Орловы снова привезли его во дворецъ, но особенное вниманіе къ нему императрицы заставило ихъ прибѣгнуть къ женитьбѣ его на дочери гр. Разумовскаго, которая впрочемъ не состоялась. Тогда его отправили съ дипломатическимъ порученіемъ въ Швецію. Между тѣмъ онъ подвигался по службѣ (въ 1768 г. былъ пожалованъ въ камергеры и генер. майоры), а съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Турціи, отпросился волонтеромъ въ первую армію. Имя его мы не разъ встрѣчали въ исторіи этой войны. Румянцовъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался Екатеринѣ о его способностяхъ и распорядительности. Прибывъ на время (въ 1770 г.) въ Петербургъ, Потемкинъ

большенъ былъ снова возвратиться въ армію. Орловы еще были въ силѣ. Однако при дворѣ Екатерины у Потемкина были уже надежные друзья – это библіотекарь ея В. П. Петровъ и статсъ-секретарь И. П. Елагинъ. Въ то время, какъ гр. Орловъ усмирялъ чуму, гр. Потемкинъ пожиналъ лавры въ войнѣ съ турками. Отсутствіе Орлова въ Москвѣ, а потомъ въ Фокшанахъ (на конгрессѣ) дало удобный моментъ его противникамъ, – во главѣ которыхъ стоялъ Панинъ, лишить Гр. Орлова прежняго вліянія. Они обратили вниманіе императрицы на молодаго поручика конной гвардіи А. С. Васильчикова, человѣка въ высшей степени скромнаго и добродушнаго. Вскорѣ его сдѣлали камеръ-геромъ и кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Орловъ поспѣшилъ въ Петербургъ, но ему приказано было выдержать предварительно карантинъ. Онъ поселился временно въ Гатчинскомъ дворцѣ. Послѣ этого онъ то появляется при дворѣ, то уѣзжалъ въ Ревель; 24 ноября 1773 г. онъ поднесъ императрицѣ огромный алмазъ для украшенія скипетра. Но Васильчиковъ продолжалъ пользоваться вниманіемъ. Между тѣмъ въ началѣ декабря 1773 г. Екатерина написала любезное письмо генералъ-поручику Потемкину, осаждавшему въ то время Силистрію. Она заявляла ему, что, не желая подвергать опасности храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей, проситъ его не бояться

въ опасности. „Вы, читавъ сіе письмо, заключаетъ она, можетъ статься сдѣлаете вопросъ — къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей въ васъ, ибо я всегда къ вамъ доброжелательна." Въ началѣ января 1774 г. Потемкинъ уже былъ въ Петербургѣ. Партія Панина нагнулась, но Екатерина видѣла въ этомъ свое освобожденіе. Потемкинъ однако съумѣлъ на первыхъ порахъ успокоить Паниныхъ, относясь въ тоже время неблагосклонно къ Орловымъ. Въ мартѣ 1774 г., въ то время, какъ Тыбиковъ уже боролся противъ Пугачева, Екатерина считала нужнымъ извѣстить его, что она взяла Потемкина генералъ-адъютантомъ къ себѣ, „а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу". Спустя недѣлю (15 марта) Потемкинъ былъ пожалованъ подполковникомъ преображенскаго полка, а затѣмъ былъ уволенъ отъ двора Васильчиковъ. Въ теченіе своего фавора послѣдній получилъ: 100,000 р., 7,000 душъ крестьянъ, бриліантовъ на 60,000 р. серебряный сервизъ въ 50,000 р., ежегодную пенсію въ 20,000 р., великолѣпно меблированный домъ въ Петербургѣ, отчасти по ходатайствуемаго Потемкина. Заканчивая благодарственное письмо къ своему покровителю, Васильчиковъ спѣшилъ уже поцѣловать его руки." (Лебедевъ, 180, Ср. Сборн. XIII, 360, 397-98). Вскорѣ Ва-

сильчиковъ самъ женился. Въ апрѣлѣ 1774 г. Потемкинъ переѣхалъ во дворецъ, будучи неотлучно при императрицѣ. Ст. Понятовскій поспѣшилъ прислать ему орденъ Бѣлаго Орла. Онъ состоялъ членомъ государственнаго Совѣта, принималъ участіе въ назначеніи П. И. Панина для усмиренія пугачевщины, участвовалъ въ заключеніи мира съ Турціей и обратилъ вниманіе императрицы на опасное положеніе запорожцевъ, приведшее вскорѣ (1775 г.) къ уничтоженію Сѣчи. Въ половинѣ 1774 г. онъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ декабрѣ того же года генералъ-адъютантомъ, вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго (Рус. Стар. 1875 г. т. XII, 481-504; Сборн. Р. И. О. т. XIII, Б. Каменскій; биографія Потемкина, написанная Самойловымъ въ Рус. Арх. 1866; Лебедевъ, гр. Панины)

<u>Отзывы о Потемкинѣ.</u> Безспорно Потемкинъ былъ человѣкъ даровитый. Современники называютъ его даже человѣкомъ „необыкновеннаго ума" (Рунич, 76); хотя ни одно дарованіе его не могло быть примѣнено какъ слѣдуетъ, по страшной жадности и честолюбію, которыя влекутъ его къ игранію первой роли. Неудача не останавливаетъ его, а свойственная его натурѣ лѣнь и апатія пріучили его къ терпѣнію. Екатерина не могла надолго примиряться съ Васильчиковымъ; Орловы слишкомъ стали требовательны; они можно сказать стерегли-

ее. Но это-то и побудило ее прекратить такую зависимость. Мѣсто одного изъ героевъ 28 іюня — занялъ другой, котораго она давно знала.

На первыхъ порахъ Потемкинъ постарался сблизиться съ Паниными, старался примирить императрицу съ сыномъ. Гуннинъ отмѣчаетъ въ немъ „необыкновенное знаніе людей, дружбу съ духовенствомъ, не смотря на его разгульную жизнь, и предрекаетъ ему, по его способностямъ, блестящую будущность. „Со дня моего пріѣзда сюда, пишетъ онъ, я еще не видѣлъ такой тишины при дворѣ, такого отсутствія интригъ, какъ въ послѣдній мѣсяцъ (въ ноябрѣ 1774). Даже безпокойный и бурный умъ княгини Дашковой не въ состояніи возмутить этого спокойствія". Впрочемъ этому много способствовало и отсутствіе З. Чернышова, „главной пружины интригъ", замѣчаетъ Гуннинъ. Дашкова, довольная свержеціемъ Орловыхъ, постѣшила примкнуть къ Потемкину, при посредствѣ котораго и получила новыя милости для себя и своего сына. Нужно впрочемъ замѣтить, что она до конца жизни Потемкина была съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Приближая къ себѣ Потемкина, Екатерина постѣшила однако оградить отъ него Орловыхъ „Только одно прошу не дѣлать, писала она ему, не вредить и не стараться вредить кн. Орлову въ моихъ мысляхъ, ибо сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны,

нѣмъ человѣка, котораго онъ болѣе мнѣ хвалилъ и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ, и въ прежнее время, и нынѣ, до самаго пріѣзда твоего, какъ тебя; а если онъ свои пороки имѣетъ, то ни тебѣ, ни мнѣ ихъ разцѣнить и разславить. Онъ тебя любитъ, а мнѣ они друзья, и я съ ними не разстанусь. Вотъ тебѣ нравоученье — умнѣ будешь примѣнять; не умно будетъ противорѣчить ему для того, что сущая правда". Потемкинъ старался выполнить завѣтъ Екатерины и покровительствовалъ Орловымъ. Онъ предлагалъ потомъ назначить Ал. Орлова начальникомъ флота при началѣ 2-ой турецкой войны (Лебедевъ, 174-182).

Такъ утвердилось господство Потемкина, продолжавшееся до самой его смерти (1791 г.), не смотря на частыя смѣны другихъ фаворитовъ.

Послѣ турецкой войны гр. А. Орловъ поселился въ Москвѣ, гдѣ занимался благотвореніями, лошадиными скачками и воспитаніемъ единственной своей дочери отъ Лопухиной (Анны Алексѣевны Орловой, извѣстной потомъ громадными пожертвованіями на монастыри и покровительствомъ въ царствованіе Александра I фанатику архим. Фотію). Онъ дожилъ до царствованія Александра I. Кн. Гр. Орловъ послѣ своего фавора жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ, затмѣвая своею пышностью даже принцевъ крови, и посѣтилъ Лондонъ (Сборн. XXVII, 54), а возвратившись въ Россію занялъ, по прежнему,

должность фельдцейхмейстера, но недолго оставался въ Петербургѣ. Въ 1777 г. онъ вступилъ въ бракъ съ двоюродной сестрою своею, извѣстной въ свое время красавицей[1] А. Н. Зиновьевой, смерть которой въ 1782 г. (въ Швейцаріи) произвела на него потрясающее впечатлѣніе и онъ умеръ въ слѣдующемъ году. Впрочемъ намъ придется иногда еще встрѣчаться съ нимъ на страницахъ царствованія Екатерины II.

Но въ то время, когда происходила эта борьба партій у престола Екатерины, а миръ съ Турціею повидимому затягивался въ долгій ящикъ, на восточной окраинѣ обнаружилось явленіе нерѣдко повторявшееся въ теченіе XVIII ст. и принявшее теперь весьма грозный характеръ не только въ предѣлахъ Поволжья, но и для всей Россіи. Мы разумѣемъ пугачевскій бунтъ, заставившій на время утихнуть партіи и ускорить миръ съ Турціей. —

---

1) Въ Совѣтѣ состоялось было постановленіе о распорядѣніи этого брака, но Екатерина не обратила на это вниманія и прислала венъ Орлова дорогіе подарки. Рус. Арх. 1873, 134.

2007041467